ОКТЯБРЬ
НА КУБАНИ
И
ЧЕРНОМОРЬЕ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГИ200
О452

ГИ200
О 452

ОКТЯБРЬ

НА КУБАНИ И ЧЕРНОМОРЬИ

БУРЕВЕСТНИК
1924

КУБАНО-ЧЕРНОМОРСКИЙ ИСТПАРТ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГИ 200 р
О-452

ОКТЯБРЬ

НА КУБАНИ И ЧЕРНОМОРЬИ

ПАРТИЙНО-КООПЕРАТИВНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „БУРЕВЕСТНИК"
КРАСНОДАР :: 1924.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

П

ГИ200 р
О 452

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

1446 69605 у
26
69605

Отпечатано в главной имени тов. Лиманского типографии Кубано-Черноморского Партиздата, в гор. Краснодаре, в декабре месяце 1923 года. Кубчерлит № 2035. Заказ № 233. Тираж 1500 экз.

сф
40053

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
Предисловие Истпарта	5—6
I. П. Самарьский — Октябрь в Туапсе	7
II. Н. Полуян.— Октябрьские дни на Кубани	22
III. Мироненко.— На первых фронтах	28
IV. Пивоваров.— От марта до корниловского наступления	33
V. Шмойлов, Дорморов, Чернецкий и Мартынов.— Октябрь станицы Приморско-Ахтарской	39
VI. Бушко-Жук.— Роль Новороссийска в борьбе за власть Советов на Кубани и Черноморьи	43
VII. Марков.—Октябрьские дни в хуторе Романовском Кавказского отдела	64
VIII. Провянников.—Воспоминания о революционных событиях и Октябрьском перевороте в Майкопском отделе в 1917—18 г. г.	72
IX. Британов.— Борьба за Советскую власть в Сочи	86
X. Янчиков.— «Сочинская Республика» 1905 г.	96
XI. Вишнякова.— От подполья к победе	101
XII. Розов.— Октябрь на Кубани и Профсоюзы	106
XIII. Мещеряков.— Воспоминания из революционного прошлого 1918 г.	110
XIV. Павлюков.— Октябрь 1905 г. в Екатеринодаре	116
XV. Павлюков.— Октябрь 1917 г. в Геленджике	121
XVI. Кузьмин — Революционные дни в Новороссийске	127
XVII. Рындин — С Кубани на Дон	139

Предисловие.

Совершенно неожиданно для Истпарта выходит его собственный, отдельный сборник.

Как и в прошлом году, мы, не имея ни сантима на издание, передали свои материалы в журнал Кубчеробкома «Путь Коммунизма».

И вот уже после того, как часть сданного материала была набрана, мы узнали, что он будет издан отдельным истпартовским сборником.

Несмотря на то, что подбор материала, конечно, не таков, каким бы он был, если бы мы подготовляли специальное издание, все же сборник должен представлять интерес, так как печатаемые в нем Истпартом материалы будут дополнением к тому, что уже напечатано им в прошлогоднем юбилейном сборнике («Путь Коммунизма», № 3 — 1922 г.) *). Мы помещаем сейчас воспоминания о борьбе за Советскую власть в различных уголках Кубани и Черноморья. Воспоминания искренние, безхитростные, проникнутые сознанием всего необ'ятного величия революции, за которую каждый из пишущих был и всегда будет готов каждую минуту, отдать свою жизнь. Мы нарочно не отшлифовываем до неузнаваемости стиля пишущих, ибо считаем, что будущему историку важно будет знать не только то, о чем пишут незаметные герои, но и как они пишут.

Истпарт надеется, что впредь ему будет предоставлена возможность регулярно издавать имеющиеся у него богатые материалы, соблюдая определенный план и последовательность.

Необходимо отметить, что за этот год работа Истпарта по собиранию материалов, систематизации их и частичной обработке шагнула основательно вперед. Кроме того, сделано самое главное: многие товарищи узнали нашу работу, поняли ее огромное значение и, можно смело сказать, полюбили ее. Доказательством служит огромный приток материалов к сборнику. Мы получили такую массу весьма ценных воспоминаний, что приходится печатать приблизительно одну десятую часть их, не считая ценных документов, которые у нас для Октября имеются.

---

*) Вся историческая часть принадлежит Истпарту.

Некоторые из собранных, но не помещенных здесь работ, будут напечатаны в будущем, все же полученные, как напечатанные и не напечатанные, тщательно систематизируются и хранятся для научно-исторической разработки и имеют громадную ценность.

Поэтому, товарищи, продолжайте работу по восстановлению всех мельчайших деталей нашей Кубанской Революционной Истории. Откликнитесь из каждого даже самого отдаленного и глухого уголка Кубани.

Те товарищи, которых судьба забросила в другие места РСФСР, если только они имеют хоть один документ, одно воспоминание — не считайте себя освобожденными от обязательства прислать их нам, выполнить свой долг перед Революцией.

Истпарт.

Октябрь в Туапсе*)

Если мы зададимся целью описать, как происходил Октябрьский переворот на Черноморском Побережьи, если мы даже будем говорить об Октябре на всей территории бывшей «Северо-Кавказской Республики» с центром в Краснодаре — нам необходимо будет остановить свое внимание на Туапсе.

Вряд ли можно оспаривать, что здесь, в этом портовом городке, в свое время зародился центр разросшегося впоследствии революционного движения Кубано-Черноморья. Здесь собралась на самом берегу моря группа застрельщиков пролетарского переворота на Черноморье, о работе которой до сих пор не поступало никаких печатных сведений.

Октябрь не был неожиданностью для активных партийных работников Туапсе.

Пережив тяжелые дни июльской травли, Туапсинский окружный комитет, чутко прислушиваясь к призывам вождей центра, стал планомерно и упорно подготовлять Октябрь.

Я помню то тяжелое положение, которое нам пришлось пережить в существовавшем в июле — августе, наряду с гражданским комитетом, Совете Солдатских и Рабочих Депутатов. (Я был тогда заместителем председателя). Но таково было соотношение сил!

Сто сорок четыре члена Совета — офицеры, фельдфебели, служащие, «благообразные и благонадежные» солдаты и рабочие — вот эсеро-меньшевистский состав Совета.

Исполнительный Комитет 14 человек (и в том числе я с товарищем Захаровым). Мне удалось туда проникнуть под давлением союза металлистов, председателем коего был я. Тов. Захарова знали как интернационалиста. Однако он всегда был с нашей партией. Руководящую роль в Исполкоме играло тогда эсэровско-меньшевистское офицерство, хорошо поддерживающее связь со своими партийными центрами.

В июле нас изрядно придушили... «Высококультурные и просвещенные революционеры» в блестящих погонах, с университетскими значками юристов и инженеров, как Трусковский, Краснов, Царевский, Сургунт, Кульчицкий и другие, буквально подталкивали несознательные элементы на избиение большевиков. И «присылка Вильгельмом Ильича в пломбированном вагоне» и «немецкие деньги» — все это конечно

*) Воспоминания писались т. Самарским при ближайшем участии т. Мацилецкого и Нефедова, которые своими подписями свидетельствуют полную достоверность сообщенного т. Самарским.

пускалось в ход, как излюбленное оружие этих от'явленных предателей рабочих и патентованных холопов буржуазии.

Если мне удалось удержаться в то время в Совете, то лишь в силу популярности моей подпольной работы среди рабочих, главным образом, завода Баратова, знавших меня как выдержанного и последовательного революционера и борца за их интересы.

Этот мой авторитет среди рабочих заставлял меньшевистско-эсеровскую свору терпеть меня в Совете.

Но после этой депрессии, нам удалось оправиться удивительно быстро. Этому способствовал приезд из Москвы тов. Стрелянова, согласившегося работать у нас, в качестве секретаря окружного комитета партии, в то время, когда нас изрядно придушили, когда мы наблюдали обычное после схватки утомление, когда массы временно утратили свой энтузиазм и кое кто уже опускал руки, — тов. Стрелянов, явившись у нас новым человеком, приехавший с иными, свежими впечатлениями, как это часто бывает, внес бодрую струю в нашу работу. К тому же и события в центре способствовали новому под'ему. Для возбуждения масс к революционной борьбе мы сумели использовать и корниловщину и керенщину и проявленное в тому времени банкротство Всероссийского Исполкома, и все случаи предательства эс-эров и меньшевиков, тащивших к власти «живые силы Кишкиных-Бурышкиных».

Октябрь подготовлялся нами планомерно. Правда, работников было мало. Но зато была планомерность.

Будучи рабочим завода Баратова, я использовал все связи с рабочими, чтобы дискредитировать тот Совет, в котором я состоял зампредом. Здесь же на заводе работал тов. Ковалев и другие рядовые товарищи. Будучи председателем окркома, я, совместно с тов. Ковалевым, легко вовлек в партийную работу рабочих Баратовского завода. В то же время мы развили усиленную работу среди рабочих порта, черноморских железнодорожных мастерских через тов. Нефедова, среди 27-го, 20-го и 21-го железнодорожных батальонов, где мы опирались на товарищей солдат — Мацилецкого, Хельштейнда, Ковальчука, Дьякова и других. Работа эта состояла в еженедельных открытых общих собраниях партии, в митингах в цирке и на площади, в «обходах» всех низовых ячеек. Последнее было чрезвычайно важно.

Не было ни одной роты, ни одной рабочей организации, где бы мы не бывали по нескольку раз в неделю. Эта настойчивость, э[illegible] итти в низовую ячейку, в роту, в мастерскую, чувствовать та[illegible] своей среде, в своей атмосфере — дала нам колоссальное прев[illegible] перед нашими противниками. Привыкшие к кабинетной работе, [illegible] с дисциплинированными мирными «слушателями» — эти оф[illegible] и адвокаты легко уступали нам позиции, отравляя атмосферу гнусной клеветой, руганью и предательством.

Настроение каждой роты, каждой мастерской было у нас на учете. В результате Совет Рабочих Депутатов был изолирован от масс. Мы его дискредитировали. Интересно отметить, что активных работников у нас

было чрезвычайно мало. Мы учитывали, конечно, что у нас есть еще округ, что бок о бок с нами казачья Кубань. Мы проникли и туда. Связь с Кубанью мы установили, но к сожалению, эта связь носила характер только создавания там ячеек, так как связываться, в сущности, было не с кем. Оформленных организаций там не было. Там хозяйничало казачье офицерство, с которым, впрочем, имел связь и Туапсинский Исполком, в лице председателя поручика инженера Трусковского, Краснова, Царевского и др. правых эс-эров.

Во время моего пребывания в Совете, Трусковский все время поддерживал со мной очень «любезные отношения», с сокрушением убеждая меня, что взятием власти в руки рабочих и крестьян нарушилась бы чудная гармония гражданских прав и свобод.

Но вернемся к «окружению», в котором мы были. Я считаю необходимым отметить, что мы не забывали Кубани. О ней мы имели, на случай захвата власти, хорошее напоминание, в виде двух расположенных в Туапсе казачьих сотен. И среди них велась некоторая работа. Ни одна отпечатанная нами прокламация или брошюра не миновала казачьих частей. Здесь любопытно отметить маленькую подробность. Когда мы носили литературу в казачьи сотни, масса казаков не прочь была почитать. Но офицерство наускивало трех — четырех мерзавцев, которые при появлении тов. Ковалева с литературой, старались возбуждать против него массу криками и руганью. Надо отдать справедливость тов. Ковалеву, который вступая в пререкания с провокаторами, настойчиво выполнял возложенные на него задания.

Я был членом редакционной коллегии «Известий Совета» и управляющим типографиями. Типографии были в руках эсеровского Совета. Однако случилось так, что члены редакционной коллегии эс-эры и меньшевики, чувствуя мое техническое превосходство, стушевывались и не успевали что-либо сделать, чтобы мне помешать, как я уже проводил в жизнь то, что надо было нашему Комитету Партии. Формально я был заведующим типографиями, но, помимо моего формального положения, я имел такую связь с типографскими рабочими, что все нити были у меня в руках и, благодаря этому, наш комитет никогда не терпел затруднений в том, чтобы отпечатать ту или иную листовку или брошюру. Помню даже однажды удивление наших товарищей, когда мне удалось отпечатать написанную, в резких выражениях, тов. Стреляновым прокламацию. Там с удивительной «откровенностью» говорилось не только о врагах рабочего класса — кадетах, о предательстве Временного Правительства, о ренегатстве Керенского, но и о предательстве изменников рабочего класса и крестьянства прихвостней буржуазии — эс-эров и меньшевиков. Эта прокламация, отпечатанная в огромном количестве, имела колоссальный успех у масс. Смешно становится, когда вспомнишь, что такую прокламацию мы могли напечатать открыто в типографии эсеровско-меньшевистского Совета и на их же бумаге. Ясно было, что виновники должны были бы быть арестованы. Но положение было таково, что запретить нам печатать

в типографии — значило вызвать захват нами типографии. Все это характерно для выявления, насколько мы дискредитировали и изолировали Совет от масс.

В этом случае была использована моя популярность, которой я определенно пользовался среди рабочих типографии. Мне удалось развить в типографии планомерную работу и мы регулярно снабжали крестьянство Черноморья и казачество Кубани нашей литературой. Надо оговориться однако, что наше влияние распространялось главным образом по Армавир-Туапсинской железной дороге до Армавира. В область Кубани, в круг Новороссийска и Краснодара мы проникнуть, разумеется не могли. Помню, что мы пытались проникнуть и туда. Так например, мне удалось выступать на митингах и распространять воззвания и прокламации на ст. Кавказской, Гулькевичи и Армавире. Там же в Армавире и Гулькевичи появлялся тов. Ковалев. В результате этой литературной агитации в наш Окрком стали являться смешанные делегации из станиц, состоявшие из рабочих и казаков. Даже некоторые казаки местных 2-х сотен записались к нам в партию.

Добившись дискредитирования Совета, мы решили повести наступление. Наш своего рода «небольшой штаб» из ответственных работников, куда кроме меня надо причислить тов. Стрелянова, Поярко, Нефедова и Ковалева, разработал план: поставить некоторые вопросы через меня в Совете и после неизбежного отклонения этих вопросов эс-эрами меньшевиками — привести в возбуждение низовые ячейки выборщиков. «Обходы» этих ячеек усилились. Я хорошо помню, что уже к тому времени я мог ручаться за завод Баратова.

Учтя настроение, мы просто начали выносить резолюции о перевыборах делегатов Совета. Дело было очень просто. Мы требовали докладов делегатов членов Совета. Что они могли дать революционизированным массам. Результатом были резолюции о переизбрании и перевыборах.

Клевета уже устарела, а других средств борьбы — пулеметов у эсэров наших было мало, да они были и ненадежны — в железнодорожных батальонах мы были желанные гости.

В Совет мы провели кого нам было необходимо. Обновленный Совет избрал Исполком исключительно из большевиков со включением, правда, нами 2-х, 3-х эс-эров из рабочих, которые нам были нужны и впоследствии несомненно принесли нам большую пользу, организовавши под нашим руководством лево-эсеровский комитет, чтобы окончательно вытравить из масс всякое воспоминание о правых эс-эрах. За их подписью была написана прокламация левых эс-эров.

В новом Исполкоме я остался тов. председателя Исполкома, а председателем Совета был избран тов. Стрелянов. Мы не об'явили себя единственной властью, но ни одно постановление какого бы то ни было органа, касающееся солдат и рабочих для нас не существовало, как не существовало и для масс, считавшихся лишь с нами.

Даже военная власть была фактически в сфере нашего влияния. В то время начальником гарнизона был удивительно тактичный и

не глупый полковник Карасев. Он был неизменным посетителем заседаний нашей солдатской Секции и ни одно серьезное распоряжение по гарнизону не было опубликовано без санкции нашей Секции и утверждения Исполкома. Полковники, начальники частей и канцелярий принуждены были долго и бесплодно доказывать то, что по их мнению необходимо провести и если это шло в разрез с интересами рабочих и крестьян, мы разоблачая их, запрещали проводить в жизнь. комиссар временного правительства Краснов стушевался настолько, что мы его не замечали, за исключением осторожно проявляемой обычной для эс-эров клеветы, распускаемой за углами, где мог фигурировать и Краснов, который нам говорил, что он примыкает к группе левых эс-эров.

Политическая власть, к тому же подкрепленная вооруженной силой, находилась в наших руках. Однако мы были отрезаны Доном и Кубанью от центра. На Дону «круги», Каледин, на Кубани — Бардиж, на Тереке — Караулов. В казачьих станицах глухая внутренняя борьба. На Черноморском побережьи лишь те центры, которые мы установили своими силами. Поддержки не было. Вся опора — это наша интенсивная работа, наша связь с массами. Мы это поняли, мы напрягли все силы, чтобы охватить своим влиянием профсоюзы. Эта работа как то сама собой выпала на меня, и проводилась вполне успешно. Мы учли важность вовлечения в революционную борьбу пролетариата, а также и Черноморского крестьянства. Поэтому перед тем, как взять Совет в свои руки, путем об'езда Лазаревки, Джубги, Архипо-Осиповки, Пиленки и др. населенных пунктов побережья, мы обеспечили себе поддержку крестьян. Сейчас же вслед за переизбранием Совета, мы собрали губернский крестьянский с'езд, на который, между прочим, явился с целой группой уже с'агитированных делегатов крестьянин Архипо-Осиповки тов. Павленко. Эс-эры и меньшевики поняли, что их позиции разбиты нами и, как обычно, пустились на подлость. Во время с'езда под прикрытием вечерней темноты они организовали вокруг Народного дома, где проходил с'езд, стрельбу, причем пули ясно били в стены здания. Тем не менее, с'езд прошел успешно и председателем губернского Совета Крестьянских Депутатов был избран я.

Мы знали, что Кубань нас попытается раздавить по призыву развенчанных героев Черноморья эс-эров. Перед нами было два выхода: или дипломатично переждать и пойти в хвосте, или быть на чеку. Колоссальные задачи выдвигались ходом исторических событий. Твердая вера в грядущую победу пролетариата, неизбежный захват власти партией в центре — поддерживали наш энтузиазм.

Надо было удержать позиции, надо было провести предвыборную кампанию на Всероссийский с'езд Советов. Чтобы обеспечить себе существование, мы вынесли на заседании Исполкома постановление о передаче воинскими частями достаточного количества оружия рабочим и об организации рабочих дружин.

Организованы сотни. Ведутся ежедневные правильные военные занятия. Почти ежедневные собрания, митинги и доклады. Типография

выбрасывает листовку за листовкой. Кубань угрожает нам голодом, задерживая продовольствие. Но уже то в одной, то в другой станице, уже в Майкопе, в Армавире, ст. Гиагинской и других налаживаются партийные организации, хотя еще очень и очень слабые.

Вот в какой обстановке нас застает Октябрь.

Я не буду останавливаться на работе в самом городе. Мы знали, что на Всероссийский с'езд мы дадим фракции большевиков одного члена. Надо было обратить внимание на крестьян. И эта задача была выполнена блестяще. В половине Октября мы созываем 2-й губернский с'езд крестьянских депутатов. Положение было опасно. В сущности, по отношению к крестьянству при созыве 1-го с'езда мы проявили обычные приемы диктатуры. Пришлось создать Совет Крестьянских Депутатов в интересах Революции, допустив отступление от многих поддерживаемых эс-эрами требований «демократичности». Поэтому можно себе представить, какая агитация была развита предателями после 1-го Крестьянского с'езда. Зато, располагая всеми средствами связи с крестьянством, мы легко справились с этой агитацией. Ко 2-му с'езду мы настолько упрочили свое положение, что дали полнейшую возможность свободных выборов делегатов, от крестьян, правда, всюду развивая свою агитацию.

С'езд вышел поразительно многочисленный. Как и следовало ожидать, эс-эры сразу же стали обвинять нас в том, что мы искусственно создали 1-й с'езд и Совет. Интересно отметить ту тактику откровенного признания, которой мы придерживались в этом вопросе. Эту точку зрения я выставил в своем докладе, как председатель крестьянского совета.

После доклада тов. Стрелянова по текущему моменту, в котором мы совершенно дискредитировали эс-эров и меньшевиков доказавши, что эс-эры и меньшевики — враги Революции, в своем докладе я совершенно откровенно заявил, что мы действительно поспешно созвали 1-й с'езд и провели его под нашим давлением.

Мы сделали это в интересах действительных крестьян, против Туапсинских и других городских домовладельцев и поповских сынков, которые надели на себя маску крестьянских представителей. Мы действительно вмешались, но вмешались для того, чтобы избавить крестьянство от примазавшейся кучки, ничего общего с крестьянством не имевших городских дельцов, политиканов, влекущих крестьян на путь контр-революции. Когда мы разогнали эту шайку, мы созвали 2-й с'езд. Ему мы передаем все дела в его руки. Мы очистили дорогу крестьянству. Пусть оно теперь свободно займется своими делами в интересах трудящихся. Вот кратко изложенное положение моего выступления.

Надо сказать, что эта точка зрения имела большой успех и собравшиеся крестьяне приняли все наши лозунги. Здесь произошло действительное братание крестьян с солдатами-большевиками и рабочими. Эс-эры принуждены были скрываться один за другим. Любое выставленное кем либо из них предложение проваливалось нами с такими

разоблачениями, что после провала уже, несмотря даже на обычное их нахальство, ни один из них не мог оставаться в зале заседания.

В результате, к половине собрания все они исчезли.

Мы поставили вопрос о Всероссийском с'езде и о наказе представителям на с'езд. Принята была резолюция о взятии власти в руки рабочих и крестьян, принята поднятием рук почти всех без исключения представителей крестьян Черноморья. Делегатом на Всероссийский с'езд был избран тов. Стрелянов.

Таким образом на этом с'езде крестьянство Черноморья выразило полное доверие партии большевиков и Совету Рабочих и Солдатских Депутатов.

Завоевавши симпатии рабочих, солдат и крестьян мы чувствовали себя уже значительно прочнее.

Агитация наших врагов перенесена была в торгашеско-капиталистический и ремесленно-мещанский слой обывателей.

Мы уже чувствовали себя достаточно сильными, чтобы дать им бой. Уже недели две спустя после переизбрания Совета, мы об'явили день Всенародного митинга. Издано распоряжение на заводы и мастерские, написан приказ по всем частям гарнизона, всюду расклеены воззвания гражданам,— об'явлен нерабочий день. Гудки на заводах, свистки пароходов в порту. Является рота за ротой. Идут со знаменами рабочие, отовсюду стекаются граждане. Это было грандиознейшее для Туапсе собрание.

Мы изложили собравшимся массам смысл и значение организации Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Мы выставили всенародно утверждение, что если кому либо должна принадлежать власть, то только рабочим, солдатам и крестьянам — трудовым массам, дающим основу жизни общества.

Собрание прошло с удивительным под'емом. Никто из эс-эров и меньшевиков, несмотря на то, что собрание это было общегражданским, не имел успеха. В результате выносится резолюция, в которой выражается всенародное доверие вновь избранному Совету Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и партии большевиков, как защитнице интересов трудящихся. В этой же резолюции выставляется требование перехода власти в руки Советов повсеместно.

Собрание, как обычно, торжественно заканчивается пением Интернационала и возгласом: «Да здравствует власть рабочих и крестьян, да здравствует власть Советов».

Укрепивши свое положение в Туапсинском округе, мы уже повели наступление (идейное) на Кубань и на все Черноморье. Вскоре в некоторых станицах Кубани, в Сочи, Адлере, Гаграх власть фактически была взята Советами. Во всяком случае все Черноморское побережье не знало другой власти, кроме Власти Советов, за исключением Новороссийска, хотя к тому времени, по имеющимся у нас сведениям, там с'организовалось ядро большевиков.

Вскоре после 2-го Крестьянского с'езда тов. Стрелянов уезжает на 2-й Всероссийский С'езд Советов. Я вступаю в исполнение обязанностей

председателя Совета. Тогда уже ясно чувствовалось, что назревают грандиозные события.

К 20-му октября атмосфера начала сильно сгущаться, полураздавленные нами эс-эры и меньшевики перенесли агитацию на экономическую почву. Они старались внушить массам мысли о том, что мы должны раздавать продовольствие, мануфактуру и т. п. Особенно здесь они использовали военных моряков, бывших владельцев и мастеров моторных лодок и прочий пьянствующий элемент. Эс-эровское офицерство, уйдя в подполье, стало довольно успешно укрепляться в частях пограничной стражи, в батарее Канэ и в некоторых ротах 20-го железнодорожного батальона.

К 20-му октября, т. е. ко дню С'езда Всероссийского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, эс-эровский комитет получил от своего центра телеграфное предписание организовать «комитет спасения родины и революции». К тому же времени мы получили от своего центра директивы организовать «военно-революционный комитет».

Я уже говорил, что мы заранее организовали рабочие дружины, но и эс-эры деятельно готовились к вооруженной борьбе. К 20-му уже почти все части, за исключением находившихся под влиянием эс-эров, постановили взять власть в руки Совета. Эс-эры с'организовали довольно значительную боевую дружину, как можно было определить, человек в 300. Батарея Канэ была ненадежна. Пограничники, в силу своей разбросанности, также были под их влиянием. Две казачьи сотни могли стать только лишь на их сторону. Кроме того мы не были гарантированы, что не придет откуда либо новая казачья часть.

Тяжелее всего было то обстоятельство, что один из железнодорожных батальонов был ненадежным и упорно поддерживал у себя офицеров, эс-эров и меньшевиков. Разумеется эс-эровские силы представляли из себя кадр хорошо обученных офицеров и матросов и в этом была большая опасность. Одних офицеров на 6 с лишним тысяч гарнизона насчитывалось до 360 человек.

Итак эс-эры приготовились «спасать» родину и «революцию» путем расстрелов революционных рабочих и солдат. Но получивши директивы об организации Военно-Революционного Комитета, мы поняли, что надо твердо стиснуть винтовку в своих руках.

В ночь на 20-е мы созвали об'единенное заседание Исполкома, представителей гарнизонного Комитета и частей гарнизона и рабочих организаций. На этом заседании мы намеренно ставили вопросы так, как будто бы они должны разрешаться в отдаленном будущем. Это делалось нами с целью усыпить бдительность врагов.

После заседания Исполкома мы оставили для секретного совещания активных и надежных товарищей солдат — Мацилецкого, Хельштейна, Ковальчука, Дьякова, Орлова и еще одного — двух товарищей, фамилии которых я не помню. Совместно с ними был весь наш так называемый «Большевистский штаб», т. е. Ковалов, Поярко, Нефедов, Некрасов и я.

Это был момент, каких немного приходится переживать революционеру.

Глубокой ночью, в октябрьскую непогоду, в тесной комнате дачи Перцова разрабатывается стратегический план занятия города.

Надо знать намерения врага. Надо учесть его силы.

Намерения эс-эровского комитета нам известны по сведениям от тех товарищей-рабочих эс-эров, которые тяготились связью с предателями и перешли к нам. Поэтому мы знали, что противник хочет об'явить власть «комитета спасения родины и революции» и арестовать активных членов Исполкома — большевиков. И вот на даче Перцова, выставивши караул у входа, собрались те, кто был намечен к аресту.

Мысленно мы заглядывали в стан врага..

Несколько сот офицеров, батарея Канэ — на поводу у командира Вакуленко и эс-эров. В порту, покачиваясь на бурных волнах сердитого осеннего моря, стоят три истребителя с вечно пьяными командами, в большинстве членами партии эс-эров...

И совсем недалеко от нас 27-ая и 28-ая казачьи сотни, с офицерством, открыто жаждущим расправы с большевиками и просто с рабочими.

Ждать событий — значит дождаться плохих результатов.

Взять власть в руки.. Если в центре неудача — мы здесь раздавлены... Но колебания слишком мимолетны. Никто их как-то не ощущает, не замечает.

Вопросы не голосуются. Составляется военно-революционый комитет, во главе с товарищем Мацилецким. Туда входят из военных тов. Хельштейн, Ковальчук, Орлов, я, как заместитель отсутствующего Председателя Исполкома, Поярко, Ковалев, Нефедов. Назначаются командиры частей. Это — главным образом надежные фельдфебели и унтер-офицеры, а рядом с ними — рабочие, активные партийцы — Поярко, Ковалев, Нефедов, Некрасов, Слепцов... Быстро набрасывается план: верная нам полевая батарея устанавливается на горке у дачи Султан-Гирея. Приказ: при малейшей попытке батареи Канэ к активным действиям — обстрелять и сбить ее беспощадно.

В порт — батарею против истребителей. При малейшей попытке их передвинуться, выйти в море — пустить ко дну. Каждая пехотная часть располагается так, что берет под огонь первую приходящую в движение часть противника.

Полевой штаб — в районе Черноморских мастерских и завода Баратова. Оттуда ведется наступление на город.

Нет ни растерянности, ни беспокойства.

В Исполкоме усиленный караул.

К 2-м часам ночи план готов. Прямо отсюда, ночью товарищи идут в свои части, готовить их к наступлению.

Снимаются караулы и заменяются своими там, где это считается необходимым. Председатель Ревкома Мацилецкий передает по телефону полковнику Карасеву, что он уже не начальник гарнизона, что организован

Военно-Революционный Комитет, Начальник гарнизона упразднен, назначен Комендант города и назначены командиры частей. Воспрещено всякое передвижение частей...

Воинские части расположены к утру за городом от реки Туапсинки по железнодорожной линии.

Пришедшие на работу робочие идут в роты и получают оружие... Вопреки всем соображениям стратегии, я с группой активных товарищей в здании Исполкома в городе.

Проснувшись утром и обнаружив у города готовые к бою наши части, граждане с минуты на минуту ожидали начала пушечной и ружейной стрельбы.

В эс-эровском комитете шумят витии

В доме канцелярии начальника гарнизона — все офицерство обсуждает положение, в надежде раздавить нас теми или иными мерами.

Одни собираются защищаться, другие собираются воевать с нами. В результате бурных споров среди них, является к нам начальник гарнизона полковник Карасев. Он говорит: офицерство возбуждено угрожающей ему опасностью насилий. Против захвата власти выступать не намерены, но боясь избиения и арестов, они вынуждены будут защищаться своевременно. Он предлагает договориться, приглашает меня как предисполкома итти к ним на гарнизонное собрание офицерства.

Надо учесть положение. Не пойти — значит отказаться от переговоров, дать сигнал к бою. Тогда несомненно державшаяся вне партий и активной политики часть офицерства для боя соединится с эс-эрами.

Было заманчиво иметь мирный исход.

Полковника Карасева я знал хорошо и даже не имел основания ему не верить. Вот что он говорил мне тогда: единственное его желание — избежать кровавых столкновений. Он примет все меры к тому. «Верьте мне старику, моему честному слову, что ни один солдат моего гарнизона не опозорит себя кровью своих братьев рабочих и крестьян, если Вы не начнете кровопролития сами».

Я пошел... Человек сто — сто пятьдесят в душно накуренной комнате. По большей части враждебные, дышащие злобой взгляды — острые насмешки и презрение.

Когда я говорил, что исторический момент выдвигает к власти рабочих и крестьян, я видел, что они готовы были пустить мне пулю в лоб. Заметив их жесты, я сказал, что лишь трусы могли бы стрелять в человека, когда он один против сотни. Что отдельными убийствами не остановить хода истории и, что если они верят в свое дело, то баррикады готовы...

Полковник Карасев с удивительным, свойственным ему воодушевлением, доказывал, что наиболее культурная часть страны — офицерство не должна допустить бессмысленных и нетактичных поступков.

Я понял, что вся озлобленная свора знала наши силы и боялась нас... Я дал им гарантии, что если никто из них нигде не проявит враждебных по отношению к власти рабочих и крестьян действий, то

этим они гарантируют свою безопасность. В заключение Карасев от имени офицерства дал обещание, что они воздержатся от каких бы то ни было выступлений.

Идя на обратном пути в Исполком, я задумался над этой своеобразной победой. Я отчетливо себе представлял, что ни благодушие Карасева, ни «лойяльность» офицерства не являются тому причиной. Причина этой первой победы в том, что мы сумели предупредить события. Это победа мощности революционизированных масс.

В Исполком уже являлись товарищи с позиций с донесениями. Надо было видеть этих незаметных героев, охваченных огнем Октября!

Почти безумным блеском горят глаза Мацилецкого. Он весь — комок нервов, дышет порывисто, говорит задыхаясь.

Какой-то угрюмо сосредоточенной несокрушимой решительностью, тяжелой и твердой, как камень, полон взгляд и все движения товарища Поярко, уже носившего на своем теле до 20-ти ран, испытавшего тюрьму и преследование. Во всех его словах и движениях так и дышет революционный закал.

Зоркий, подозрительно-блестящий взгляд, уверенность, готовность быстро ориентироваться, бросить всю изворотливость, всю сообразительность на борьбу с внезапной опасностью — вот впечатление, которое производил тов. Ковалев, также имевший хороший стаж борьбы с самодержавием.

Беззаветная преданность великому делу пролетарской борьбы, готовность пожертвовать собой, умереть на своих постах с оружием в руках — вот характеристика Нефедова, Слепцова, Некрасова, без колебаний ставших во главе наших частей и дружин.

Никаких сомнений, никаких колебаний.

Военно-Революционный Комитет издает приказ начать наступление.

Полчаса — и город занят. Я иду обходить посты. Интересная подробность: у комитета эс-эров был расположен сильный во всех отношениях пост. Здесь же я заметил маленькую вооруженную группу: старый партиец меньшевик Волошин, 2—3 рабочих эс-эра, меньшевика с винтовками в руках в перемежку с коммунистами. Я спрашиваю у него: зачем он здесь и что делает? «Мое место здесь. И заблуждаться и искупать свои ошибки я могу только вместе с рабочими». [illegible] его ответ.

[illegible] Волошин даже в дни Июльской травли, оставаясь меньше[illegible]ступал на собраниях и убеждал рабочих, что все разговоры [illegible]ских деньгах», о «пломбированном вагоне с Ильичем» и т. п. [illegible] — ни что иное, как ложь и клевета. Впоследствии он член нашей партии. и не покидал никогда ряды пролетариата.

Итак город занят. Мы всюду расставляем караулы. Караулы введены во все учреждения: почту, телеграф, казначейство, вокзал. Всюду назначены Комиссары, со всей полнотой власти.

Помню, мы занимали станцию Индо-Европейского телеграфа. Там матросы. Нас не впускают. Я решаю, однако, занять во что бы то

Библиотека Института Ленина при Ц. К. В. К. П. (б)
6969

ни стало. Подкрепляем караул. В это время из аппаратной выходит эс-эр Трусковский, слегка упрекая меня в резкости и настойчивости, могущей вызвать кровавую схватку. Хочет остановить, заявляя, что не надо вызывать столкновений. Я ему отвечаю, что в бою не считаются с мнением врага.

Телеграф был занят. Что же касается Трусковского, то как оказалось впоследствии, он вызывал тогда на помощь против нас военные суда из Севастопольского и Батумского портов (военных баз). В результате чего нас посетил прибывший на военном судне известный матрос Баткин, посещение которого все же ни дало ничего нашим врагам.

Вслед за занятием города наступил наиболее ответственный момент. Надо было действительно взять власть в свои руки. Надо было овладеть властью.

Здесь и пришлось сознаться, что если у нас были товарищи преданные делу борьбы пролетариата, то у нас совсем не было работников, которые хорошо бы знали, что надо делать дальше.

Из центра мы имели чрезвычайно мало указаний. От него мы были отрезаны и отделены Калединым и Кубанью, которая, правда, бродила, но все же для нас была серьезной угрозой.

Помню, я так остро чувствовал этот наш недостаток, что первые несколько ночей не мог заснуть, пока не проанализировал создавшееся положение, пока некоторые перспективы не начали вырисовываться в моем сознании.

Здесь можно было черпать опыт лишь из истории Парижской Коммуны, опыт, подвергнутый критике великими вождями пролетарской борьбы, в частности Марксом и затем Лениным в его тезисах и статьях «Правды».

Как будто бы вырисовывалась работа в двух основных направлениях: экономическое переустройство и в тоже время организация экономики нашего бытия, в условиях оторванности от центра и, затем, подавление попыток сопротивления контр-революции.

Не все сразу нам удалось сделать. Мы сразу же натолкнулись на саботаж. Почта, телеграф, вокзал, казначейство дали отпор нашим комиссарам. Надо сознаться, что одна из главных причин тому недостаток таких товарищей, которые могли бы удачно подойти как к самим сотрудникам, так и к работе того или иного учреждения. Пришлось начать искать среди самих сотрудников учреждений сочувствующий нам элемент. Этой тактики мы придерживались и вскоре же мы имели в этой области успех — на почте, на вокзале и в казначействе.

Далее перед нами стоял вопрос о чистой экономике.

Кубань об'явила нам блокаду и не пропускала к нам (путем заградительных отрядов) продовольствия.

Мы взяли на учет все продовольственные запасы в городе и округе: муку, зерно, сахар, чай, табак, мануфактуру. Все товары были в магазинах опечатаны и конфискованы.

Мера эта была подкреплена тщательными обысками.

В продовольственном отношении город был разбит на 27 участков, граждане которых были прикреплены к определенным хлебопекарням и лавкам. Введена впервые строгая карточная система.

Монастырское имущество женского монастыря, расположенного вблизи Туапсе — конфисковано, Земля монастырская отдана крестьянам. На дачах были произведены тщательные обыски с целью отыскания оружия. В общем помещичьи гнезда разорены.

В самом городе мы поддерживали порядок при помощи патрулей, обязанных жесточайшим образом расправляться с нарушителями порядка. Поддерживать этот порядок по районам, было поручено отдельным товарищам, которые были для исполнения своих обязанностей сняты с заводов.

В этом отношении мы достигли таких результатов, что как Туапсинская, так, и проезжающая через Туапсе буржуазия отдавала нам должное, указывая на образцовый порядок.

Проведенная выборность военных должностей нанесла удар офицерству.

Важно отметить, что в округе мы установили отдельных крестьян-информаторов, в большинстве из числа членов Совета, на обязанности которых лежала точная информация нас, о всем происходящем в их районе, а также присутствии лиц, влияющих на настроение масс. Разумеется, после этого не трудно было взять в свои руки руководство [illegible] рабочих и крестьянских организаций.

[illegible]ение Черноморской железн. дороги, на завод Баратова, в [illegible]ели своих товарищей членами правления и комиссарами. [illegible]ринимали все меры к тому, чтобы раз'яснить населению весь [illegible]начение создавшегося экономического положения, как наследия империалистической войны, и весь смысл мероприятий в этой области, вызывающих к активной политико-экономической жизни все слои населения.

Одновременно с этим не дремали и враги, пуская в ход свои обычные приемы агитации за углами. Но несмотря на их усилия, нам удалось привлечь на свою сторону батарею КАНЭ, закрепить симпатии к себе в казачьих частях и большинстве населения.

Если принять во внимание, что мы были в очень неблагоприятном [illegible]тическом» окружении, то станет понятно, что нам во мно[illegible]лось соблюдать очень большую осторожность.

[illegible] того, что у нас не было достаточных сил, чтобы сразу же [illegible] старых руководителей общественной жизни во всех областях, [illegible] способствовала и наша оторванность от центра.

Существенный перелом нашей тактики произошел с приездом из Петрограда нашего делегата на Всероссийский С'езд тов. Стрелянова.

Проехавши на обратном пути всю громадную территорию уже нашей Советской Социалистической Республики, от берегов Невы до берегов Черного моря, тов. Стрелянов, из самого бурного очага революционной борьбы, привез нам живой опыт Московских событий, впитанный

и так удачно изложенный на докладах в Петроградском Совете тов. Троцким.

Опыт революционной борьбы в Москве показал нам, как много пролетариат потерял, не развивая решительных действий и давая возможность сорганизоваться врагу.

Тов. Стрелянов в обстоятельном докладе передал нам наказ тов. Троцкого, резюмированный в его характерном слове: «не миндальничать».

С этого момента наша тактика изменилась довольно резко. Но целый ряд решительных действий — как вооруженная поддержка комиссаров, борьба с саботажниками, коренная реорганизация милиции, окончательное разоблачение, разрыв и полная ликвидация офицерства — все это создало наше положение еще более опасным.

Отсюда и возникла наиболее серьезная задача: с целью обеспечения своего существования — обеспечить влияние за пределы округа на Черноморье и Кубань.

С этой целью мы создавали целый ряд с'ездов представителей сельских Советов губернии и кончая с'ездом учителей, путем созыва которого мы пытались реформировать дело народного образования.

Далее нами был предпринят ряд поездок по Кубани и Черноморью для установления связи, посылка как отдельных товарищей, так и целых групп ответственных партийных работников. Это были поездки в станицы Кубани, в Майкоп, Армавир, Гиагинскую, Усть-Лабу, Кавказскую, Тихорецкую, Новороссийск, где наши товарищи выступали перед местными рабоче-крестьянскими организациями, на цементных заводах и среди матросов Новороссийского флота. В вышеуказанных пунктах мне самому приходилось неоднократно выступать с целью укрепить существующие организации или сорганизовать таковые где их не было.

Никто не будет отрицать, что туапсинская организация была прочной цитаделью для всего революционного движения на Северном Кавказе. И только в связи с этой цитаделью и опираясь на нее развивался и разрастался вначале на Кубано-Черноморской территории Красный Октябрь, пока, наконец, уже значительно позже, не выросли в силу своего экономического значения бывшие административные центры — Новороссийск и Екатеринодар.

Вот почему отовсюду, где необходима была моральная и вооруженная поддержка, к нам за этой поддержкой и советом обращались товарищи из станиц и городов Черноморья и Кубани.

Эту цитадель мы стремились укрепить и в военном отношении и для этой цели мы всячески использовали разложившийся русско-турецкий фронт.

Ни одна проходящая через Туапсинский порт воинская часть не ушла, не будучи подвергнута нашему влиянию.

Так как нам было известно, что при дальнейшем движении эти части зачастую беспрепятственно сдают оружие казакам Дона и Кубани,

мы настойчивым образом отбирали у них все оружие. Нередко приходилось разоружать силой.

В силу этой меры, недостатка в оружии и снарядах мы совершенно не имели.

Вряд ли я ошибусь, если скажу, что это и заставляло наших врагов остерегаться Туапсе и только потому мы не имели попыток со стороны Кубани раздавить нас. Кроме того, опираясь на нас, существовала и крепла Советская власть в некоторых станицах и городах Кубани.

Итак Октябрь дал нам главенствующие позиции. Вслед за завоеванием этих позиций началась длительная борьба, последовал ряд неудач, ряд побед и успехов.

Павел Самарский.

Октябрьские события на Кубани.

Говоря об Октябрьских событиях, необходимо остановиться на ... циально-экономических условиях Кубани, которые, нужно отдать с... ведливость, были больше чем благоприятны для организации кон... революционных сил.

Казачье население Кубани по преимуществу очень зажиточное, ... лацкое. Оно никогда не чувствовало над собой той помещичьей нагайки, следы которой в течение сотен лет не заживали на спинах крестьянства центральной России. Благодаря целому ряду привилегий, предоставленных царским правительством казачеству, последнее не оставалось в долгу и было верным сторожем у черных воронов. Оно всегда было опорой для царского правительства в смысле подавления того или иного восстания, а в частности революции 1905 года.

Только незначительная часть казачьей бедноты шла рука об руку с рабочими и крестьянами. Во всяком случае казачье сословие ... мало командующее положение в экономическом и политическом ... шениях. На-ряду с ним Кубань населяло другое население ... мически слабое и политически бесправное, так называемое «... городнее».

В голодные 1891 и 92 годы крестьяне из Поволжья массами оседали на Кубани. Казачество использовало эту дешевую рабочую силу, неслыханно эксплоатируя последнюю путем найма на временные полевые работы. Это крестьянство, находясь под гнетом варварской эксплоатации, конечно, не смогло оправиться от последствий голода и превратилось в «работника» — батрака. Казаки презрительно называли их: «городовыки».

Казачьи верхи учли эти специально-экономические и политические особенности Кубани и начали сейчас же после Февральской ре... организовывать казачье население в так называемые партизан... ряды, которые и составляли солидную опору контр-революционн... на Кубани.

Все вышеупомянутые особенности Кубани были также одной из основных причин запоздалости там политического переворота.

Первым этапом гражданской борьбы, который можно отнести к Октябрьским событиям в центре России, было открытие Областного С езда представителей Кубанского населения (2-го ноября ст. ст. 1917 г.). С'езд был созван Кубанской Радой. Настроение с'езда было самое контрреволюционное, т. к. представители были тщательно подобраны: абсолютное большинство казачьих верхов, а также и иногородних и самых

зажиточных кулацких слоев. За большевиками шла только небольшая группа солдат-фронтовиков и часть иногородних. Все остальное представляло из себя сплошное черное воронье, бессильно скрежетавшее зубами по адресу Октябрьского переворота центральной России. Провокаторы распускали слухи, что большевики-де мол подготовляют восстание в городе с целью захвата власти, на самом же деле соотношения реальных борющихся сил было далеко не в нашу пользу и подобная попытка могла окончиться только поголовным избиением рабочих рассвирепевшей белой бандой.

Партия учла это обстоятельство и решила ограничиться только грандиозным митингом на площади Самурских казарм. В виду того, что накануне с'езда ходили упорные слухи о том, что подготовляется расстрел митинга, нашими представителями было внесено на с'езде предложение обсудить создавшееся положение и принять срочные меры к недопущению расстрела многотысячного митинга, но с'езд, которым руководили меньшевики и эсеры, отказался обсудить это предложение, ибо если бы он и пожелал, то начатой уже варварской расправы остановить было нельзя.

Митинг был расстрелян.

Не доходя до Самурских казарм, по дороге я встретил рабочих, несущих на носилках раненых своих товарищей. Банда юнкеров по приказанию кулацко-Кубанской Рады жестоко расправилась с беззащитными, невооруженными рабочими. Было много убитых и раненых.

Должен сказать, что в то время я учился в казачьем реальном училище, куда и пришел пять дней спустя после расстрела митинга. Все эти дни у меня было настолько подавленное настроение, что я не выходил из дому никуда.

Придя в училище, я столкнулся с рассвирепевшими, почуявшими запах крови, сынками кулацкого казачества, которые сейчас же окружили меня со всех сторон, осыпая тысячами ругательств и упреками в измене казачеству.

— «Большевик. Германский шпион. Предатель казачества. Тебе не место в стенах нашего училища»,— кричали раз'яренные зверята:— «спустите его со 2-го этажа вниз головой»,— закричал кто-то из толпы и уже начали было теснить меня к окну. Видя свое безвыходное положение, я принужден был прибегнуть к помощи моего верного друга — браунинга.

Увидя в моих руках револьвер, толпа маменькиных сынков хлынула в сторону и я поторопился, во избежание дальнейших недоразумений, покинуть училище, куда больше не показывался.

После расстрела митинга, партия большевиков была лишена возможности существовать легально, т. к. со стороны Кубанской Рады преследование с каждым днем увеличивались. В декабре месяце, а особенно в январе происходят массовые аресты большевиков и просто рабочих.

Помню 3-е января 1918 г. на ст. Тимошевка в шестидесяти верстах от города Краснодара, красногвардейцы обезоружили юнкеров,

офицеров и гимназистов (всего 54 человека), отправив их в Новороссийск, где тогда уже была Советская власть. В ответ на это Кубанская Рада в ночь под 7-е января (ст. ст.) начала чуть ли не поголовно арестовывать всех членов партии, в том числе был арестован и я. Помню, как сейчас: ночью с бранью ворвались ко мне пьяные: — есаул и несколько юнкеров. Я просил их не ругаться, но это было равносильно подливанию масла в огонь: брань полилась целым потоком и вслед за этим пьяный юнкер вытолкнул меня во двор. Я едва успел одеться. Они привели меня в партизанский отряд капитана Покровского. Попал я прямо к «их благородию» в кабинет, который походил скорее на кабак, чем на кабинет.

В одном углу стояла кровать, на которой полулежа развалился Покровский с налитыми кровью глазами. Он был пьян, лицо его дико, я не мог без отвращения смотреть на него. Возле кровати стоял письменный стол, на котором вместо письменных принадлежностей стояли бутылки с вином и наполненный стакан. Под столом валялись порожние бутылки. Вдоль одной из стен стояли пьяные партизаны — это конвой «его благородия». Вся комната была пропитана табачным дымом.

Покровский уставился на меня своими звериными глазами и с трудом, еле ворочая языком, спросил мою фамилию. Он пришел в бешеную ярость, когда узнал, что я — Полуян.

Из кабинета я попал в подвал... сыро, холодно, на полу воды на вершок, воздух тяжелый, трудно дышать... Я задыхался в этом проклятом подвале, где нас, красных, держали 15 суток по распоряжению Покровского. В маленьком низком подвале нас двести человек; тут и заложники, как я, мой брат, несколько коммунистов и красногвардейцев, взятых в плен в бою под Екатеринодаром, где наши потерпели поражение. Это было между 20 и 24 января 1918 года. Уже 20-го января эшелон Новороссийских красноармейцев был двинут к Екатеринодару. У станции Энем произошел первый бой наших, наспех сколоченных, отрядов с хорошо обученными, прекрасно вооруженными и снабженными, белогвардейскими отрядами Покровского.

Наши потерпели первое поражение. Пал смертью храбрых командующий этой группой молодой, честный, стойкий и верный защитник пролетарской революции Александр Александрович Яковлев, бывший юнкер, пользовавшийся большим авторитетом и влиянием среди Новороссийских рабочих.

24-го января у станции Афипской произошел второй бой, где наши опять были побиты. Кадеты, как тогда называли белых, прорвались и неожиданной ночной атакой избили наши части.

Изредка доносившиеся до нас, сидящих в подвале, раскаты пушечных выстрелов воодушевляли и ободряли нас. На изможденных и измученных лицах наших можно было прочесть тайную надежду на избавление, скрытую радость... Но в какое отчаяние мы пришли, узнав от пленных красногвардейцев о поражении наших отрядов!

Белые ликуют: они удержались на сей раз.

В продолжение всего этого месяца наши отряды, потерпев два поражения, не падали духом, а отступив до станции Крымской припялись за более основательную подготовку.

Попытка использовать возвратившихся с кавказского фронта отпускных солдат, к сожалению ничего не дала — у них было непреодолимое тяготение домой.

Приходилось обезоруживать их и вооружать Новороссийских рабочих красногвардейцев. Из многих тысяч воинских частей, проходивших через Новороссийск из Трапезунда, нашлась только одна неразложившаяся часть, то был Варнавейский полк и один артиллерийский дивизион, которые целиком стали в наши ряды и активно боролись, вплоть до взятия Екатеринодара. Дело теперь значительно двинулось вперед Наши части брали станицу за станицей и почти безостановочно продвигались к Екатеринодару, красногвардейские части подступили к последнему, охватив его железным кольцом с юга — со стороны Новороссийска и со стороны Кавказской и Тимошевки.

В ночь на 1-е марта белогвардейские отряды с двумя меньшевиками Адамовичем, Сверчковым и эсером Осьмининым отступили за реку Кубань в горы, захватив с собою заложников: т т: Лиманского, Асаульченко, Янковского, Карякина, Семенова и меня.

Не могу обойти молчанием следующую картину, характеризующую белых, как самых отпетых варваров.

Это было в девяти верстах от г. Екатеринодара в ауле Тахтамукай, куда Покровский, торопливо отступая от натиска красных штыков, прибыл часа за два до рассвета 1-го марта. По всему аулу горят костры, у которых сидят белые бандиты. Нас подвели к одному из костров, слышатся грубые выкрики: «а попались — товарищи».

Возле костра довольно обширная яма. Партизаны выстроились в две шеренги, лицом к лицу, так, чтобы костер оказался между ними. И вот нас начали по одному проводить между рядами через костер в яму. Стоящие в шеренгах как попало и чем хотели, били нас. Помню тов. Карякину (он умер потом от сыпного тифа) досталось больше всех: ему прикладами разбили голову, свернули на бок нос и толкнули в костер... Раздался чудовищный, дикий смех бандитов.

На рассвете Покровский со своим отрядом, преследуемый нашими частями, выступил из вышеупомянутого аула и направился вглубь гор, но в станице Ключевой и в местечке Горячий Ключ наткнулся на солидные силы; загнанный в клетку, он метался со стороны в сторону беспомощно щелкая зубами и, наконец, раз'яренный, с пеной у рта, ринулся на Екатеринодар; эта опрометчивость Покровскому обошлась очень дорого: его жалкие остатки были разбиты нашими частями; два эскадрона его, благодаря туману, потеряли связь и были отрезаны красногвардейцами, которые уничтожили их. В течение двух недель отряд Покровского чувствовал себя как в пекле, будучи сжат со всех сторон железным кольцом красных.

Наконец, в районе станицы Калужской Покровский, будучи окружен со всех сторон красногвардейскими отрядами тов. Воронова, дал генеральное сражение.

В момент, когда в стане Покровского уже была полная паника и растерянность, под напором красных, когда многие офицеры на моих глазах срывали погоны и некоторые кончали самоубийством, прискакал гонец от корниловского отряда с известием, что генерал Корнилов идет на помощь, эта весть подняла настроение, белогвардейцы напрягли остатки своих сил, бросились в атаку и спасли положение.

Силы противника теперь удвоились. Корнилов разбитый на Дону, пришел на Кубань с массой генералов, полковников и отборным офицерским составом.

И все же несмотря на высоко культурный, интеллигентный состав корниловского отряда, расправы Покровского с крестьянами, беднейшим казачеством и красногвардейцами бледнели перед расправами Корнилова.

Так по занятии станицы Калужской, по приказанию Корнилова, были заживо замучены пятнадцать казаков этой же станицы, за то, что они рыли окопы по приказанию тов. Воронова — начальника красногвардейского отряда, их избивали на моих глазах прикладами и рукоятками до полусмерти и потом достреливали.

Особенно запечатлелась в моей голове дикая расправа Корнилова при занятии станицы Ново-Дмитриевской.

23-го марта на площади вышеназванной станицы, по распоряжению Корнилова, были изготовлены четыре виселицы. Играл духовой оркестр. Вывели на площадь одиннадцать человек пленных красногвардейцев и спросили: что вам заиграть: наурскую или лезгинку? Приговоренные, не дожидаясь ни той, ни другой, сами надели на себя петли и их задергивали, а оркестр тем временем играл «наурскую»—национальный горский танец.

Помню еще одну кошмарную картину. В ночь под 25-е марта белые с боем взяли один хутор (забыл его название), жители которого долго сопротивлялись, отбиваясь огнем из бердан и охотничьих ружей. Заняв хутор, белая банда предала все огню и мечу. Избы походили на огромные костры.

Утром при виде разрушенного хутора у меня волосы встали дыбом — здесь валялись изрубленные трупы крестьян: стариков и молодых, там догорала корова, сытая свинья переворачивала с бока на бок изрубленную голову человека и вылизывала мозги. Я и мои товарищи заложники (нас было семь человек), сопровождаемые конвоем, шли молча, погруженные в мрачные думы. Вдруг страшный не то вой, не то рев вывел нас из оцепенения. Я оглянулся и увидел, что за нами, как за спасителями тянулась вереница коров, лошадей, собак и других домашних животных. И вся эта вереница всем, лаем, ржанием и мычанием казалось хотела передать ужасы ночи, свидетелями которых она была, и подымала такой гам, от которого сердце разрывалось на части.

И теперь еще меня знобит от ужасов, когда я вспоминаю те кошмарные картины, свидетелем которых я был.

Итак, соединившись с Покровским, Корнилов принял командование над всеми об'единенными белогвардейскими войсками.

На рассвете 26-го марта, переправившись через реку Кубань, он повел наступление на город Екатеринодар, пытаясь взять его штурмом. В это время проходил второй областной с'езд Советов. Шесть дней у города шел ожесточенный бой. В городе царил необыкновенный под'ем: пролетариат и просто обыватели горели желанием разбить наступающие банды, дети и женщины самоотверженно носили патроны, снаряды в окопы, подбирали раненых, ободряли своих отцов и мужей. Это было редкое, красивое, изумительное зрелище; нужно было видеть великую готовность на самопожертвование во имя общего дела, эту несокрушимую волю масс, направленную к победе над эксплоататорами. Делегаты с'езда (свыше 1000 человек) днем сидели в окопах, а ночью заседали в Зимнем театре. Свыше 4000 раненых и 2000 убитых было с нашей стороны и все же корниловские офицерские полки на шестой день были разбиты. Сам Корнилов погиб от гранаты, остатки же его «молодцов» во главе с генералами Алексеевым, Марковым, Деникиным бывшим председателем 4-й государственной думы Родзянко, Гучковым и другими, бежали в Донскую область.

Во время их беспорядочного, панического бегства, я бежал из плена под станицей Медведовской, где они прорвались через ж. д., уничтожив сторожевой броне-поезд. Этим генеральным сражением, из которого наши части вышли победителями, этап Октябрьского переворота закончился, и Советская власть в течение пяти месяцев относительно спокойно могла заниматься мирным строительством на Кубани.

Н. Полуян.

На первых фронтах.

В 1918 году, в последних числах января, части 39-й дивизии, ушедшие с Кавказского фронта, под руководством тов. Сорокина, повели наступление на ст. Кореновскую. После взятия Кореновской, я со своим отрядом, который был сформирован в станице Раздольной, вступил под командование тов. Сорокина.

Я тогда был командиром кавалерийской сотни. Мы повели наступление на Краснодар, взяли с боем ст. Пластуновскую, Динскую и 1-го марта вошли в Краснодар.

Из Краснодара меня направили на ст. Станичную и станицу Кореновскую для встречи Корнилова, но здесь мы боя не выдержали и Корнилов занял Кореновскую, а мы отступили в ст. Платнировскую. Корнилов прошел через Раздольную, Усть Лабу, Некрасовскую, Филипповскую и дальше, где соединился с Филимоновым. Я шел вслед за ним, имея целью преследовать его, перешел Кубань и двинулся за ст. Рязанскую. За Рязанской мы оставили преследование Корнилова, потому что он уже соединился с Филимоновым, и пошли на Усть-Лабу, а оттуда на Краснодар. Вскоре после этого мы выступили на ст. Георгие-Афипскую и Дмитриевскую, в это время Корнилов прошел к Елизаветинской. Мы бросились сюда, с целью занять переправу в Елизаветинскую, но Корнилов в этот момент уже был там. Подойдя к станице. мы вынуждены были отступить, ибо Корнилов развил наступление на Краснодар. Городу угрожало падение, были уже заняты кирпичные и кожевенные заводы. Корнилов повел обход на Черноморский вокзал, где мне пришлось участвовать в бою со своим полком. На Черноморском вокзале я увидел Сорокина, который кричал: — «товарищи, кто за народ, за мной!» — и сам пошел в наступление.

В этот момент противник бросился с кавалерией в аттаку. Я захватил чьи-то кавалерийские части и вместе со своим полком ответил контр-аттакой. Аттака противника была отбита. После чего тов. Ткаченко (командир Артиллерийского Дивизиона) открыл сильнейший огонь по противнику. Этим артиллерийским огнем и был убит Корнилов, но установить, какая именно часть так удачно стреляла на молочную ферму, где находился Корнилов, — нельзя. Корнилов был разбит на-голову, и с этого момента начинается отступление остатков его частей. Белые, под командованием генерала Алексеева, двинулись на Медведовскую. После разгрома Корнилова, все наши кавалерийские части были сведены в один полк, и я был избран командиром. Наш полк бросился преследовать белых. Тогда можно было уничтожить всю кучку, но этого сделать

не удалось, потому что посланная мною телеграмма в Краснодар осталась без ответа, и Алексееву удалось пробиться в Донскую Область, где он нашел поддержку со сторону донских белогвардейцев. Я двинулся со своим полком в Кореновку, где мне было дано распоряжение итти в Тихорецкую для задержки бежавших из Ростова белых частей, которые были оттуда выбиты немцами. Мне удалось задержать некоторые части, между прочим, части генерала Шкуро, но здесь последовало распоряжение выйти на Ростовский фронт. Двинувшись в этом направлении, я со штабом и своими частями расположился в селении Ново-Николаевском. На другой день было получено распоряжение выступить под Батайск. Никаких красных частей здесь не было, и мне пришлось занимать фронт с одним кавалерийским полком. К вечеру прибыли сюда Выселковский, Дербентский и Таганрогский пехотные полки, а затем и остальные пехотные части. За ночь мы закрепили за собой позиции, после чего под Батайском выдержали 3 ожесточенных боя. Положение наших частей стало прочным, хотя мы после этих боев противника не выбили. Но в это время были получены сведения, что Алексеев в тылу начал пробираться на Тихорецкую, обошел наш правый фланг и угрожал нас отрезать. Сорокиным было дано распоряжение отойти на ст. Тимошевскую, отсюда на ст. Кореновскую и Выселки, которые были заняты белыми, для того, чтобы начать операции и занять фронт по линии Кавказская—Тихорецкая. Белые из станицы были выбиты, но через сутки выбили с треском нас. Это случилось в результате паники, которая началась среди беженцев. Части отошли в направлении Дядьковской и близ лежащих хуторов. На другой день Кореновская опять была занята красными частями, и мы повели наступление в направлении Выселки, Бейсужок 1-й. Мы уже доходили до ст. Бейсугская, но здесь части были переброшены в Краснодар.

В конце августа мы перебрались за Кубань, где я держал фронт под Усть-Лабой и на хуторе, расположенном при впадении Белой в Кубань. Отсюда я был отозван для командования Особой Колонной, которую я принял в станице Некрасовской. Мне была дана задача развернуть фронт по линии Михайловская, Армавир и Гиагинская. Здесь Особая Колонна вела бои между станицами Петропавловской и Михайловской. Правым флангом мы были связаны с Кочергиным, левым — с Морозовым под Армавиром. Части выдержали три ожесточенных боя, где, по моему мнению, почти наголову были разбиты 3 бело-гвардейских дивизии. Мы захватили 2 орудия и много пулеметов. Затем мне было дано распоряжение, чтобы особую Колонну передать Кочергину и Лископогу, а мне с 1-й внеочередной дивизией, которая входила в Особую Колонну, отправиться в Невинномысскую. Когда я получил этот приказ, я просил Кочергина, чтобы он сообщил, когда будет снимать свои части, дабы мы могли отойти одновременно. Мне об этом сообщено не было, и мои части оказались оголенными. Найдя части Лисконога на станции Курганной, я стал просить его немедленно двинуть свои части обратно, чтобы мы, таким образом, могли спокойно

отойти. На станции Курганной была получена телеграмма занять прежние позиции, так как по имеющимся сведениям подходит Таманская Армия. Когда мы фронтом пошли занимать прежние позиции, вместе с частями, которыми командовал тов. Лисконог, таманцами уже велись бои против белых в одном из аулов под станицей Курганной. Туда повели наступление и части, которыми командовал тов. Лисконог. Белые были окончательно разбиты. Здесь произошло соединение Таманской Армии с нашими частями. В это время я со своими частями снялся и пошел в станицу Невинномысскую, но когда я приблизился к ней,— станица уже была занята белыми. Частям 1-й внеочередной дивизии была дана задача выбить обходом белогвардейцев из станицы. Для этой цели были брошены Выселковский, Дербентский и 1-й Революционный конные полки. Переправившись в брод через реку Кубань и захватив заставу белых,— указанные части повели наступление на восточную сторону ст. Невинномысской. В этот момент с южной стороны через реку Кубань велась артиллерийская подготовка. Масса белых было порублено, захвачены обозы, и противником станица была оставлена. Остатки белогвардейцев бежали в направлении Ставрополя. В Невинномысской я продолжал держать фронт приблизительно неделю, до подхода сюда Таманской Армии. С подходом Таманской Армии, я с 1-й внеочередной дивизией отправился в Пятигорск. В это время был назначен фронтовой С'езд в станице Невинномысской, по поводу расстрела тов. Матвеева, как не подчинившегося приказу главнокомандующего Сорокина и приказу Реввоенсовета. Таманская Армия не хотела признавать главкома и выдвигала другого товарища на этот пост. С'езд вызвал Сорокина в Невинномысскую. Когда я прибыл в Пятигорск, то узнал, что Сорокин уже выехал. По слухам он бежал в направлении Ставрополя. В это время в Пятигорске велись усиленные аресты. Арестовывали так много, что нельзя было понять, кого же, собственно, и за что арестовывают. Ко мне поступало масса требований о помощи для производства ареста. Один требовал часть для ареста другого, а другой для ареста первого. Я всем категорически отказал и заявил, что до выяснения мною настоящей власти, которой нужно подчиниться, никому ничего не дам. В это время фронтовым С'ездом был избран командующим XI Армией тов. Федько. Я был назначен командующим 1-й Ударной Советской Шариатской колонной. 1-го ноября мне была дана задача выступить с колонной для очищения Терской области от контр-революционных войск, которые там собрались под командой Бичерахова и Серебрякова. В течение трех недель Шариатской колонной Бичерахов и Серебряков были ликвидированы. Все их части, за исключением Бичерахова и его свиты, добровольно сдались нам. Было взято 52 орудия, до 100 пулеметов, а сам Бичерахов чуть-чуть не был захвачен в плен, переправляясь под станицей Шелкозаводской. Во время ликвидации Бичерахова и Серебрякова Шариатской колонной — произошло соединение с Владикавказскими и Грозненскими войсками. Мне удалось включиться в провод и

узнать, что под Кизляром есть какие-то красные части. Я решил с ними соединиться. С одним паровозом и вагоном я сам поехал по пути и на последней станции перед Кизляром обнаружил Красные войска X-ой Армии. При соединении с X-ой Армией мною было сделано донесение Реввоенсовету XI-й Армии о том, что Терек свободен. После этого мне было дано Реввоенсоветом распоряжение перебросить Шариатскую колонну на линию Курсавка — Баталпашинск. По пути следования, на станции Георгиевской, я был встречен Реввоенсоветом, которым мне была приподнесена боевая награда — серебряная шашка. Начальником дивизии я был представлен к ордену Красного Знамени. Шариатскую колонну после этого переименовали в 1-ю стрелковую дивизию. Я был назначен командующим левого боевого участка XI-й Армии. Сюда входили 1-я и 2-я стрелковые дивизии. Наступая на Баталпашинск, мы почти заняли его, но затем вынуждены были сделать маленький отход. С этого момента я заболел. Я подал рапорт командующему XI-й Армией тов. Левандовскому, который ответил: «Продержаться, так как единственная надежда на Вас». Я продержалсяодни сутки, а затем без сознания был отправлен в Кизляр Каким образом произошел отход XI-й Армии, я не мог понять. По сообщениям одного из товарищей, 3-я дивизия состояла из Ставропольцев. И вот почти все бросили штыки, а белые в этот момент уничтожили Красных командиров. С этого момента и начинаются наши мытарства по Астраханским пескам. Я отступал больным. Лишения и страдания, какие приходилось переносить Красным войскам, описанию не поддаются, их обрисовать невозможно.

Прибыв в село Яндыки, мы начали формировать новые части нашей армии. Из бывшей 1-й Ставропольской дивизии была сформирована 2-я бригада, которая была включена в 33-ю Стрелковую дивизию. Первое время она была под командованием тов. М..., а затем ее принял тов. Левандовский. 2 й бригаде было дано распоряжение отправиться на Колчаковский фронт. По пути 2-й бригадой было получено распоряжение отправиться на южный фронт на станцию Миллерово. Когда дивизия прибыла на станцию Чертково, было получено распоряжение выгрузиться ей здесь и расположиться в селе Шептуховка. Дивизия пробыла там неделю и, когда сюда прибыли части 33-й дивизии, 2-й бригаде было сделано распоряжение выступить под станицу Вешинскую, где началось восстание белых. 2-я бригада лихим натиском выбила белых за Дон в станицу Вешинскую. Части 33-й дивизии уже подходили к станции Миллерово, но в этот момент белыми был прорван участок, занимаемый 16-й Красной дивизией и весь фронт начал отступать. 2-я бригада под Вешинской была совершенно отрезана. Части красных пошли по двум направлениям, и мы остались в тылу белых. Я тогда был начальником штаба. Командир бригады, бывший подполковник, растерялся, и мне пришлось анулировать его распоряжения. При поддержке командира полка тов. Лунева мне удалось захватить инициативу в свои руки, с целью прорваться к своим частям.

Мы должны были отходить в глубокий тыл противника, по направлению к станице Дегтевой, Шептуховке и обратно на Кантемировку. По пути нам пришлось выдержать несколько ожесточенных боев. Заняв станцию Кантемировка, мне удалось соединиться по телеграфу со штабом 33-й дивизии. Сюда прибыл тов. Левандовский, который отдал распоряжение отойти за реку Калитва на отдых. Все части 33-й дивизии упорно защищали занимаемые ими позиции и на линии станции Митрофановка. Затем они вынуждены были отойти в тыл за реку Калитва. Нам приходилось оставаться на линии реки Калитва. Штаб 33-й дивизии с частями находился в ст. Пухово под Лиски. 2-й бригаде было дано распоряжение сняться и итти туда. Когда мы уже приближались к намеченному пункту, мы узнали, что Лиски были заняты белыми. И 33-й дивизи, главным образом, 2-й бригаде пришлось выбивать противника. Когда противник от станции Лиски отошел, 33-я дивизия повела наступление на город Бобров.

Мироненко.

От марта до корниловского наступления.

На первое марта 1917 года была назначена лекция в Народном Университете, в центральной воскресной школе. Официально лекция была об'явлена по истории, а в действительности — о партийных кружках и текущем моменте. Публики собралось очень много.

Собравшиеся как то были неуверены в происшедшем. Официально ничего не было известно о положении дел в Питере. Телеграммы, выпускаемые газетами были озаглавлены «с разрешения начальства», а неофициально мы знали, что в Питере произошел переворот. Словом, вместо лекции, получилось собрание, на котором была избрана организационная комиссия по выборам в Совет; комиссия составилась из трех человек — от большевиков был избран тов. Власов, от с.-р. и меньшевиков по одному.

На следующий день было первое собрание Совета, где экс-социалисты выступили и распинались, как в цирке, во время парада борцов: чемпион такой-то делал то-то, один говорит я член государственной думы, второй заявляет я член Совета Питера в 1905 году и т. д. — это было перед выборами в Исполком, а мы с одним товарищем заявили, что мы только с вешалки сорвались, так что нас нужно выбрать раньше всех.

Когда тов. Власов начал говорить, что до этого времени существовала подпольная организация с.-д. большевиков и какую она делала работу, у Либермана хватило совести заявить, что он тоже с.-д. и ему ничего неизвестно о существовании организации и он сомневается вообще в правильности высказанного тов. Власовым. Словом с первого же заседания, позиция господ Либерманов и Долгополовых определилась. В первый Исполком было избрано семь человек; от большевиков — т. т. Власов и Дунин. Далее текущая работа — разоружить жандармерию и разборка архива. Числа 5 — 6-го было первое партийное собрание в легальных условиях: собрание происходило в больничной кассе по Медведовской. К этому времени выяснилось, что среди рабочих есть тенденция начать забастовки с экономическими требованиями.

На этом же собрании было постановлено, чтобы все присутствующие на собрании пошли по заводам и агитировали против забастовки, об'ясняя это несвоевременностью, и эту вспышку удалось ликвидировать; всех присутствовало на собрании человек 10 — 12, не более.

С возвращением товарищей из ссылки, партийная работа понемногу стала оживляться. По выявлении предательства экс-социалистов из Исполкома, наши представители были отозваны и на одном собрании пленумом Совета была об'явлена декларация, почему мы уходим из

Исполкома. Смысл декларации приблизительно таков: не будучи предателями рабочего класса и не желая быть участниками вашей предательской работы в Исполкоме, мы выходим из Исполкома, оставаясь в составе Совета, где будем разоблачать предательство перед рабочими гор. Екатеринодара.

Первое печатное произведение был бюллетень, посвященный Ленским событиям, а также была организована демонстрация в память названных событий. Выпущен был сборник революционных песен и через некоторое время стали выпускать газету, «Прикубанская Правда».

Далее вели борьбу с предателями по всем линиям. Выборы в думу показали, что мы не кучка психопатов, как нас называли, а реальная сила, хотя еще до выборов в думу, демонстрация протеста против увольнения Полуяна из комиссаров милиции 4-го участка, показала, что рабочие массы идут за нами. Сборы на газету по заводам и митингам тоже показали, что день ото дня рабочие уходят от предателей и ко времени поездки в Москву, на государственное совещание, все делегаты от Совета были посланы большевики, от думы же был послан меньшевик. После этого меньшевики видят свой крах в Совете и вместо нашего лозунга: «Вся власть Советам», Либерман на заседании думы провозгласил «Вся власть Думе», за это он получил от кадетов аплодисменты.

Во время Корниловского наступления на Питер, меньшевики вместе с Антоновскими наемниками забегали с предложением «давайте что нибудь делать вместе» и на одном об'единенном закрытом заседании партийного комитета, совместно с бюро заводских ячеек, нами было предложено вооружение рабочих и передача власти Советам, что, конечно, было отвергнуто, а приняты были полумеры и в результате пошли к Филимонову на поклон, чтоб с ним договориться.

Через, некоторое время разгромили наш партийный комитет. Разгром произвел знаменитый начальник милиции прапорщик Выдра со своей бандой, которая не только разгромила комитет, но и рядом квартиру чиновника, у которого украли его медали и другие вещи. В это время в Совете был поднят вопрос о том, чтобы ходатайствовать перед Краевым Советом о присылке крупной воинской части в противовес казачьей Раде, которая группировала казачьи части вокруг Екатеринодара. Насколько помнится, поехал в Тифлис с ходатайством в Краевой Совет Кривоус с.-р. После этого выслан был сюда артиллерийский дивизион, который расквартировался в городе.

С приездом артиллерийского дивизиона, положение наше как-будто улучшилось, но это была только иллюзия. Правда солдаты дивизиона, были довольно революционны и все шли за нами. Комитет дивизиона, был весь из членов партии — т. Колпа секретарь, а т. Почков председатель. Теперь товарищи спросят почему же наше положение не улучшилось, а потому, что Краевой Совет не учел, когда послал артиллерийский дивизион в Екатеринодар, что артиллерия без пехоты ничего не стоит тем более в городе, окруженном врагами всех родов оружия. Рада же

учтя это положение, стала наглее и Филимонов со своей компанией устроил провокационное убийство подхорунжего Орлова и возвел обвинение в убийстве на солдат артиллерийского дивизиона, который им всячески нужно было выпроводить из города, но им не удалось этим убийством выпроводить артиллерийский дивизион. Была сорганизована комиссия по расследованию этого убийства с представителями от Совета, от думы, от артиллерийского дивизиона, от полка, в котором служил подхорунжий и от Рады. Комиссия вначале натолкнулась на непроницаемую тайну в этом деле, а прапорщик Выдра там был главным свидетелем. На мой вопрос прокурору—нельзя ли познакомиться более подробно с этим делом по документам, он спросил, кто я такой, я об'яснил, он заявил, что этого сделать нельзя вследствие судебно-полицейской тайны.

На об'единенном собрании всех этих представителей, где присутствовал Филимонов, Быч и Рябовол им заявили, что дело не совсем чисто со стороны казачьих властей; тогда они заявляют, что они здесь хозяева и поэтому подчиняйтесь нам, им ответили, что этого не будет. Через некоторое время казачье правительство сделало открытое нападение на артиллерийский дивизион. Напали ночью и взяли орудия.

В это время совет почти что был наш, но сделать что либо в противовес нападавшим не мог вследствие того, что не было реальной вооруженной силы, а в артиллерийском дивизионе не было ручного оружия. Тогда наш партийный комитет, собравшись чуть-ли не на улице, около завода Буковского, постановил собрать митинг и призвать рабочих к забастовке.

Все заводы остановились, трамвай, железнодорожные мастерские, только не остановилась водокачка, потому что там было царство предателей. В эту же ночь хотели арестовать весь Исполком, а попались только два члена: т.т. Марочкин М. и Елена Полуян. Митинг собрался на Сенном базаре потому, что там стоял артиллерийский дивизион и казачьи части. Перед митингом товарищи пошли по казармам к казакам для агитации, что и удалось.

Митинг начался часов в 8 утра, а заседание Комитета было в 4—5 утра. К началу митинга, повидимому, и Филимонов получил сведения, что казаки с'агитированы в пользу большевиков, тогда он к началу митинга вывел школу прапорщиков, которая и расстреляла митинг, где были убитые и раненые. Я в этот же день выехал в Новороссийск для печатания листовок и информации совета о происшедшем разоружении дивизиона и расстреле митинга. Печатать листки поехал в Новороссийск потому, что нам здесь никто не печатал. По приезде из Новороссийска, я узнал, что в это время был убит рабочий завода Кубаноль тов. Нищий. По всем признакам он был убит агентом Краевого Правительства.

В это же время велись переговоры с войсковым Правительством об освобождении арестованных товарищей; похороны убитого тов. Нищего, превратились в демонстрацию: не работал ни один завод, трамвай,

железная дорога, даже экс-социалисты тоже принимали участие, потом похороны убитых во время митинга солдат были такие же, как т. Нищего. Филимонов с Бычем почувствов, что сила на нашей стороне, освободили т. т. из тюрьмы.

В это время была выслана в Кубанскую область 33 дивизия для расквартирования. До прихода 33-ей дивизии и в виду угрожающего положения, я был послан в Ростов и Тихорецкую для установления более тесного контакта на случай каких-либо операций со стороны Рады и установления шифра для обмена телеграммами.

В Ростове в это время были воинские части, которые стояли за Советскую власть, поэтому мне обещали в случае чего выслать значительную воинскую силу; с рабочими железной дороги было договорено, что они все меры примут к скорейшей доставке, а в случае высылки частей противника, они задержат их.

В Тихорецкой я договорился так же, как и в Ростове. По возвращении в Екатеринодар, я обо всем сделанном доложил, как Комитету Партии, так и Ревкому, который в это время был уже организован, как нелегальный.

Через некоторое время стали подходить эшелоны 33-ей дивизии. Мы узнали от казаков, что идущие эшелоны готовятся встречать около Кавказской войска, состоящие из нескольких баталионов пластунов и кавалерии с артиллерией; тогда в Кавказскую послали солдат из дивизиона, а через день или два поехал и я.

Солдатам пришлось предотвратить побоище. Тогда казачьи верхи, видя, что здесь неудача, взяли и открыли винный склад, надеясь, что солдаты перепьются и передерутся, тогда можно пустить в ход оружие. Этот рассчет также не удался, потому что казаки перепились также. как и солдаты. Когда я приехал, то застал такую картину: казаки и солдаты пьяные ходят на станции и по хутору Рамановскому, обнявшись и целуются.

После этого войсковое Правительство стало распускать, ненадежных казаков-фронтовиков, а более старые возрасты призывать под ружье. Положение было напряженное, что где делается мы почти ничего не знали, газеты из Питера не всегда приходили, уехавшие на с'езд Советов и на с'езд Завкомов ничего не телеграфировали, а местные газеты печатали телеграммы собственных доморощенных корреспондентов, о том что Нева полна крови, а взаморье около Кронштадта завалено трупами безвинных людей, а матросы, как самые кровожадные людоеды, режут куски от трупов и едят; особенно такие вещи печатал в своей газете «Кубанский Курьер» социал-демократ, господин Ямпольский-Надеждин. Потом уже получили газеты и узнали подробно, что власть взята с боем. Казачье правительство напасть открыто не решалось и мы принять более или менее решительных мер не могли. Через некоторое время начали подготовительную работу по выборам в Учредилку. Параллельно с этим вели работу и по заводам. В Новороссийске в то время уже была власть Советов—нам же здесь не приходилось даже

ночевать дома, а заседания Комитета были в разных местах; в это же время происходил с'езд иногородних Кубанской области, а также и заседания Рады. Так как до этого с'езда иногородних, в их Исполкоме были все меньшевики, они и решили сговориться с Радой насчет власти, думая, что и на этот с'езд приедут такие послушные овечки, как и до того были, а оказалось, что нет. К этому времени много вернулось фронтовиков-солдат в станицы и фронтовики приехали на с'езд.

На одном соединенном заседании С'езда и Рады был выбран председателем с'езда тов. Янковский, а членами президиума тов. Корякин (большевик) и Рондо (анархист).

До избрания президиума, представители Рады заявили, что они своего представителя в президиум выбрали и назвали фамилию, (не помню полковник или подполковник, словом в этом роде). Когда здесь избрали председателем большевика, то золотопогонник заявил, что считает оскорбительным для офицера сидеть за одним столом с избранными, и вообще не может оставаться на этом собрании, которое будет происходить под председательством людей, стремящихся к захвату власти вооруженной силой. На этом общее заседание и закончилось. Так не пришлось экс-социалистам устраивать коалиционную чехарду на этом с'езде.

Через некоторое время я выехал в Питер с информацией о положении дел и о посылке представителя от В. Ц. И. К. на предположенный с'езд Советов Кубани. В мое отсутствие произошел Энемский бой.

По возвращении из Питера, я остановился в Тихорецкой вследствие невозможности проехать в Екатеринодар; в это время там был Равикович, погибший в Астраханских степях и как раз приехал Автономов, впоследствии главком Северо Кавказских войск; приехал он от Антонова-Овсеенко; в то же время туда приехал Сорокин и с ним человек двадцать казаков, штаб 39 дивизии, дивизионный комитет штаба и полки: Кубанский, Бакинский той же дивизии. Все эти штабы, комитеты, полки квартировали в Тихорецкой.

С приездом Автономова, на одном об'единенном собрании Тихорецкого совета и всех комитетов, Автономов был утвержден командующим войсками, т. Дорошенко начальником штаба, а тов. Внуков оперативной частью.

Сорокину было разрешено формировать отряд, было выдано оружие, обмундирование и деньги. Я в Тихорецкой стал работать со стариком Сединым в газете, которую стал издавать совместно Совет, дивизионный комитет и Партия коммунистов. Потом приехала тов. Вишнякова и рассказала подробности Энемского боя и о том, что убиты т. т. Яковлев и Серадзе. Через некоторое время в Армавире собрался с'езд Советов, который провозгласил Кубанскую Республику.

В Тихорецкой в это время была произведена добровольная мобилизация на фронт. Тихорецкая одно время была кругом во фронтах: со стороны Ростова — на ст. Крыловской, со стороны Царицына — ст. Белореченской, со стороны Кавказской — ст. Архангельская, со стороны Екатеринодара — ст. Станичная.

Когда наши части стали продвигаться далее и отбивать противника, мы, не имея ни инструкций, ни сведений о положении Красной армии в процессе работы пришли к заключению, что при штабе нужен Политический отдел для организации Исполкомов в занятых станицах. Назначен заведывающим полит. части при штабе Автономова был тов. Меншиков.

Со взятием Екатеринодара, штаб переехал из Тихорецкой. Вишнякова и Седин тоже уехали. Я остался один в газете, где пришлось быть одному: редактором, репортером, экспедитором и газетчиком (по разноске и продаже газет).

Наступление Корнилова на Екатеринодар нас сильно обеспокоило и мы все, что было из вооруженной силы, отправили на подкрепление в Екатеринодар, потом получили сведения, что наступление отбито и когда остатки разбитых банд проходили около Тихорецкой всего в верстах 5 — 6, мы сделать ничего не могли потому, что у нас не было вооруженной силы. Через некоторое время Сорокин был переброшен со своим отрядом в Тихорецкую, так как в это время там образовался фронт — это были те банды, которые шли на подкрепление Корнилову.

С приездом своим в Тихорецкую, Сорокин не хотел признавать Совета; — для переговоров с ним уполномочили двоих: меня и тов. Писарева: он нас не принял, и мы заявили, чтобы он пожаловал на заседание Исполкома, он прислал своего представителя, и на наше предложение работать совместно, он дал уклончивый ответ. Я п[ожил] что либо предпринять более или менее решительное проти[в] у нас ничего не вышло, потому что вооруженная сила была [у] а не у нас. Я уехал в Екатеринодар, а Меншикову и Алехину пр[ед]выехать в Москву. Исполкому пришлось заседать и скрыва[ться] мастерским, потому что Сорокин нас хотел всех, как он вы[ражался] «прихлопнуть».

По приезде в Екатеринодар, я стал работать в Партийном Комитете; работы было уйма, а работников раз-два и нет, кругом были фронты, воевали и с немцами и с казаками; первое время было хотя сообщение с Центром, а потом никакого сообщения.

Снаряды и патроны были на исходе — изготовлять патроны можно было только на заводе Кубаноль, а там в это время было царство меньшевиков, и те тормазили работу, все устанавливали станки и [раз] раз установили к приходу белых и, как рассказывают оставшиеся, [не] начали изотовлять боевые припасы для их армии, так что ко [дню] нашего отступления у нас на 75.000 армию осталось 15.000 па[тронов] и 200 снарядов на складе и никаких медикаментов, а раненых [около] 7.000. В таких условиях пришлось отступить.

Пивоваров.

Октябрь станицы Приморско-Ахтарской.

Мартовская революция прошла мало заметно для станицы Приморско-Ахтарской. Торговое местечко на берегу Азовского моря, играющее главным образом роль ссыпки и погрузки на иностранные суда Кубанского хлеба и богатое рыбной ловлей — станица Приморско-Ахтарская, или, как ее сокращенно называют Ахтари, населена зажиточным казачеством, купечеством и хлебными дельцами из иногородних. Несмотря на то, что иногороднее население преобладало над казачеством, оно, за исключением купечества и хлебозаготовителей, являлось мало-обеспеченным и всегда составляло трудовой пролетарский элемент станицы. Этот пролетарский элемент только к концу лета 1917 года начал пробуждаться. Кое-где начиналась стачка рабочих против экспортеров хлеба, начинали жужжать портовые рабочие (грузчики), рыбаки, эксплоатируемые рыбопромышленниками, таможенные досмотрщики, заражавшиеся от портовых рабочих.

В сентябре месяце тов. Дарморoз повела агитацию среди таможенных досмотрщиков, а в октябре эту агитацию, за свержение коалиционного правительства вели, уже среди портовых рабочих, несколько товарищей. В их числе лучшими агитаторами были т. т. Шмойлов, Яковлева, Подыма и Коробченко.

В ноябре м-це был организован комитет большевиков, называвшийся: «Приморско-Ахтарская группа Соц.-Дем. Раб. партии фракции большевиков». — Связавшись с подпольным комитетом в гор. Екатеринодаре и будучи им утвержденным, Партийный Ахтарский комитет начинает группировать вокруг себя все революционное и беднейшее население, призывая его к вооружению. Силы комитета пополняются возвращающимися с фронта товарищами, которые сейчас же становятся во главе движения и дальше занимают руководящие командные посты, как, например: т. т. Чернецкий, Мартынов, Тараскин, Корнет и другие.

Пропаганде большевиков мешают эс-еры (незначительная группа) и кадеты, об'единяющие вокруг себя учительство и интеллигенцию.

В начале декабря организуется первый Военно-Революционный Комитет, а вслед за ним формируется первый отряд красногвардейцев в 72 винтовки.

Атаман станицы Падалка, чувствуя бессилие станичного казачества, обращается за помощью к Бардижу, который немедленно с отрядом юнкеров направляется в Ахтари. Организация, учитывая неизбежное столкновение с белогвардейцами и, чтобы не попасть врасплох, часть отряда перебрасывает на узловую станцию Тимошевка под командованием

тов. Шевченко Ал. Занимается узел железной дороги, телеграф, обезоруживается офицерство. У депо станции Тимошевка дается бой в десятки раз большему силами, вооруженному пулеметами и орудиями отряду Бардижа. Перед организацией встает вопрос: защищать Ахтари или отступить. Впереди большие силы противника, в тылу Азовское море и враждебно-настроенное казачество, имеющее у себя оружие.

Об'единенное заседание революционного комитета и партийного комитета с представителями командования отрядом решает отступить в гор. Ейск, чтобы спасти отряд, оружие и организацию. Вся работа проходит в спешном порядке. Организуется погрузка на рыбачьи лодки оружия и отряда, погода далеко не в нашу пользу: поднимается буря и вслед за нею снежная мятель. Противник наступает. Последние лодки отходят под его пулеметным обстрелом, есть уже раненые, некоторые пытаются отстреливаться при невероятном шторме. Борьба на два фронта: с противником и морской стихией. Раненые товарищи, несмотря на отсутствие медпомощи, держат себя спокойно. Через 4 — 5 суток весь отряд прибывает в гор. Ейск. В самый день выступления юнкеров, со стороны революционно-настроенного Ейска оказывается теплый прием: отводится приличное помещение, дается всему отряду пища, постельное белье и проч. В отряде поднимается воодушевленное настроение. В полторы недели отряд приводится в полный боевой порядок. Во главе отряда становятся т. т. Зоненко и Дедюков. К этому моменту в Ейск прибывает Таганрогский отряд во главе с тов. Жлобой.

Оба отряда согласуют действия. Принимаются меры к разоружению станиц Уманской и Старо-Минской, имеющих у себя гораздо лучшее вооружение, чем в отряде. Контр-революционно настроенное казачество, окрыленное приближением с Дона на Кубань войск Корнилова, не желает добровольно сдать оружие и пытается сопротивляться. Положение отрядов становится серьезным. Стремительно в об'единенном штабе (чуть ли не на ходу) решается вопрос задержать продвижение на Кубань Корнилова. Оба отряда немедленно бросаются на ст. Сосыка, Ейской ж. д., под Леушковской происходит бой между нашими отрядами и отрядами Корнилова. На помощь нам приходят латышские отряды; банды Корнилова разрываются на две части: часть прорывается на Кубань, часть возвращается на Дон. В результате боя потери со стороны противника и несколько десятков пленных. Удачная операция еще больше поднимает дух отрядов. Отряды бросаются на станицу Уманскую со стороны Сосыки и Старо-Минской. Наступление ведется довольно спешно, со стороны Старо-Минской, Уманцы сопротивляются, за шесть верст до станицы взрывается мост, что мешает продвигаться нашему бронированному вагону (коробке). Срочно организуется работа по исправлению моста. В течение полутора часа мост исправлен. Продолжается наступление бронепоезда под прикрытием пехоты. Это было часов в 5 вечера, а часов в 8 станица в наших руках. Захватываем трофеи: четыре орудия, 12 пулеметов и около 1500 винтовок с изрядным количеством боевых припасов. Начинается спешная работа: аресты офицерства, вывоз

на станцию оружия, охрана большой станицы, а людей всего около 400 человек. До утра вся работа окончена. Утром белогвардейщина огляделась и заметив, что силы небольшие, восстала: началась стрельба из домов, было убито несколько преданных товарищей. Это были первые жертвы которые были отправлены в гор. Ейск и там торжественно похоронены. За эти жертвы поплатилось золотопогонное гнездо ст. Уманской, которая представляла крупный контр-революционный центр.

Приблизительно к этому моменту (март) пал белогвардейский центр Екатеринодар. Возвращение боевого отряда в Ахтари было встречено неописуемым восторгом со стороны трудового населения, от ст. Старо-Минской до Ахтарей не было ни одной станицы, где бы целиком все население не выходило навстречу. Некоторые станицы выходили во главе с духовенством: выносились иконы, хоругви, хлеб-соль, собирались пожертвования в пользу отряда. Отбитое оружие в Уманской привлекло массу товарищей; из отряда уже организуется второй революционный комитет со всеми Отделами, организуется местный революционный трибунал, председателем становится тов. Чернецкий, а секретарем тов. Дарморoз. Партийная организация берет на себя уже полное руководство. Организуется продовольственный комитет, который главное внимание уделяет снабжению боевого полка, организуется отдел социального обеспечения, удовлетворяющий нужды семейств бойцов. Работа идет напряженная. Тов. Яковлеву отзывают работать в область, как члена 1-го областного комитета, избранного в гор. Армавире.

Избирается 1-й Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов. Председателем Совета избран т. Некрасов, а затем инженер Шахнаров, которого в мае сменяет тов. Чернецкий. Параллельно с Советом работает военно-революционный комитет, под председательством тов. Войтенко. Здесь начинаются споры кто кому подчинен. Совет считает себя высшим органом станицы, военно-революционный комитет, не вмешиваясь в гражданские дела, тем не менее, претендует на диктаторство. В это время Ахтарский полк вызывается в Тихорецкую. Вспыхивающие восстания в соседних станицах заставляют быть настороже. Появляющиеся белогвардейские банды вынуждают всю организацию каждую ночь, собираясь в военно-революционном комитете с оружием в руках, быть готовыми к защите. Это положение вызвало организацию нового отряда в 300 человек под командой Александра Шевченко.

Несмотря на то, что приходилось вести работу, не оставляя ни на минуту оружия. Совет группируя бедноту, оказывая ей материальную поддержку через отдел социального обеспечения, регулярно заседает. Не допуская расправ-самосудов, революционный трибунал, использовав единственного юриста в станице Райхлина, в открытых судебных заседаниях, привлекавших столько публики, что ее не вмещает большая зала одного из крупных зданий Ахтырей, начинает завоевывать симпатию населения и даже контр-революционного казачества. Приговоры трибунал в большинстве выносит мягкие, имеющие главным образом моральное воздействие на подсудимого и только один раз был вынесен

смертный приговор банде ясенцев, зверски замучивших двух большевиков т.т. Кичу и Беляеву (отрезали конечности: пальцы рук и ног, уши, носы и бросили в колодезь).

Часто приходится хоронить товарищей в братской могиле, то убитых в боях, то замученных и подстреленных из-за угла. Гражданские похороны смешиваются с церковными, здесь и музыка и революционное пение, здесь же и священник с кадилом.

Наряду с рыданиями близких, зажигающие речи агитаторов, шлющих проклятия, зовущих к мести.

На общих собраниях граждан иногородние резко отделяются от казачества, первые всегда становятся налево от трибуны, вторые—направо. Также и на заседаниях Совета. С каждым днем усиливающийся раскол населения привел к тому, что при отступлении почти все бедняцкое, мужское иногороднее население ушло или с войсками или с Советом.

Бурный Кубанский Октябрь в 1918 году, как отдаленное эхо повторился вновь в 1920 году. Были эксцессы, были битвы, лилась кровь и в 1920 году, но это делалось уже спокойнее, без призывов к мести и проклятий. Наученное деникинской и врангелевской офицерско-помещичьей нагайкой, казачество смирилось и поняло, что Советская власть лучше власти буржуазной, генеральско-помещичьей.

Шмойлов, Дарморов, Чернецкий и Мартынов.

Роль Новороссийска в борьбе за власть Советов на Кубани и Черноморьи.

(Личные воспоминания).

Как член комиссии Истпарта и один из участников борьбы за власть Советов на Кубани, пользуюсь случаем не только сделать почин, но и обратиться с призывом особенно к Новороссийцам.

Товарищи!

Заранее соглашаюсь, что времени мало и работы столько, что нам не до воспоминаний.

И все-таки, все-таки, писать хотя ночью, хотя черновыми, беглыми набросками, что вспомнишь, надо, надо и еще раз надо...

На одно мое данное письмо — воспоминание, я уверен, Новороссийцы — рабочие, участники и герои «бывших дней», отзовутся десятками писем...

Ведь оглядываться назад не только доставляет личное удовольствие и удовлетворение. но и прежде всего полезно...

Ни один каменщик не кладет нового камня, не осмотрев «еще раз» предыдущего.

Отстаивать же победу пролетарской революции и строить С. С. С. Р. куда посложней и тяжелей, чем строить дома ..

В нашей работе изучать прошлое (а для других стран оно еще живое — настоящее) необходимо.

Не оставайтесь же в долгу. За перо и в Истпарт..

Новороссийск до Октябрьской Революции.

Промышленные рабочие здесь ютились преимущественно на цементных заводах, нефтеперегонном, в ж.-д. мастерских и железо-литейном Маклорина, а также небольшими ячейками на мыловаренных, пивоваренных, мельнице и ж. д. Заработок их был поденный — 90 коп., а сдельно в среднем приблизительно 1 р. 50 к. — 1 р. 80 к. Цены на продукты питания были низкие только вначале, до 1900 — 902 г., потом быстро шли вверх особенно в основном: хлеб, мясо и т. д.

На Черноморьи этого ничего нет — все привозилось из района Крымской, Анапа и т. д. по горным, тяжелым дорогам. Наш черноморский, прибрежный крестьянин клал при добыче своих продуктов

столько труда, что ему эти продукты стоили в два раза дороже Кубанских, и он естественно не мог их «дешевить». И жизнь к 1905 г. стала стоить на 10 — 20% дороже жизни в средней России и даже в Екатеринодаре.

Квартир «казенных» даже у цементников и ж. д. мастерских, не говоря уже о других мелких предприятиях, было очень мало. Обеспечены были только служащие. Вначале даже общих казарм было недостаточно. Новороссийск только нарождался,— раздавались на окраинах — буграх (Мефодиевский поселок, Балка Адамовича, Нахаловка) довольно дешево на выплату на много лет небольшие участки земли. Рабочие брали участки и затевали постройки. Это давалось особенно промышленным рабочим. Строительный сосновый материал стоил здесь очень дорого — т. к., несмотря на обилие лесов,— весь строительный лес привозился из Царицына. Строили из «Самана» (глина с навозом). Поэтому в первые годы, когда жизнь была дешевле, приходилось экономить, сжиматься, недоедать, работать после 12 часов на заводе еще 4 — 6 ч. дома. Особенно тяжело приходилось многосемейным.

Наши промышленные рабочие имели еще одну особенность, которую следует всегда хорошо помнить. Хотя большинство, как и по всей России — они выходцы из крестьян непосредственно, но на «дальний Кавказ» ехали уже окончательно порвавшие с деревней, ехали на новую родину, продавались нанимателю полностью и навсегда.

На временные работы приезжали в небольшом количестве только турки. Капитал их эксплуатировал на самых тяжелых и нездоровых работах, например, упаковка цемента, подвозка клинкера (пережженный цемент) и т. д

К вопросу о размере заработной платы необходимо сделать оговорку в отношении цемзаводов. Некоторые могут заявить, что на каменной ломке зарабатывали сдельно и по 3 р. в день. Это верно. Но это было прежде всего в редких лучших артелях, где выработка (ломка, погрузка в вагон и подача к спуску) камня доходила до 1500 пуд. в день на одного человека. Такова была артель и моего отца. Я таскал ему обеды и еще мальчонком всасывал проклятия работодателям за такой труд. Отец мой был силачом: подставлял спину на берегу под 18 пуд. ящики с машинами; вагонетку с камнем в 130 пуд., когда она сходила с рельс, ставил сам без помощи ваги (палка) снова на рельсы. И несмотря на эту редкую силу после 20 летней работы он ныне, еще моложавый на вид, уже слабенький и «выпивающий» Новороссийский извозчик № 73, гордый только тем, что Октябрю подарил трех коммунаров.

Но вернемся к 3 рублям. А дни непогоды, зима? Тут-то и была загвоздка — за эти дни не платили. А «дурница»? (дурницей называется расчистка, иногда целыми неделями, от негодной земли и камня — бесплатно). И лучший каменоломщик на семью 6 — 8 душ в среднем заработать мог 25 — 30 р. в месяц, причем процентов десять от «жизни такой» шло на выпивку.

Таким образом, промышленные рабочие Новороссийска были пролетариями от пяток до ушей.

Большое ядро рабочего класса составляли еще грузчики — рабочие «на берегу». Необходимо заметить, что почти все промышленные рабочие проходили и школу «на берегу». Соблазняясь в некоторых случаях высокими заработками — „пробовали". Но не так просто оказывалось это на деле. Не говоря уже о том, что работа была под силу не всем, да и заработки тоже попадали не всем. Только некоторые, обособившиеся в особый кадр, получавшие лучшие работы, действительно зарабатывали, строили домики даже со сдачей квартир, толстели даже «животом», уважались тайной и явной полицией и т. д. (Кстати, не могу удержаться задать вопрос теперешним новороссийским грузчикам — отчего многие из этих «живоглотов» и теперь «кум королю» в лучших десятках. — Пора бы, товарищи, вычистить).

Что касается всей массы в среднем, то не так уж завидны и хороши были их дела. Получил работу на 1 — 2 дня, а там, что будет, не знаешь. Сегодня 3 р., а завтра ноль. Вот тут и планируй. Ясно, что прежде всего, именно поэтому, на первый план и выступала «выпивка». Чтобы строить дом или одеть жену и детей, нужно заранее быть обеспеченным хотя немного на завтрашний день, а чтобы выпить и даже все пропить сегодня — этого не нужно. К тому же в этом случае и «море по колено»...

Такова доля грузчика. Если первые продались «гудку» и двухпедельной «получке», то вторые с виду «свободные» должны были продаваться на короткий срок — приходу и уходу пароходов и вагонов, а отсюда и «полбутылке».

Нельзя не упомянуть здесь о швачках (починка мешков). Эксплуатировали их, конечно, еще сильнее — вдвойне и втройне. Не только с трудом удавалось заработать 50 — 80 коп., но в большинстве нужно было еще проходить и через объятия приказчиков...

Таким образом и «береговой» рабочий, за исключением привиллегированных, был тем же пролетарием, только еще чаще и настойчивее «выпивавшим». Но такой грузчик и вышеуказанная швачка за красным флагом шли с одинаковой преданностью с промышленным пролетарием.

Заканчивая заметки о рабочих, считаю необходимым упомянуть о 3 — 4 десятках грузин, приютившихся на балке Адамовича, ближе к цементному заводу. Все ли они были рабочими, — теперь не помню, но знаю одно — все они были темпераментными, ярыми революционерами. Больше того, они были и разумными, ибо состояли в эс-деках. Между прочим, им по праву и доверялось хранение «подпольного имущества». У них же хранились остатки красного знамени 1905 г., от которого теперь имеется только древко.

О крестьянах Черноморья.

Принадлежат ли они к числу тех, о ком Ленин еще десять лет тому назад писал, что они будут примыкать в дни революции только к рабочему классу.

Сельское хозяйство на Черноморьи, по преимуществу, заключается в табаководстве, садоводстве и виноградарстве. Все эти виды хозяйства в большинстве требуют наемных сил. Значит, в сельском хозяйстве мы, прежде всего, имеем «наемного рабочего».

А что же из себя представляют самостоятельные поселяне-хозяева? Прежде всего из бедной горной земли им принадлежали только худшие участки. Труд на этой земле был каторжный, а результаты очень малые. Кроме того, пути сообщения в горной полосе были исключительно тяжелы.

Словом, добывающие себе жизнь сельским хозяйством на Черноморьи, за исключением крупных богачей, были именно теми, которые идут с пролетариями.

Вот почему и прогремела на всю Россию «Новороссийская Республика» и знаменитое «Дело Новороссийской Республики». Вот почему тут были расстрелы и в толпе и на знаменитой косе, и вот почему мы в 1917 году сходились на братской могиле, вспоминая годовщины расстрелов.

Небольшим, но ярко-красным островком новороссийские рабочие с черноморским крестьянством всплыли в 1905 году среди казачьего моря...

И были раздавлены...

Над расстрелянным одним клялись отомстить десять...

Таков Новороссийск в прошлом...

Новороссийск и Октябрьская Революция.

Вначале 17 года я работал на фронте на Икскюльском предмостном укреплении, состоя в Рижской организации и сотрудничая в «Окопной Правде». В июле приехал в Новороссийск в отпуск, сделал доклад о положении на фронте, дней 10 проработал и на 2 недели уехал в Геленджик на отдых (тогда еще сильно сказывались последствия контузии под Ригой).

Вернувшись в свой 131 Тираспольский полк, я всего через 2—3 дня судом офицеров за принадлежность к большевикам был из полка изгнан. Поехал в Одессу, а оттуда в первых числах ноября м-ца снова в Новороссийск.

Вот почему я мало могу сказать о днях Новороссийска перед его «Октябрем». Но и 10—15 дней, работая в июле того времени, при моем знании Новороссийска вообще, кое-что в памяти оставили.

Для того, чтобы об'яснить состояние в то время нашей организации, необходимо прежде всего дать воспоминания о 1905 годе. Я в 1905 г. был 12-летним мальчуганом и, хотя занимался в подполье сушкой прокламаций, еще с тех пор начал проходить школу службы своей рабочему делу, но, конечно, восстановить 1905 год не возьмусь.

Горячо призываю к этому пока следующих, находящихся в Новороссийске товарищей, если не ошибаюсь, бывших членов подпольного

комитета РСДРП,— это: Голикова и Демьяна Букрабу. Напишите, товарищи, о 1905 г. в Новороссийске во что бы то ни стало и шлите эти записки в Истпарт. Вспомните, как вы говорили: «Дело всегда отзовется на поколениях живых»; и если вы ныне хотя и не в рядах РКП,— то все-же за вами слово.

С своей стороны о нашей организации в 1917 году припоминаю следующее. В свое время главным ядром РСДРП (1905 г.) были железнодорожники, за ними шли цементники. Точно такое же положение оказалось и в 18 году. Характерным только было то обстоятельство, что старики, руководители в 1905 году, в том числе и прибывшие из ссылки, отошли на задний план. Старички же, рядовые члены РСДРП оставались теми же, какими были в 1905 году, т. е. революционным, способным на жертвы, элементом. Одновременно выдвигались и молодые силы в возрасте от 20 лет, причем большинство из них соприкасалось с революционным движением еще в детском возрасте, в подполье в 5-м году.

Руководителем организации большевиков в Новороссийске в то время надо целиком и полностью считать товарища Яковлева. Он — петроградец, студент, затем юнкер мимолетной эпохи Керенского, сын петроградского мирового судьи. В Новороссийске он выступает, как исключительно стойкий, твердый марксист большевик. По ясности перспектив, по настойчивости и стойкости в нашей организации, равных ему не было. Рабочие его очень любили. Помещался наш Комитет на Стандарте, в здании бывшего полицейского управления. Мы имели всего две комнаты, однако, уже обставленные портретами вождей и другими украшениями. Кроме того, имелась и соответствующая литература, причем доходила даже такая большевистская печать, как «Окопная Правда» из Риги. Секретарем у нас была, впоследствии расстрелянная на косе, девушка лет двадцати, мало разговорчивая, но исключительно преданная партии, она кажется и спала там. Жила партией и цветами. Комитет находился на окраине, и она иногда ходила за цветами в лес. Ядро организации было очень занято.

Твердой и ясной системы работ, к сожалению, тогда не было: каждый работал там, где находился, но этого требовал момент. Общую руководящую линию давал, несомненно, тов. Яковлев. О количестве членов к Октябрьским дням точно сказать не могу; и, мне кажется, это характерно, ибо даже в те моменты мы этим как будто мало интересовались. Чаще всего слышались фразы — «Все рабочие с нами —» и только. Кстати сказать, левые эс-еры, во главе с Сирадзе, своей организации почти не имели и тянулись к нам. Вообще действенно-революционные силы стихийно склонялись к нам, и посещение нашего секретаря беспартийными было очень значительно. Припоминаю посещения не только Новороссийцев, но и крестьян с мест Черноморья.

Необходимо еще сказать несколько слов о заводе «Судосталь».

Судосталь — революционный, большой, судостроительный Ревельский завод. Перед наступлением немцев, рабочие постановили спросить в

Петрограде у Ильича, как быть с заводом. Ильич ответил — перебросить на Черноморье, и с его легкой руки этот завод очутился у нас в Новороссийске.

В 18 году он играл громадную роль, он являлся ядром рабочего движения, став даже впереди железнодорожников, выдвинул такие силы, как Лучин, Краут, Кузьмин, которые заняли ответственные руководящие посты. Берег в это время ощущал уже и частную безработицу. Настроение здесь было также приподнято революционное. Рост нужды рабочих к тому времени факт общеизвестный, и на нем я не останавливаюсь.

Новороссийскую «Керенщину» возглавлял тогда меньшевик Б. Прохоров. Популярностью «Керенчата» не пользовались. Рабочие вместе с нами прижимали их конкретными требованиями, а они в ответ: «Потерпите — будет учредительное собрание». Пустозвонство их разоблачалось все более. Для полемики с нами из Екатеринодара выписывались такие, как Солнцев Александр и другие. Полемика с их стороны приобретала все более неспокойный и странный характер. Так, например, Солнцев против меня выдвигал такой аргумент: «Бушко-Жук парень честный, хороший, преданный рабочему классу, но его сволочи большевики совратили с пути и т. д.» Меня лично он знал еще с 1912 г. и ругал за то, что я, якобы, еще не марксист, раз не вызубрил Маркса. Словом, сколько я не стараюсь припомнить, чего конкретно хотели тогда меньшевики и эс-эры, — не припомню. «Потерпите, поучитесь и учредилка» — вот, кажется, и все.

Наступал наш Октябрь. Новороссийск, как и следовало ожидать, очень быстро откликнулся на события в Москве. И здесь к концу ноября месяца уже была Советская Власть. Взятие нами власти произошло очень просто. Несмотря на то, что часть коммунаров считала это невозможным, ибо, как говорили они, меньшевистская дума была сильна и гарнизон находился не в наших руках, — наиболее решительная часть требовала взятия Новороссийска, пользуясь нерешительностью и слабостью врага. После соответствующего постановления была об'явлена власть Революционного Комитета, с участием двух левых эс-эров — Языкова и Сирадзе. Думцы — меньшевики и эсеры — протестовали печатно и устно, но, по обыкновению, бесплодно и нерешительно. Захват этот иногда носил довольно комические формы. Я, например, был назначен Ревкомом комиссаром Новороссийского округа и должен был сменить поручика Леонтовича, ставленника власти Керенского. В реквизированном где-то автомобиле с 5 — 6 красногвардейцами (они были с винтовками, но надо полагать стрелять еще не умели), я приехал сменять Леонтовича, потребовал от него расписку о сдаче дел. Это было вечером. Он намеренно вышел в белье, начал высказывать какие-то протесты, но в конце концов в сдаче дел расписался.

Как только Новороссийск был захвачен — на местах, или сейчас же, или после приезда соответствующего агитатора, об'являлась Советская власть. Ревком сейчас же приступил к организации связи с матросами в Севастополе и через тот же Севастополь — с Москвой, а

также с демобилизующейся Кавказской армией. Во всех работах Ревкома поддержка рабочих была исключительно полна и активна. С первых же дней мы между прочим столкнулись с недостатком организаторских сил в административном и хозяйственном направлениях.

Ревкомы возникали быстро, сочувствие было полным, но действие низовых органов с того и начинались: давайте инструкции, указания, людей, денег и т. д. и сами мы тоже писали в центры; при этом связь становилась все труднее и наконец прекратилась совершенно. Деньги исчерпались быстро; одно подкрепление было послано, но перехвачено в Севастополе. И тем не менее, без капли сомнения, все работали не только по содержанию фронтов (а к этому готовились с самого начала), но и над внутренним строительством.

В первые дни не было никаких эксцесов, держали строгий порядок. Свора меньшевиков и эсеров была оставлена совершенно в покое, и они пользовались полной свободой и обливали нас в своей печати всяческими помоями... Благодаря этому быть может к нам и пробралось не мало, впоследствии оказавшихся провокаторами: (Пивоваров, Зорин и др.). Пивоваров — однофамилец умершего в июле в Краснодаре рабочего-большевика.

Екатеринодар и контр-революция.

В Екатеринодаре в это время наблюдалась совершенно другая картина. Проделать то же, что в Новороссийске, большевики здесь не могли, несмотря на большое количество активных организаторских сил партии. Сюда слетелась, можно сказать, вся контр-революция. Вполне естественно, что наши враги великолепно понимали важность создания соответствующей базы для своей деятельности на Кубани.

Еще в декабре был намечен план соответствующих работ по организации сил контр-революции. Сюда было перевезено золото (часть его) еще правительства Керенского. Сюда же с'ехались лучшие генералы и офицеры буржуазной контр-революции, но сюда же слетелись, кстати для нас, и худшие элементы дворянства, никчемного офицерства с громкими титулами, юнкера, безусая буржуазия и мелко буржуазная молодежь, отражающие настроения интеллигенции, еще до возникновения Советской власти, все они создали первые кадры будущей контр-революции. Возглавляющие контр-революцию на Кубани держали себя, как и полагалось — самоуверенно, бесшабашно, не преминув, конечно, с началом Октябрьских дней расправиться с большевиками, арестовав лучшие силы Кубани. Держали они арестованных в качестве заложников, козыряя ими при всяком удобном случае, а затем, когда наступали для них трудные минуты, не останавливались и перед расстрелом. Между прочим двум удалось бежать. Один из них, кажется Фролкин, за несколько секунд до залпа, упал, не был даже ранен. В это время началась тревога. Юнкера бросились ликвидировать ее, и этот товарищ, пользуясь темнотой, так как наступил вечер, бросился бежать. Он прибыл благополучно к нам в ставку, невредимый но поседевший.

Яков Полуян (старший) бежал еще в городе, когда их под конвоем проводили по городу.

Таким образом, в то время, как Новороссийск к концу 1917 года был воплощением Октябрьской революции,— Екатеринодар, напротив, являлся олицетворением будущей вооруженной трехлетней русской контр-революции со своим екатеринодарским постоянным ядром.

Выше упомянуто о дворянстве и других элементах, как слетевшихся к нам «кстати». Дело в следующем. От начала и до конца контр-революция была едина в одном: задавить «взбунтовавшихся рабов», кровью отомстить посягнувшим на действительную революцию «варварам», но в программе, что и как они будут делать после победы, единодушия не было никогда.

И чем выше был титул и благороднее происхождение, тем, надо полагать, глупее предполагались программы, а это вносило большой раздор в ряды наших врагов.

Готовимся к бою.

Несмотря на легкость переворота в Новороссийске, все понимали, что предстоят гражданские кровавые бои. Подготовка рабочих, их вооружение было усиленно. Вливались к нам и возвращающиеся из армии, вышла на берег и часть матросов.

Но все это было мало и взоры обращались на Кавказскую армию.

Кавказская армия, как и все остальные, к концу 1917 года стихийно демобилизовалась. В ней также характерным было следующее обстоятельство: там, где преобладали бельшевики, части более или менее организованно, не распыляясь, сохраняя имущество и оружие, тянулись по домам, а остальные просто разбегались одиночным порядком. Возвращение домой происходило двумя путями: один по железным дорогам и пешком по шоссе, и другой через Трапезунд и другие портовые пункты морем на Новороссийск, Одессу и Севастополь. Провианта у армии к этому моменту, безусловно, не доставало, ибо его доставка от тыла была дезорганизована. Судоходство между прочим к этому времени расстроилось и тот, кто имел достаточно пароходов для той или другой части, приобретал в глазах этой части большой авторитет. Новороссийск, надо отдать ему справедливость, особенно в лице руководителя Советской власти того времени в Новороссийске тов. Яковлева, великолепно учитывал все эти моменты. Еще до захвата власти, Парткомом были организованы посылки в Трапезунд агитаторов, затем выехал и сам Яковлев, где ему удалось с'агитировать в нашу пользу, сыгравший затем огромную роль в революции, 22-й Варнавинский полк и 41-й мортирный дивизион.

Ударной работой, по тому времени, считалась агитация среди демобилизующихся и, в случае, если последние не остаются бороться с контр-революцией тут же, на месте, отбирание оружия.

Принимались меры и к тому, чтобы военное имущество Кавказармии, достигнув Новороссийска, в нем оставалось. Словом, не упускалось из вида ничего и делалось все прежде [illegible] инициативой самих трудовых масс.

[illegible] уроки

Хлеба в Новороссийске и на Черноморье не было и быть не могло. Хлеб же мы имели следующим образом: через Новороссийск снабжалась Кавказская армия, причем, если не ошибаюсь, ежедневно через него [illegible] вагонов. Возглавляющие Кубанскую контр-[illegible]бре месяце 1917 года, прекрасно учли это [illegible] пытались дать все только на армию, со строгим при-[illegible] Новороссийску хлеба не давать. Естественно, необходимое [illegible]личество хлеба Новороссийску нами задерживалось. Вот на этой почве и начались разговоры с Екатеринодарской властью. Всем становилось ясно, что Екатеринодар готовится. Больше того, разъезжающие под видом агентов по мобилизации лошадей на Кубани от имени Керенского, оказывались очень подозрительными типами. А когда начались их разговоры со старичками, становилось ясно, что это «типы». В некоторых местах происходят аресты таких агентов. Не помню точно где, чуть ли не в Тимошевке, было арестовано 43 офицера и отправлено к нам в Новороссийскую тюрьму. Не дремала в это время и Кубанская контр-революция. Начались разгромы большевистских организаций [illegible] затем аресты с обычной для реакции беззастенчивостью и жестокостью.

Война началась.

По общему правилу понадобились уроки и новороссийцам. Они [illegible] желанием разбить, разогнать гнездо контр-революции в самом [illegible]. Поджигали их к этому и приезжающие из Екатеринодара рабочие, много рассказывающие о реакции на Кубани. Поступающие сведения о растерянности и слабости контр-революционных отрядов в Екатеринодаре, также толкали новороссийцев на более быстрые шаги. Обучение рабочих владеть оружием частично уже происходило. Оружие мы имели. Кроме того, в тылу, в Трапезунде и, вообще, в Кавказских [illegible] работа по вербованию солдат для наших отрядов. В это [illegible] надежды новороссийцев и Черноморский флот.

[illegible] все, вместе взятое, и обусловило некоторую преждевременность новороссийцев, без связи с общим планом выступ[illegible]. Имело место еще одно явление, с которым нужно было покончить во чтобы то ни стало: приезжающие демобилизованные солдаты, под соответствующим воздействием офицеров, иногда не верили нашим агитаторам, требовали паровоза и эшелонов, брали их силой и отправлялись в Екатеринодар и дальше.

В Екатеринодаре юнкера обезоруживали этих солдат, раздевали и частью отправляли дальше, а иногда просто забирали паровозы и подвижной состав. К началу действий мы, в смысле наличия подвижного

состава и паровозов, были обескровлены. Точно не могу сказать, но думаю, что у нас к тому времени осталось не более 5 — 6 паровозов и то больше маневровые.

Я зарылся в работу по должности Комиссара Новороссийского округа и сотрудничанью в газете и первое выступление рабочих с Яковлевым прямо таки «прозевал».

Выступление его было горячим и быстрым и несомненно соответствовало порыву масс и требованиям Краснодарцев — «не медлить».

Участники этого первого урока Елена Полуян, Алексанкин, Вишнякова и др. должны подробнее рассказать о нем. Я только знаю одно: движение на Екатеринодар тогда смысл имело, но беда была в том, что сама организация движения была обильна чувствами и менее обильна холодным рассчетом военной стратегии и тактики. Горели желанием борьбы и быстрых побед. Были храбрецы-герои, как Перов, Алексанкин и др., но не было обеспечено флангов и тыла, связи между своими же частями и единства действий. Кроме того, артиллерия даже изменяла. Под Энемом 22 января 1918 г. наступила быстрая и тяжелая развязка. Белую цепь подпустили к себе на несколько десятков шагов и офицер Галаев наповал убил Яковлева.

Погиб самый лучший Новороссийский коммунар.

Рабочий Герасименко (жив и теперь) тут-же отомстил и Галаев также был им убит. Но тысячи этого гнилья, этих Галаевых, если бы они даже теперь были бы «сменовеховцами» не могли бы заменить одного Яковлева.

Сколько бы хорошего дал теперь он....

Перейдем ко второму уроку, который наступил через несколько дней. На выручку был послан Сирадзе — левый эсер, бывший прапорщик, но в боях не бывший, чрезвычайно преданный рабочему классу, но мало искушенный в военных делах.

Ревком к этому времени уже был значительный и с большими силами Краснодарцев: Ян Полуян, Елена Полуян, Дроздов, из Крымских — Соркин. Были и анархисты: Рондо, Тимофеев и др. В нем уже стали ясно понимать значение первого урока. Получено было известие о под'еме у контр-революции, о ликованиях и готовящихся наступлениях. Одновременно уже начали осязать в военном штабе будущую измену Пивоварова и Зорина (Сирадзе организатором военштаба оказался слабым)...

Все это и привело к тому, что независимо от посылки Сирадзе — вопрос о «главкоме» ставился тут же. Назначили меня и выдали мандат «главнокомандующего» (для большего авторитета, стало быть) — несмотря на мои просьбы дать на имя «командующего участком».

Характерно для того времени: заместить Комиссара Новороссийского округа было некем, и я продолжал совместительствовать: на паровозе на фронт привозили бумагу и т. д.

На фронт, в Афипскую, я выехал 23 января утром. Не пользуясь мандатом, предложил себя Сирадзе в качестве начальника штаба.

---

*) Изменником оказался командир батареи офицер Варанов.

Истпарт.

Как военный офицер николаевской армии, побывав в боях с немцами, я, несомнено, обладал некоторым опытом и в военной обстановке разбирался больше остальных.

Уже к вечеру мне стало ясно, что нас разбить — пустячное дело. Наш штаб, в сущности, был надстройкой, мало связанной с железнодорожной линией. Организации управления и соподчинения почти не было — это первое, второе — следующее:—хотя сама по себе позиция вдоль реки Афипса и имела несомненно преимущества, однако фланги были совершенно открыты, тыл также был не наш: старички по станицам гудели. На передовых линиях настроение частей неоднородное, дисциплины, в смысле обслуживания передовой армии и несения караульной службы, не было, на ночь казаки уходили и вообще между ними и рабочими не чувствовалось достаточной спайки. На самой станции Афипской однако было не мало военных ценностей и особенно артиллерии. Учитывая все эти обстоятельства, я предложил отступить с тем, чтобы в Северской начать более или менее серьезную организацию фронта, тем более, что как раз к этому времени были получены сведения о прибытии в Новороссийск 22-го Варнавинского полка, в котором мы были уверены.

Доводы мои впечатления не произвели, энтузиазм тов. Сирадзе и горячность Алексанкина были против этого. Один говорил — «Революционеры не отступают», другой просто заявлял — «В три счета расшибем». К вечеру, в оправдание ряда моих предположений, поступило донесение, что с левого фланга противник намерен обойти нас на баржах. Были приняты срочные меры, которые между прочим, носили довольно своеобразный характер: помимо посылки небольшого отряда, человек в 30, было приказано звонить в колокола в станицах по нашу сторону реки и поднимать шум. Это распоряжение подняло мой авторитет, и все согласились с моим предложением отступить. Я составил план отступления и уже приступил к его исполнению. Ночью мы должны были убрать артиллерию и другое имущество, подготовить эшелоны и собрать армию, причем две пушки должны были оставаться на открытых платформах и увезены только под утро вместе с армией. Часть артиллерии и другого имущества удалось увезти, но тут поступает радостное сообщение, что обход ликвидирован и опять никто не желает отступать. А между тем в отрядах уже стало известно, что часть артиллерии увезли. По свойствам того времени, стали поговаривать об измене. Я об'яснил, что отступать на-половину нельзя, но не подействовало и это. Решено было уйти только тогда, когда начнется бой. И вот в четыре часа утра белые начали наступление. Наступление шло прямо в лоб на мост, который мы защищали двумя-тремя пулеметами и небольшим отрядом красногвардейцев. Большая часть из отряда или разошлась по домам, или отправилась проверять слухи. Конечно, мост был захвачен очень быстро. Алексанкин и Сирадзе, с первого момента наступления, бросились к цепям и я их больше не видел. Я остался на станции и здесь между прочим встретил Яна Полуяна. Я наметил

отправку санитарного поезда, отправил дрезину и приказал открыть по наступающим юнкерам огонь двум орудиям прямо с платформы, которые успели сделать около десяти выстрелов. Между прочим, с Яном Полуяном у нас вышло забавное недоразумение: он видел, как я входил на дрезину и отправлялся, а я в свою очередь видел, как тоже самое сделал он. Оба мы решили, что на этой дрезине каждый из нас уехал. Дрезина была взорвана, наскочив на прегражденный, сваленным лесом казаками в тылу — путь, и мы в Новороссийске потом рассказывали каждый о смерти другого.

Рабочие в этом бою держали себя бесподобно. В последний моме они стянулись к станции и стали смело под пулеметами, недоумев однако, кто же ими и как будет руководить, где искать начальни как организовать отпор противнику. Но естественно было уже поздно, ничто положения спасти не могло, тогда осталось одно — отступать. Таков был второй урок. Правда, потери тогда были незначительны, если не считать вождя отряда тов. Сиразде. Этот урок еще раз показал всем, что воевать нужно серьезно, что побеждать только порывом едва ли удастся.

Побеждаем.

В это время связь со Ставрополем, Армавиром и Темрюком устанавливается. Отовсюду стали прибывать, для связи и информации, товарищи. Кажется, от Антонова-Овсеенко был прислан какой-то полковник, фамилии его не помню, знающий, что такое война. Мы с ним быстро нашли общий язык, и это дало возможность более или м правильно понять общую обстановку. Политическую я понимал и с него, но ясность военной обстановки мог дать только он. Наш тыл со всеми его работниками также значительно вырос, уроки многому научили, и теперь мне почти не мешали, а напротив помогали организовать фронт и победу, настойчиво быстро и разумно.

Понятно было, что командовать несколькими отрядами большой линии фронта в разных направлениях так, как это было на фронтах Николаевских, путем связи и приказов — не удастся. С другой стороны ясно было, что не выработать определенную фронтовую линию наступления и единого движения к Краснодару, значит — опять подставлять под удар противника неопытные части и нести новые жертвы. Противника мы расценивали так: конечно, было ясно, что его отступле будет через горный хребет и Черноморье и дальше, кроме того видно и другое обстоятельство, что метод борьбы у него будет прежн т. е. использование отсутствия линии фронта у красных, отсутс связи между отрядами. Несомненно противник будет обходить небо шими силами в тыл и дезорганизовать, разгонять красные части. С самого начала нам удалось привлечь нескольких преданных товарищей и с помощью Новороссийских сил, при поддержке и неустанной работе Военно-Революционного Штаба, — разослать на места, вплоть до Темрюка, влево и вправо, своих людей с тем, чтобы последние начали

организовывать там восстания. Те отряды, которые они создают, должны двинуться по таким то дорогам приблизительно к такому-то числу. Главный штаб организован в Крымской с ядром человек в 900. Правым флангом была Абинская, где неслись сторожевые охраны, левым станица Адагумская. В тылу в это время у меня шла исключительная по под'ему работа. Как в сказке, быстро чуть ли не в течение двух дней и двух ночей выросло два броневика «Борец за свободу» и «Большевик». Здесь нужно отметить одно интересное обстоятельство. Когда офицеры говорили, что десяти-дюймовые мортиры ставить на платформу нельзя (теоретически это было правильно), рабочие над этим не задумались: матрос Ефимов придумал особые пружины и опыт прекрасно удался.

Помимо агитационной работы и организации восстаний в тылу противника, вели большую работу с матросами, а также с демобилизующейся армией. Часть матросов высадилась на берегу и влилась в пехотные части, но предпочитала броневики, которые они называли «Сухопутным флотом». Самые большие и лучшие ожидания по организации фронта были превзойдены. Заранее никто не мог допустить, чтобы в течение месяца, почти стихийно, в большинстве самодеятельностью масс и отдельных товарищей, можно было сорганизовать двадцать две тысячи человек, создать три отряда и наметить определенную широкую линию фронта. Больше того, постепенно удалось ввести донесения и приказы. Колоссальную роль в организации фронта сыграл штабс-капитан Марин, 22-й Варнавинский полк и его руководитель тов. Романенко. Марин — характерная фигура. Между прочим он заявил: «Я по убеждениям только кадет, у вас у большевиков ничего не выйдет, но раз мортирный дивизион пошел, а я люблю своих солдат,— я буду с ними, и буду честным».

Нужно отдать справедливость Марину, он преданно служил не только своим солдатам, но в качестве начальника штаба, и всем красным частям. Его опыт был значительнее моего и многое из организации победы нужно отнести на его счет. Мы быстро разделили функции между собой. Я вел агитационную и организационную, в общих чертах, работу, пользовался непосредственным примером там, где это требовалось и нажимом там, где не слушались, а он вел военно-оперативную.

Вторая характерная фигура — Романенко. Это унтер-офицер, кончивший учебную команду, бывший на фронте и гордившийся тем, что он и в старое время никогда ни одного замечания не получал. Ни о марксизме, ни о коммунизме он, конечно, не имел представления, но знал одно, что трудящиеся восстали, а поэтому он был с ними. Он чрезвычайно скромен, невзрачен на вид и мало заметен. Однако в выборе и в надеждах мы не ошиблись. Он между-прочим был первым, кто подробно донес, как расположен его отряд и даже от руки нарисовал кроки, т. е. характер местности и расположение его частей. Это в нашем штабе была первая ласточка, прилетевшая с вестью, что фронт будет организовываться по всем правилам военного дела. Достаточно бурный и победоносный

отряд Белика, вечно полупьяного и горячего, шел на Троицкую и когда,— наконец, связался с нами, то первое время дисциплинированию не поддавался, но затем нам это более или менее сделать удалось. Командовать я уже стал по карте, хотя правда эта карта не топографическая, не военная, а снятая в почтовом отделении в станице Крымской. Между прочим, мой авторитет и авторитет тов. Марина укреплялся главным образом за счет удачности тех или других распоряжений. Помню, когда я, в предвидении обхода слева, потребовал от Новороссийска и Кабардинки отправки отряда на Шапсугскую, то многие, не понимая в начале смысла распоряжения, изрядно ворчали, но потом когда этот отряд с большим трудом прибыл в Шапсугскую (по дороге утонуло несколько лошадей и кажется один товарищ) и здесь, наскочив на белых в количестве 50-ти человек, шедших с задачей взорвать тоннель, разогнал их, захватили некоторые трофеи и, согласно моего приказа, протянул телеграфный провод в Крымскую, то все участки и фронт были этим очень удовлетворены. Я использовал этот момент и по всем частям разослал приказ с благодарностью этому отряду, особенно его командиру тов. Волику. Одновременно, расположив части между Троицкой и Абинской, нам удалось предупредить и другой обход, причем мы захватили некоторые трофеи, особенно же всех удовлетворяла генеральская шуба на красной подкладке. Когда, таким образом, к концу февраля наметилась не только линия фронта, но и относительно сносная система управления и дисциплина, а в это время с севера тоже нажимали, и белые уже расчищали путь на юг, то мы перешли в наступление. Наступление нам пришлось вести с боями, ибо противник, ограждая себя, создал правую стену для частичного продвижения на Черноморье и Кавказ. Под Ильской произошел достаточно серьезный бой, причем здесь был очень критический момент, когда не хватало патронов, стрелять было нечем и даже Романенко начал бить отбой, но будучи исключительно дисциплинированным, он запросил у Марина, что делать. Марин категорически приказал взять Ильскую штыками. И как это ни странно, Романенко задание выполнил, перешел в наступление без патронов, и Ильская была взята. После небольших боев в Тимошевке и других местах (в это же время мы услышали, что Сорокин жмет белых по линии Тихорецкой, Екатеринодар), мы установили, что противник решил отступать, стали принимать соответствующие меры, чтобы продолжать борьбу, но это почти не удавалось. Наблюдалась страшная тяга в Екатеринодар во что бы то ни стало, как будто бы противник был только в Екатеринодаре. Свои части мы буквально сдерживали и в Екатеринодар первым вошел Сорокин, а Романенко продолжал бои и стычки с Корниловым. Одновременно дали Новороссийску задание курсировать миноноске вдоль берега, кроме того, по шоссе послать отряды на юг, так как там предпринимались частичные разведки и самое отступление противника. Я оказался до некоторой степени прав и небольшой скомплектованный отряд из рабочих Новороссийска (там были и грузчики), у Архипо-Осиповки поймал

Бардижей, причем захватил у них некоторое количество золота. Бардижи были отвезены в Туапсе и там расстреляны.

Заканчивая эту главу, нахожу необходимым сделать несколько общих замечаний. Рассказать о борьбе и победах перечислением приказов, распоряжений и заслуг отдельных героев, по нашему, нельзя и неправильно вообще, а для того времени это тем более даст очень мало. Главные элементы победы тогда таились в самодеятельности трудящихся вообще.

Даже наш штаб, довольно непосредственно и тесно связанный с массами, иногда получал неожиданную помощь через проявленную инициативу снизу и учитывал факты уже после их свершения. То прибывал новый отряд, то приходил через фронт дать сведения о противнике рабочий или хлебороб, то выдвигались смельчаки и герои и делали дела по собственному почину и разумению (правда, незамеченные и нигде незаписанные,— в большинстве случаев — судьба истинных героев) и т. д.

Тогда на борьбу с угнетателями и предателями-пустозвонами выходили все угнетенные и обиженные. Варнавинец Тульской губернии, матрос Архангельской, рабочий Московской, иногородний и бедный казак Кубани — все это было у нас и все горело одним: сбить с ног буржуя, помещика и генерала... Самодеятельность тогда распространялась (иногда и вредно) даже на узко-оперативную работу. Я, приехав на 1 — 2 дня в Новороссийск, был свидетелем такого случая: в Новороссийске была получена телеграмма: «Тоннель в опасности, прорвался отряд белых в 150 человек, с целью взорвать его». Случайно эта телеграмма попала не только в военно-революционный штаб, но и в железнодорожный завком. Завком, не долго думая, сообщил остальным завкомам, и загудели гудки по всем заводам. Через полчаса на станцию собрался не более и не менее, как весь рабочий класс города Новороссийска. Часть, даже не забегая домой, явилась в рабочих костюмах, часть вооруженная, часть нет, часть одетые в шинели и пальто, часть нет. Тут же был скомплектован эшелон порожняка и рабочие только ждали начальства и приказаний. Не помню, с кем я к станции приехал на автомобиле и стал ругать рабочих и завком. Из этой массы рабочих был выделен небольшой отряд и отправлен на фронт, остальных распустили.

Несомненно, при условии самодеятельности масс и роль руководителей была очень важной и часто выступала на передний план. В задачи руководителей тогда входило, главным образом:

а) подчинять всю самодеятельность «спецу», единству действий, плану и порядку;

б) устранять элементы «медвежьих услуг» и провокации, т. е. убирать вольную и невольную контр-революцию.

В методах главным было:

а) заражай, действуй примером;

б) будь строг и беспощаден — вводи жестокую дисциплину.

И дисциплина того времени была своеобразна, не сразу видна и понятна, но жестокая и твердая.

Ныне мне приходится наблюдать такое явление: об'езжая по делам Кубсоюза места, я наскакивал на своих красноармейцев, и они напоминали мне время и место, где я был с ними. И всегда оказывалось одно и то же: то вместе лежал за пулеметом и ругал за неумение стрелять, то ругал артиллерию и чуть-чуть кого-то не бил, то арестовывал и т. д. и т. д.

В Кубсельсоюзе дело приняло даже комичный характер Я подписывал договор. Один из конторщиков вдруг заявил: «Бушко-Жук! Я одного Бушко-Жука знал еще в 18 году, главкомом был. Немного ниже вас ростом, широкоплечий и очень свирепый, ходил с толстой палкой, говорил беспрекословно и строго. Я хотел вывезти 2 вагона железа, так он так пригрозил мне палкой, что мне было не до железа». Очевидно, ныне в штатском, издерганный, да еще в роли кооператора, я ему показался мышенком, и он только потом узнал того самого «главкома».

В Истпарте кто-то по памяти нарисовал мой портрет и, нужно отдать справедливость, я выгляжу у него собственноручно зарезавшим контр-революционеров, по крайней мере, с тысячу...

Суровое было время. Кровью и смертью решались судьбы. Нужны были, конечно, не мягкотелые «керенчата».

Меня два раза свои же красные, самого красного, приговаривали и водили к расстрелу; показалось, что следует. И все-таки здравый смысл брал верх и все-таки лучше было понести ошибку на одном своем, чем быть обманутыми десятками «чужих». Суровое и славное было то время. Победу организовывал и побеждал весь класс угнетенных — участвовали все...

И победы угнетенных, вообще, и в частности наши, и на хозяйственном фронте, и на каком угодно другом, будут тем полней и быстрей, чем больше в нем будут участвовать сами угнетенные.

Вот вывод из рассказанного о первой победе над Краснодаром.

Вот один из всеоб'емлющих лозунгов в день шестой годовщины Октября.

Первые дни в Екатеринодаре.

Приехав в Екатеринодар через некоторое время после его взятия, я здесь застал следующую картину: в Краснодаре было четыре или пять штабов, и все главные; каждый штаб имел свою гостиницу, каждый командарм — свою сотню казаков-ординарцев и своих дам. Впечатление штабы производили отвратительное, сюда же нужно прибавить изрядное количество выпивок и реквизиций. Марин, на совместном совещании штабов, после того, как было поставлено главное командование передать Кавказскому штабу, внес поправку: «До приезда Бушко-Жук». Поправка была принята. Когда с моим приездом этот вопрос вновь был поставлен, то здесь сорокинцы, придравшись к добавлению «до приезда Бушко-Жука», стали ворчать и поговаривать «о старом

режиме». «Подумаешь,— говорили они,— до приезда такого то генерала». Произошел скандал. Часть полувыпивших сорокинцев требовала немедленного расстрела меня тут же. В корридоре шло обсуждение, как это сделать. Но в это время подоспело спасительное сообщение, что Корнилов уже собрался с силами и движется на Екатеринодар. Между прочим, я как раз говорил о том, что Корнилов, использовав слишком большую глупость и авантюризм в рядах красных, скоро начнет колотить нас. Я здесь вновь сказал горячую речь и решено было расстрел отложить, а пока составить план ликвидации корниловского наступления. Председателем этой комиссии по выработке плана был избран я. Потом, естественно, расстрел не состоялся. Я на этом не успокоился и продолжал требовать самых решительных мер по борьбе с этими в высшей степени отрицательными явлениями. При чем, по молодости, полагал, что это сделать не так то тяжело.

Не соглашаясь с общей линией, я остался не у дел и отправился в Москву за оружием и с докладом о положении на Кавказе. Я считал, что Кубань — огромная и богатая база для армии, что Корнилов есть главный контр-революционер и об этом доложил в Москве, но там, конечно, было не до этого. Не прекращая борьбы с Корниловым, больше всех вынес — Романенко со своим отрядом.

Между прочим, о Сорокине и Автономове я могу сказать следующее: Сорокин мною был оценен очень скоро — такой же самодур, как и Белик, и таких типов было не мало, они в боях играли положительную роль, в остальные моменты — только отрицательную. Автономов был более сложной фигурой, более подозрительной, более бесполезной и даже вредной. Он держал связь с верхами, ничем фактически не командовал, бывал во всех штабах, узнавал новости, составлял сводки и выступал от имени всех армий. На вид это был щупленький интеллигент, умеющий связать пару слов. Можно определенно сказать, что он частенько пожинал чужие лавры. Помню характерный рассказ писаря одного из штабов. Сорокин, в качестве подкрепления, получил некоторое количество денег из центра, и вот Автономов, рассказывая о том, что он именно может платить жалованье, часто раздавал деньги даже не командующему тем или другим отрядом, а непосредственно писарям и другим работникам штаба...

Мих. Бушко-Жук.

Характерные эпизоды.

Читатель, надеюсь, в обиде не будет, если я остановлю его на некоторых, пришедших мне на память, эпизодах. Они характерны, а потому и не без'интересны.

ЖЕНЩИНА И ВЕЧЕРНИЕ КУРСЫ.

Как комиссар Новороссийского округа, принимаю посетителей (1917 г., декабрь). Входит женщина, жена рабочего.

«Т. комиссар, теперь как наша власть, значит, и всем по равноправному закону полагается образование, а я неграмотная, так я вот и пошла на вечерние курсы... Отработаю дома день и в школу. А муж то мой хоть и сознательный рабочий, а против, в ущерб, мол, хозяйству и детям... Скажите, имеет он полное право быть против или нет?».

А с учения Соввласть в Новороссийске начала с первых же своих шагов и широко и горячо. Учиться должны были и утром, и днем, и вечером, и дети, и старики и все бесплатно. Решено было образовать трудовой народ во что-бы то ни стало.

Я, конечно, был возмущен таким насилием рабочего, но в то-же время подумал и о хозяйстве и о детях, и с одной стороны рассказал и доказал: п р а в а я е и м е е т, с другой: приходите завтра вместе — потолкуем...

Явились вместе.

Закатил я им целую получасовую лекцию...

А ответ рабочего был короток.

«Тебе Миша (он меня знал еще раньше) сколько лет? — 24. Молод, брат, ты еще и ни черта не понимаешь в семейной жизни. Во-первых, с тех пор, как она пошла в школу, в хозяйстве и с детьми дело пошло хуже. Время, ведь, на все не хватит. Во-вторых, я глупей ее пока быть и не желаю.. Она, пока-что баба и только?

Правда, при мне они как будто помирились и решено было, что она продолжает учиться, но я после ее ухода уже не верил в их примирение..

Женщина первая голодная пошла в Питере против штыков, первая в данном случае потянулась и тянется и к образованию, но как ей бесконечно тяжело продвигаться вперед до создания материальной новой базы — без независимых труда и обеспечения далеко не уедешь.

И уже на первых Октябрьских ступенях мы видели и порыв и препятствия...

ПОРЯДОЧНЫЙ ГРАЖДАНИН И НОВЫЙ ПАСПОРТ.

В том же месте и почти тогда же (кажется январь 1918 г.).

Входит видимо отставной чиновник.

«Вы управляете ныне Новороссийским округом, господин комиссар?»

Я подтвердил.

«Видите-ли, я, как порядочный гражданин своего отечества, обращаюсь к Вам со следующим. У меня вышел срок моему паспорту. Считаю своим долгом заявить об этом и просить уже по новым ревкомовским законам дать новый или хотя-бы отсрочку»...

В управлении мне уже пришлось и сводить, и разводить, и мирить, и землю делить и т д, но до паспорта еще не докатилось. И порядочные и непорядочные существовали буквально без моего разрешения. Ирония посетителя была ясна, но я выдержал и не вступая в пререкания, бюрократически заявил:

«Зайдите завтра — получите новый».

Гражданин порядочный покачал иронически головой и вышел.

А я должен был выйти из положения (о директивах свыше, понятно, не могло быть и речи). Что-же мы, чорт побери, будем делать с паспортной системой? — думал я. Главное, что раньше всего я решил, что без нее не обойтись, а потом что в принципе мы против, а кроме того, зачем сроки..

Наконец, додумался. Там, где на бланке написано «от» и «до» я приказал писать:

«Впредь до установления новой паспортной системы или упразднения таковой».

Писарям, да кажется и чиновнику, это показалось незыблемой Советской истиной.

Было выдано до десятка или 2-х десятков таких паспортов.

Все-ли их владельцы были и есть «порядочные граждане» — не знаю, но было-бы очень хорошо, если-бы имеющие паспорта прислали-бы их в Истпарт — в архиве они будут нужны.

АНАРХИЯ ПАСУЕТ.

Начало 18 года.

Матросы-черноморцы в Новороссийске имеют свой ревком. Один из активистов в нем — матрос, член РКП тов. Вотяков (в настоящее время он также в Новороссийске).

Худшая часть матросов распоясалась во всю и гуляет.

Об'являем борьбу. Требуем не церемониться. В печати открываем кампанию..

И вот в ревкоме матросов происходит такой случай.

Приводят пьяного «братишку». Он разоряется и кричит:

«Кто смеет арестовывать.. На каком основании распра.. и т. д.».

За поясом две гранаты. Вид, что ни на есть петушино-боевой.

Вотяков, об'ясняя преступность, позорность и недопустимость пьянства в «такие дни», требует сдачи оружия и подчинения аресту.

Матрос не унимается. Братишка, подлец ты, ежели идешь против нас... Ты — матрос.. Изменник... и т. д.».

И вдруг выхватывает одну гранату и заносит руку вверх «Всех к чорту взорву».

В комнате человек 10.

Раздается взволнованный, но решительный с упорством стойкого борца-коммунара, голос т. Вотякова:

«Братишка, стой. Здесь много невинновных» и подавая ему свой револьвер: «Вот возьми, он заряжен... Арестовываю тебя я, я и виноват.. Убей только меня. На, стреляй»...

Секундная пауза - тишина

Матрос опускает руку..

Револьвера не взял, Вотякова не убил, аресту подчинился...

ЗА ДИСЦИПЛИНУ.

Январь 18 года. На фронте.

Трудное, горячее время.

Порядок и дисциплина устанавливаются не сразу и не легко Там общее собрание постановило на отдых, там передвинуться, там в баню и т. д. Эшелоны двигаются по заданиям и с путевкой, другие на основании «самодеятельности снизу». Роты и люди учету почти не поддаются: одни приходят, другие уходят..

И вдруг в штаб (ст. Крымская) входит неврачный казачек, кажется Мищенко из ст. Варениковской

«Товарищ, наш главнокомандующий, пустите мене до дому... я зараз, тiлько на 5 — 6 днив.

Задаю вопрос: «В чем дело, зачем».

«Та мимоходом через Варениковскую отряд Беликова обобрав семью. Лошадь увели, сино и овес забралы. Жинка плаче и мини через земляка переказуе.. Треба ихать, привести до порядку хотя тэ, що осталось»...

Задаю второй вопрос: «Так разве вы не могли ехать без всяких разговоров. Другие же едут».

И в ответ:

«Извинить, я за строгисть. В нашей роте уже усе по спискам. Без разрешению, як то значится у вашему приказу, никого и никуды.. Я за дысциплину».

Записку я дал. Через 7 дней он принес мне ее обратно, поплакался о своем горе и пошел... опять на фронт...

БАНКА С ВАРЕНЬЕМ.

18 год.

Дисциплинируя армию, я издавал и распространял по ней приказы. Один из них раз'яснял недопустимость хотя-бы самого мелкого грабежа у населения, причем был указан пример, как у одной вдовы с тремя детьми красноармеец такой-то (фамилию уже забыл) забрал банку с вареньем

Когда этот приказ заготовлялся в Крымской — в это-же время приехал сюда и этот красноармеец.

Узнав, что он так позорно попадает в приказ, — он явился ко мне в штаб.

«Тов Бушко-Жук, что вы делаете, разве так можно. Я понесу какое угодно наказание, но не позорьте меня. Ведь в приказе написана и фамилия, и имя, и это пойдет по всем частям. Я так не могу. Я честный, но случился грех. Я готов нести наказание, но позора снести не могу. Кроме того, полбанки я возвратил тут-же, а теперь куплю ей банку или заплачу»...

Вполне понимая полезность именно конкретных приказов,—я, конечно, не уступал.

И он вновь стал почти слезно, просить уговаривая и всех присутствующих:

«Я больше никогда не буду есть варенья, на что оно мне нужно, я сладкого почти что не люблю. Пусть, если хочет Бушко Жук, меня расстреляют, раз я этого заслуживаю, но зачем позорить меня на весь мир. Делайте со мной что хотите, но вычеркните хоть фамилию. Я согласен, что для примера случай мой требуется, но я ведь клянусь, что искуплю свою вину — только пусть вычеркнут фамилию»...

Я согласился исправить его «позор» другим приказом через месяц, если он смоет позор свой каким-либо хорошим делом, что он, как передавали случайно мне, уже после взятия Краснодара, и сделал, но, в силу разных обстоятельств, я так и остался у него в долгу и в приказе о нем больше не писал.

Рассказывали только, что он о «банке с вареньем» часто говорил, считал, что все это знают и был очень строг к малейшим хищениям. «Можно, мол, брать хлеб, сало, если дают, но ни в каком разе сладости... к примеру варенье и тому подобное...»

КАК МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ И РАССТАЛИСЬ С БЕЛИКОМ.

Из нашего штаба в Темрюк был послан т. Кацура. Задачу свою он выполнил великолепно: способствовал организации восстания и движению отряда Белика по заранее указанному мною пути.

Буйный Белик с небольшими боями проходит Варениковскую, Троицкую и дальше.

Но его действия по организации армии и порядки на местах носят своеобразный и подчас тяжелый характер. Даже анархист Рондо, поехавши туда, возмущен его «анархичностью».

Белик и расстреливал и конфисковывал жестоко и часто не во время. Держал себя Наполеоном—победителем. Никого и ничего признавать не желал. Трофеи или поступали в отряд, или, по его распоряжению, отправлялись благодарному Темрюку — «откуда вышел, туда и посылаю».

Кроме того, он заказал бланки «Верховный Главнокомандующий Белик».

Между тем, как только он выдвинулся на нашу линию, мне нужно было во чтобы-то ни стало его подчинить нашему штабу.

Выбрал я денек и как раз при взятии им Тимашевской (противник спешно уходил) к нему приехал. Со мной были только 2 матроса (одного помню хорошо, за другого не ручаюсь).

Рано утром вместе со своей арабской кобылой «деткой» и матросом на коне — мы двинулись в станицу. И вдруг навстречу нам в сопровождении 2 — 3 десятков казаков несется кто-то на огромном белом красавце — жеребце, покрытом серебряными и золотыми... ризами. На нем плотный, небольшого роста, коренастый, возбужденный и самодовольный товарищ Белик.

Кавалькаду эту мы остановили. Стали знакомиться.

Видно было, что «верховному главнокомандующему» — знакомство с просто командующим, да еще писавшем ему, что он должен будет всецело подчиниться штабу Крымской, — было не по душе, и он совершенно неожиданно выпалил:

«Хочешь, я тебя немедленно расстреляю... Смотри сколько у меня конвоя, а?»

Я ответил:

«Расстрелять ты еще успеешь. Мы приехали только вдвоем. Только трусы спешат расправляться с более слабыми. Ты храбрец и поступишь иначе. Лучше-ка ты говори, где и как нам с тобой потолковать, время не терпит...»

Белик внимательно и подозрительно осмотрел меня, переспросил — верно-ли, что мы только вдвоем и заявил:

«Говорят, что ты хороший парень и что за тебя стоят матросы... поворачивай ребята...»

И мы понеслись в станицу...

В какой-то хатке начали с выпивки, закусывая солеными огурцами и помидорами.

Выждав, пока Белик немного повеселел и охмелел, я взялся за свое: на каком основании ты издавал приказы, подписанные «Верховный Главнокомандующий». Ведь у нас есть в этой роли т. Крыленко. Признаешь ты Центральную Советскую Власть или нет и т. д.

Белик отвечал:

«Ты, брат, пойми, я природный большевик, стало-быть неграмотный, могу только расписаться. Мне даешь бумагу, я и подмахнул... и т. д.».

Я приказал позвать писаря. Последний производил впечатление очень ловкого и хитрого, начал с извинений и т. д.

Я всех немного попугал.

Все остались довольны и мне; в дальнейшем уже легко было перейти к настоящему делу: согласовать действия и связать со своим штабом. Белик на все согласился.

В умилении рассказал, что после разгрома контр-революции он решил жениться и что невеста уже есть и закончил просьбой:

«Непременно пришли мне кожаную тужурку и приезжай в Темрюк на свадьбу,..» — Я обещал...

Расстались мы дружески. Буйный Белик был все-же сын трудового народа и стоило только рассказать ему, что будет вредно для общего дела, как он смирялся совершенно.

ЗА КЕМ ИДТИ?

Февраль 18 года.

Я приехал в Абинскую. Потребовал разведки в Эриванекую (горная, бедная станица). Разведка во главе с храбрым анархистом Букитаном струсила и вернулась ни с чем (конфискации и контрибуции Букитан делал смелей, пока я его наконец не арестовал).

Я боялся обхода и Эриванскую осветить считал необходимым во, чтобы то ни стало

Решил действовать примером, т. е. отправиться сам. А тут еще и повезло. Как раз из этой станицы приехало 2 молодых казака. Их арестовали и препроводили мне.

Явились они, оказывается, за агитатором. Пусть, говорят, об'яснят нашей станице за кем нам идти. «От генералов у нас были уже и старики гнут идти за ними, а нам, вернувшимся с фронта только благодаря большевикам, идти не хочется. Вот мы и постановили, чтобы приехал кто от вас и раз'яснил.

Я решил ехать сам, один в сопровождении этих двух казаков, и, несмотря на уговоры не ехать,— поехал.

Приехали мы к вечеру. Сразу-же на митинг в школу. Оказывается недавно были «белые» со своей агитацией и литературой. Был их отряд 30 — 40 человек и уехал.

Я сразу-же об'явил кто я. Все очень смутились и пока что решили отправить меня в отдельную комнату, а сами посовещаться.

Совещание было бурное... Грызлись старики с молодыми (старики настаивали выдать меня белым), но перевес был надо полагать на стороне молодых и бедноты (эта одна из беднейших станиц на Кубани). Решено было: «сначала дать командующему красными высказаться, послушать, что он скажет».

Привели меня и я стал говорить. Спасая шкуру, можно легко пробежать 50 верст, но очевидно можно и лучше говорить.

Говорил я в течение полутора часов при огромном внимании. Затем посыпались вопросы. Ответил и на них

Меня отпустили.

Вечером хорошо поужинал и обогрелся у какого-то бедняка-казака, а рано утром в сопровождении тех-же двух казаков и уехал.

Эпизод этот мною рассказан, чтобы показать, что и трудовое казачество (бедняки) уже с самого начала были с Советской властью.

Мих. Бушко-Жук

Октябрьские дни в хуторе Романовском Кавказского отдела.

Еще на турецкий фронт, в далекую холодную Турцию, где застала меня февральская революция и часть Октябрьской, — из наших родных уголков Кубани, в частности Кавказского отдела, стали доноситься в армию стоны и мольбы иногороднего населения на то, что кулацкое казачество всячески притесняет наших жен, матерей и стариков, которые в то время оставались одни только дома, остальные же члены семьи были все мобилизованы костлявой рукой старого царизма. Притеснения заключались в следующем: выгоняли из усадеб, помещений, не давали им обрабатывать землю и проч. На этой почве происходила страшная вражда между двумя лагерями и случались даже убийства.

Ход событий Октябрьских дней дал полную возможность нам, революционерам, бывшим в то время на турецком фронте, разложить армию и повести агитацию среди солдат: «за что мы воюем здесь, тогда, как там у нас на родине происходит революция», и что мы должны, как можно скорее с оружием в руках, поспешить на помощь нашим товарищам, сражающимся за правое дело народа. Эта агитация имела громадный успех. Обезвредив офицерский состав, за исключением оставшихся с нами честных и верных нам в борьбе за наше дело, мы снялись с фронта. Все это было проделано ускоренным темпом. Потянулись части друг за другом бесчисленными и бесконечными эшелонами, пробивая себе путь оружием в Дагестане. Татарию и Чечню шли в полном вооружении твердо вперед на завоевание и укрепление Октябрьской революции. В средних числах декабря 1917 года, смешанными частями Бакинского и Дербентского полков, одним натиском выбиты и вытеснены белогвардейские представители старого империалистического мира, и был занят хут. Романовский при ст. Кавказской (ныне гор. Крапоткин).

Организация Ревкома.

По занятии хут. Романовского, был немедленно организован Революционный Комитет в составе: т. т. Никитенко (комиссара по военным делам) Голубя и местного хлебороба Трояна. С отделами: продовольственным, земельным, судебная часть, административная, военная Комиссии.

Отдел продовольствия возглавлял т. Бородин Тимофей из ст. Тифлисской б. казак, находившийся в опале. Членами были: представители местного казачества гр. гр.: Тарасенко, Лозовский и др.

Земельный — возглавлялся т. Селютиным Алексеем из иногородних.
Судебная часть — казаки: В. Стабровский, И. Глотов и от иногородних Фома Пугач и Григорий Балалайка.

В этот переходный период времени, в средних числах января 1918 г., я и прибыл в хут. Романовский с остатками верных бойцов 17 стрелкового полка

В скорости после этого были нами заняты окружающие станицы: Кавказская, Дмитриевская, Ильинская, Успенская, Ново-Покровская, Казанская, Тифлисская, Лосевская, левый берег реки Кубани.

В занятых станицах также была установлена Соввласть, были организованы Советы и боевые Красные дружины; в их организации я принимал самое горячее участие.

К нашей власти население иногороднего сословия и часть трудового казачества относилась очень сочувственно и радостно, с полным доверием:— но большинство кулацкого казачества и купечества смотрело на нас исподлобья, враждебно и с большим негодованием, всячески стараясь провоцировать действия власти.

По окончании организации Ревкома закипела работа по установлению Советской Власти со всеми вытекающими отсюда последствиями. Особенно ярыми сторонниками за Советскую Власть в хут. Романовском были, из числа иногороднего местного населения, следующие граждане: Троян, Тесленко, Кочерга, Жук, бр. Борисовы, Сидорка, Травка Иван и ряд др. граждан, также и из числа казачества. Особенно проявляли активность следующие граждане: Березутский с сыном, Лозовский, Глотов и др.

Не могу не отметить вышеуказанных граждан, в особенности из иногородних, какую они проделали громадную работу своим горячим участием и преданностью; занимая целый ряд ответственных должностей, они всегда честно, добросовестно и неутомимо выполняли возложенные на них обязанности, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, хотя бы им и грозила смертельная опасность и всегда они говорили: «Мы смело и гордо с радостью умрем за правое дело рабочего класса», что впоследствии они доказали на деле.

Восстание казачества в ст. Кавказской.

Ст. Кавказская — это бывший центр Кавказского отдела. Там собравшаяся свора хищников начала особенно проявлять активно свою враждебную деятельность по отношению к большевикам. В начале февраля 1918 г., под предводительством полковника Ловягина, с участием есаула Бондаренко, двух братьев офицеров Сотниковых, 3-х бр. офицеров Елисеевых и др. старых казаков, приверженцев царского строя, был организован и вооружен отряд, который повел наступление на хут. Романовский с целью нас всех уничтожить и захватить власть в свои руки.

Подойдя к большому Кавказскому кургану, (в 3-х верстах от Романовского), в 12 час. ночи они открыли по Романовскому сильнейший

огонь. Загрохотали орудия, затрещали пулеметы и градом пуль покрыли Романовский.— В это время мы также не дремали. В свою очередь ураганным огнем отвечали на их атаку, и началась ожесточенная перестрелка, которая продолжалась до утра. В этом сражении наши воины проявили особенную храбрость, результатом чего повстанцы были отброшены за 6 верст от Романовского, обратно в ст. Кавказскую, которую мы без всяких перебоев и остановок бомбардировали и обстреливали огнем. Нужно сказать, что в этом оборонительном сражении принимало самое горячее участие само население, начиная от малых и до больших, стариков и даже женщин, помогая кто чем мог. Целый день с повстанцами мы были в перестрелке, но это не помогало, засевшая кучка, не на живот, а на смерть храбро защищалась. Тогда мы решили, правда с осторожностью, пустить несколько пушечных гранат. Можно было бы, конечно, снести всю станицу, это старое гнездо, с лица земли, но жаль было погубить невинных жителей.

Тогда мы решили, с целью, чтобы они сдались, выставить бронепоезд на раз'езде ж. д. против станицы и начали вести с ними переговоры о добровольной сдаче, причем предупреждали их, если они добровольно не сдадутся и население, которое сочувствует Советской Власти, не выдаст всех зачинщиков,— то они и вся станица будут стерты с лица земли. Эта угроза дала результаты. Правда, они долго не сдавались и нам пришлось послать десятка полтора гостинцев, от которых затрепетала вся станица, результатом чего нам была немедленно выслана делегация от граждан ст. Кавказской для переговоров. После переговоров, делегация приняла наши условия о выдаче всех зачинщиков, во главе с полковником Ловягиным. Нами был прекращен огонь и занята станица. Были выданы следующие лица: полковник Ловягин И. Х., который по пути в Романовский пытался бежать и был убит, 2) Елесеев И. Г., казак, отец 3-х сынов офицеров, который также был убит при побеге около рощи ст. Кавказской, 3) служившие в конвое его величества: Диденко И. И., 4) Наумов И. Ф., 5) казначей ст. Кавказской Мишнев А. Т., 6) быв. в то время атаман ст. Кавказской Севастьянов Е. И. и 7) видный общественный деятель среди кулацкого казачества Чаплыгин. Последние пять человек были арестованы и препровождены в хут. Романовский для предания их суду.

Когда привели их в хут. Романовский, там их встретила многолюдная раз'яренная толпа и категорически требовала немедленно с ними «расправиться». Командованию не оставалось ничего делать, не было никаких возможностей из'ять их из толпы, пришлось на-скоро разрешить вопрос об их участи. Ревком присудил всех их за принятие участия в восстании для свержения Советской Власти к расстрелу. После этого, означенные лица были у опушки леса, около реки Кубани, расстреляны. Народ таким приговором был удовлетворен. Так было подавлено восстание в ст. Кавказской и был восстановлен должный порядок. После этого в станице нами был устроен многолюдный

митинг, на котором мы поясняли значение нашего большевистского стремления, «что мы даем, и за что мы боремся». Затем митинг, при многолюдной толпе, был закончен следующим призывом: «Казаки-кунаки! вас продажные атаманы и народные душегубы втравили в гнусное каиново дело, и вы губите сами себя, запродаете себя за-беглым богачам, заграничным банкирам, да сбежавшимся на Кубань со всей России царским генералам: продаете народную свободу и свою совесть». Все присутствовавшие дали нам клятву и обещание во всем поддерживать Соввласть и в том, что подобных выступлений больше не [illegible].

[illegible] Романовском за контр-революционные действия была расстреляна знаменитая боронесса Зас, бывшая помещица Калиновского [illegible].

Характеристика тов. Голубь и тов. Никитенко.

Тов. Голубь (председатель) человек совершенно политически неграмотный, недалекий, случайно выброшенный судьбой на арену революционных действий. Впоследствии, благодаря неправильно взятой линии поведения, он приносил громадный ущерб делу революции, как с политической, так и с экономической стороны.

Тов. Никитенко — это партизан, пламенный оратор, знаю его я еще с 1905 г., когда мне приходилось совместно с ним работать в [illegible] узким кругозором, властный, самолюбивый и почти [illegible] врез с принципами Советского строительства. К массам [illegible] только своим красноречием, но его действия: открытия [illegible] ийства, расстрелы невинных граждан, давали отрицательные результаты, благодаря чему были страшные волнения и трения среди населения хут. Романовского.

Тов. Троян — это хлебороб, житель хут. Романовского, человек разбирающийся и понимающий значение Октябрьской Революции, — он всецело работал только на укрепление таковой.

Вот это был первый состав Романовского Ревкома. Действия его в целом носили преступный характер, как например: все грузы, какие бы они ни были, и чьи бы они ни были, без исключения, и в чей бы адрес таковые не отправлялись, проходящие через ст. Кавказскую, — все [illegible] вались, конфисковались и тут же немедленно передавались в [illegible] ные лавки, на рынок, где продавались населению, а в большинстве случаев разбирались «кому не лень» и за даром. Тут тебе [illegible]ура, сахар, рыба и всевозможные проч. товары. Мало этого, на [illegible] распоряжению Ревкома, задерживались даже драгоценности, оружие и огнестрельные припасы, с каким бы мандатом они не следовали. Все это шло также в какую-то бездонную пропасть.

На трибуне во время общего собрания граждан хут. Романовского появляется т. Голубь (председатель) который с трибуны никогда ничего дельного, ни с какой точки зрения, не сказал, кроме, как: «шож вы довольны Советской властью?» «Довольны вы Ревкомом? Хто вам сахарю

дав? — Голубь! Кто вам мануфактурю дав? — Голубь! Кто вам корову дав? — Голубь!» ну и прочие сценки, которые нет возможности описать.

Наконец, действия Ревкома дошли до тупика. Разными учреждениями советскими из разных городов были пред'явлены иски и претензии за грузы на неимоверную сумму. А тут «Голубка» и в Екатеринодар требуют.

Указанные действия т. Никитенко, который также, захватывая драгоценности и золото, присваивал себе и даже одно время хотел улизнуть через Туапсе за-границу, а также, т. Голубя — заставили нас принять по отношению к ним серьезные меры и раз навсегда покончить с этими контр-революционными безобразиями. В это время у нас, в Романовском была комфракция в составе: т. т. Каханович, В. Гордиенко, Засова, Склярова и Глухова Т., и затем был назначен командующий войсками Кавказского Отдела т. Одарюк.

Убрать их нам безобразников в то время было невозможно, т. к. они имели у себя много приверженцев, и усиленную охрану. О подобных безобразиях неоднократно доносилось в Екатеринодар. Оттуда их телеграфно несколько раз требовали явиться в Екатеринодар для личных переговоров. Но этих распоряжений т. т. Никитенко и Голубь не исполняли и с на смешкой говорили: «нам там делать нечего».

И вот в один прекрасный день, в средних числах марта в 18 г., из Екатеринодара прибыла Комиссия, в сопровождении матросов залихватских, ловких удальцов на ст. Кавказскую на предмет ареста их.

Т. т. Никитенко и Голубь были приглашены, якобы для переговоров, на ст. Кавказскую в эту Комиссию.

Ничего не подозревая, они прибыли на вокзал, где были арестованы матросами и увезены в Екатеринодар на броневике.

По прибытии в Екатеринодар, и во время доставки их с вокзала в штаб в автомобиле, Никитенко и Голубь пытались бежать, результатом чего Никитенко был убит, а Голубь все же скрылся неизвестно куда и розыскан не был.

Так закончили свою деятельность две личности, нагремевшие и наводившие ужас на жителей хут. Романовского.

Организация Совета Романовского хутора.

После ареста Никитенко и Голубя, в скорости была создана Организационная Комиссия, по созыву Романовского Совдепа. Состав Комиссии был из 8-ми человек, следующих т. т.: Мысовского, Расцветаева, Трояна, Жука, Тесленко, — от иногородних; Глотова и др. граждан и представителей от местного казачества.

Комиссия приступила в средних числах марта к предвыборной кампании.

В это время, банда генерала Корнилова, во главе с самим Корниловым, проскользнула с Екатеринодарского фронта, через Тихорецкую

мимо хут. Романовского, взяв направление: Лосев, Дмитриевскую, Ильинскую, Ново-Покровскую. В то время в виду частых набегов с разных сторон белогвардейцев и для предупреждения этих набегов у нас были уже сформированы боевые отряды по-квартально, где я был избран первым командиром боевого отряда 1-го квартала на добровольно-выборных началах.

И вот, при появлении банд Корнилова, я получил приказ от штаба командующего войсками Кавказского Отдела т. Одарюка отправиться и занять соответствующие позиции между Ильинской и Успенской, где белогвардейцы должны проследовать в направлении на Ставропольскую губ. В это время, со стороны Ставропольской губ., находились наши отряды под командой тов. Жлобы. Своими натисками с обоих наших сторон — Корнилов едва успел «когти драть» со своими шайками по направлению к Краснодару для подкрепления генерала Покровского.

По ликвидации корниловщины, я вернулся с боевого участка, где находился только несколько дней, в хут. Романовский.

В скорости, по моем возвращении, производились выборы в Романовский Совет, куда и я был избран.

Затем был сконструирован Президиум Совета: председатель Троян, тов. председателя Тесленко, секретарь Баев.

В члены этого Совета вошли только преданные граждане, как от иногороднего сословия, так и со стороны казаков. И, таким образом, в первых числах апреля 1918 г. Совет, как таковой, начал вести свою работу по строго разработанному плану.

Загнав нашими боевыми отрядами окружающие белогвардейские отряды в горы и частью, уничтожив таковые, мы повели работу почти в нормальных условиях.

Был избран и Отдельский Совет, председателем которого был тов. Одарюк, он же бы и командующий войсками Кавказского Отдела. Работа стала постепенно налаживаться. Укреплялись Станичные Советы Кавказского Отдела нашими работниками, где также организовывались боевые красные дружины. Жители начали чувствовать себя более спокойными и сами принимали горячее участие в Советском строительстве и по восстановлению хозяйственной жизни. Но это продолжалось недолго. В средних числах июня 1918 года стали поступать к нам сведения о том, что немцы заняли Ростов и идут ожесточенные бои под Батайском.

Эти известия нас заставили призадуматься и принимать серьезные и решительные меры, если не к наступлению на противника, то к обороне. Всем было известно, что в то время у нас не доставало оружия, огнестрельных припасов, обмундирования и медикаментов.

С приближением немцев к Тихорецкой, белогвардейщина обнаглела настолько, что стала также в свою очередь с разных сторон хут. Романовского делать нападения и нам приходилось ежедневно день и ночь быть, что называется «на-чеку». Были произведены поголовные мобилизации.

Граждане хут. Романовского, все, как один, шли на защиту большевистской власти. Беда была в том, что не доставало оружия и припасов так, что некоторое число добровольцев-граждан было невооружено.

В это время был создан внутренний фронт.

Командующим внутреннего фронта, по приказу Штаба Главнокомандующего нашими войсками, был назначен т. Кислов.

Были приняты все меры, какие только возможно.

Противник приближался, уже был на ст. Малороссийская. Наши части были выставлены навстречу ему.

Храбро, беззаветно защищали они свои позиции и отбивали не[illegible] кратные атаки противника, но все-же, несмотря на весь [illegible] проявленный нашими войсками, нам пришлось отступить,— опя[illegible] в силу недостачи оружия и огнестрельных припасов. И вот, [illegible] противник приближается, занимает ст. Мирскую и ст. Тифл[illegible]. Осталось 6 верст. Сильный натиск противника при всех наших желаниях и самоотверженных подвигах красных кубанцев-бойцов не остановил натиска и мы вынуждены были приготовиться к эвакуации Романовского.

В ночь с 17-го на 18-е июля 1918 г. мы с отрядами отступили на железнодорожный мост, находящийся в 5-ти верстах от Романовского. Накануне были отправлены многочисленные эшелоны с разными грузами и беженцами, которые не желали оставаться на гибель. На жел.-д[illegible] мосту у нас были с противником ожесточенные бои за овладение к[illegible]

На этом мосту мы долго сражались (несколько недель), отбив[illegible] сильный натиск. Нашими храбрыми войсками здесь было положен[illegible] немало контр-революционеров, и в этих ожесточенных боях, доходивших до рукопашных схваток, пало немало жертв, как с нашей стороны, [illegible] со стороны белогвардейцев.

Суммируя все вышеизложенное, я должен сказать, что истекший период времени был периодом ожесточенной гражданской войны, невероятных мук, голода, холода и материальных бедствий.

Но он же был и периодом высокой гражданской доблести, исполинских подвигов, беспримерных актов самоотвержения.

Неизгладимыми буквами будут занесены они на скрижали всемирной истории. И когда наши, более счастливые потомки, издали будущих веков станут перечитывать кровавую летопись нашей бурной Революционной эпохи, они быть может не раз содрогнутся перед неизбежн[illegible] в наше суровое время, актами жестокостей. Но наверное с чувс[illegible] глубокого восхищения преклонятся перед бессмертными актами геро[illegible]ской борьбы.

Перед их изумленными взорами развернется величественная карт[illegible] массового героизма, стремящегося к свободе народа, мощными усилиями мозолистых рук сокрущающего вековые устои старого мира насилия и гнета трудового народа, окруженного железным кольцом, ополчившихся на него враждебных сил и стойко отбивающего их беспощадный натиск. И справедлива и законна будет эта дань восхищения. Ибо для того,

чтобы вынести все, что выносили трудящиеся Советской России, ни на минуту не выпуская из своих рук высоко вздымающегося над всем миром Красного Знамени Коммунизма, нужно обладать поистине неистощимым запасом нравственных сил, обнаружить поистине титаническую мощь, проникнуться неистребимой верой в величие и правоту своего дела.

10 октября 1923 года.
Гор. Краснодар.

В. Марков.

Воспоминания о революционных событиях и Октябрьском перевороте в Майкопском отделе в 1917—1918 г.г.*)

В Майкопском отделе Октябрьские события сильно запаздывали, так как Кубанский край находился в контр-революционном окружении слетевшегося со всех концов Руси контр-революционного воронья с одной стороны и с другой, благодаря перевесу мелкобуржуазного казацкого населения с его специфическим душком «казацкой вольницы». Здесь запоздание Октябрьского переворота на 1—2 месяца, по справедливости, можно рассматривать как вполне нормальное явление.

Для того, чтобы судить об условиях и «прелестях» подпольной работы на Кубани, нужно было быть здесь. Иначе трудно описать весь ужас и тяжесть режима, существовавшего при так называемой «Кубанской и Краевой и Законодательной Раде» с ее «верными сынами»: Бардижем, Бычем, Филимоновым и К-о.

Пишущий эти строки не имел возможности детально ознакомиться с рождением этого крокодильего детища «К. К. З. Р.» т. к. в это время томился в Киевской крепости в заключении, испытывая на себе «отцовские заботы» генерала Медера. Но все же, будучи освобожденным из крепости восставшим гарнизоном, и пробравшись к себе на Кубань в половине ноября 1917 года, испытал все «прелести» на собственной шкуре. Картина событий была приблизительно такова: у власти была К. К. З. Р., избранная и состоящая из 33-х человек — казаков 15, иногородних и крестьян 15 и черкесов 3. Все эти радисты были умело подтасованы и за малым исключением представляли из себя от'явленных держиморд. По отделам области, в том числе и у нас в Майкопе, господствовали атаманы отделов, а по селам и станицам волостные старшины и атаманы, одним словом, везде, «чинно и благородно», так что мало-мальски неопытному работнику не нужно было особенно заботиться о собственной персоне, а за ним зорько следили

---

*) От Истпарта. Воспоминания Дровянникова представляют большой интерес. Редакционная часть Истпарта только чуть-чуть сгладила рукопись автора.

Все мелкие подробности остались нетронутыми, так как они создают в общем цельную картину того, как жили, работали и что говорили способные, горячие и решительные люди, создавшие революционное настроение масс, отряды красных бойцов, гражданское и военное управление в небольшом районе Закубанья.

Волин, Роман Гуль, Кубанец (Сверчков) и другие в белой печати с ужасом вспоминают пребывание контр-революционных войск в этом районе:

— Изо всех перелесков стреляли, из всех щелей лезли большевики, как тараканы — пишут они...

и при первой же возможности арестовывали и предоставляли бесплатный кипяток и ночлег в любом подвале, отпуская предварительно, вместо горячей припарки на сон грядущий, по полсотни плетей и шомполов. Подпольные работники, если и работали, то с большой осторожностью, а большинство сидело в тюрьмах.

В ноябре 1917 года, в Майкопском отделе я застал следующую картину. В самом Майкопе еще спокойно господствовал атаман отдела Данилов. В революционном движении был полнейший застой, вернее, охлаждение после первых митинговых гортанобесий керенщины. Существовал совет депутатов, построенный по тогдашнему соглашательски-демократическому трафарету, состоящий из разного политического сброда. Совдеп имел резиденцию в Пушкинском Нардоме, но чем он занимался и какое имел влияние на рабочее движение судить можно уже по одному тому, что фракция большевиков состояла из единиц, а остальные были всевозможные социал-аферисты. Профессиональные союзы уже были организованы и некоторые из них как например, деревообделочники и кожевники представляли по численности довольно внушительную величину, но они плыли без руля и без ветрил. У них не было большевистского сердца, не было идейной спайки и пролетарского единства классовых интересов, не было цели, а если и была то скорее узкая забота об улучшении своей повседневной серой жизни. Вот в каких условиях находился в то время г. Майкоп.

Реальный сдвиг в сторону Октябрьского переворота в Майкопском отделе начался со времени развала турецкого фронта и возвращения фронтовиков в села и станицы, которые возвращались в полном обмундировании с винтовками, и, что важнее всего, напитанные большевитским духом.

Первым из революционных сел, поднявших красное знамя большевизма, было мое родное село Царский Дар, потом переименованное в село Великое. Прибыв в родное село к своим родителям после семилетней разлуки, я хотел было, что называется, проветриться и погостить, но в первой же беседе в кругу своих близких я узнаю, что в селе для переворота имеется довольно надежная почва, состоящая из крестьян и фронтовиков, но что нет идейного руководителя и, благодаря этому, местная черная реакция зажала всех в кулак. На следующий день я узнал, что главными заправилами в селе являются: старшина Ф. Павленко и член рады Е. Скворцов, а кругом этих господ еще десяток кулачья, и вот эта орава держит в ежевых рукавицах все общество, в особенности расправляется с фронтовиками, направляющими свои действия в разрез с их интересами. Так односельчанин фронтовик тов. Санченко, будучи осведомлен о творимых старшиною безобразиях по отношению к бедноте, в особенности к женам фронтовиков, хотел было организовать ревизию, но будучи мало опытным, преждевременно вспылил и пошел на-пролом, надеясь на реальную поддержку со стороны фронтовиков, но получил организованный отпор. Остальные от него отказались по неорганизованности и малодушию, а самого тов. Санченко

арестовали и с протоколом, как большевика и бунтовщика, отправили в Майкоп.

Фронтовикам и бедноте замазывали рот и не давали говорить, угрожая, что: «Смотри, будешь и ты там, где Санченко. Мы, мол, на сей счет бумагу имеем писанную».

Жуткое впечатление произвела на меня картина творимых безобразий в родном селе, и я решил не медля ни одного дня взяться за работу. Нужно было сделать разведку, взять козыри в свои руки, а для этого нужно было сделаться своим человеком и проникнуть во враждебный лагерь. На следующий день я пошел в волость поделиться новостями. предварительно одел свою военную гвардейскую форму и георгиевский бант. Выдал себя за своего человека, завел беседу о военных походах и заинтересовал окружающих как новое, понимающее, и плюс к тому; заслуженное лицо и произвел на старшину Павленко хорошее впечатление. Это было заметно потому, что старшина вместо обычного обращения, господин Дровянников, вдруг осведомился о моем имени и отчестве и записав себе на обложке блокнота, несколько раз в раздумьи повторил.

В заключение нашей беседы я тут же был приглашен на пикник. На вечере, состоявшемся у одного из заправил, присутствовали: старшина Павленко, член рады Скворцов, два попа с попадьями и несколько человек разного кулачья с женами — словом «общество» хоть куда.

Я изучил эту свору и стал у них своим человеком и черпал все сведения из первых источников. В результате всей этой работы я на первых же выборах на Майкопский отдельский бессословный с'езд, экстренно созванный членом К. К. З. Р. бывш. учителем Иваненко, был от своего общества избран единогласно, как свой человек и со мной гражданин Пасмуров тоже из ихних. С'езд созывался на 3-е декабря 1917 г. Прибыв в г. Майкоп, я попытался связаться с местными силами для совместного выступления, но узнал, что делегаты пропорционально населению уже посланы и дело поправить нельзя.

С'езд был созван в здании атамана отдела и так умело был обставлен караулом, что лишнего слова молвить было нельзя. В президиум с'езда вошли твердым списком — атаман отдела Данилов, член К. К. З. Р. Иваненко, генерал Мищенко и атаман станицы Белореченской — Ханин.

Регламент, все предложения, резолюции и даже именной список кандидатов избирателей в раду были уже отпечатаны в типографии атамана отдела и предлагались с'езду в виде брошюр. Казалось дело иногородних, а следовательно и политические стороны на с'езде проиграны, но получилось совершенно иное. На с'езде подавляющее большинство было военных, но почва для срыва с'езда чувствовалась, что я и учел.

Реакция действовала хитро. Прежде чем открыть с'езд, нам подослали царского чудака генерала Мищенко для авторитетной беседы. Последний, взяв кресло и подсев лицом к лицу с передним рядом, в котором сидел я, начал плести всевозможную ересь о наших победах на всех фронтах,

что если бы не большевики со своим братанием, то русский штык победил бы; дальше «завез возок» о пломбированных вагонах, в которых немцы прислали золото и Ленина, а тот нанял шпионов и подкупом разложил армию.

— «Брехня, возражает кто-то с заднего ряда. Я сам братался, но эдак значится по хорошему, по человеческому, дескать, что немецкий солдат, что я, так оба мы не знаем когда и за что уб'ют, нас гнали как скотов, вот за что мы и братались, а денег никто не давал, это брехня».

— Да так, вот, как видите, теперь немцы воюют с нами подкупом: прислали целые вагоны золота и купили Россию, но мы свою родную Кубань хотели защитить от большевиков и немецких порядков и сознавая, что нет власти «аще не от бога», мы и решили передать всю полноту власти Законодательной Раде и Начальнику Области, ибо без твердой власти в одних руках не может жить ни общество, ни государство, так же, как и земля без бога...

Господин генерал, прерываю я Мищенко, это ведь только ваше личное мнение и для нас совершенно непонятно, почему вы его насильно навязываете другим. Вы видете, что бог благословил на власть только вас генералов, а мы рабочие и крестьяне убеждены, что в строительстве административного аппарата власти можно с успехом обойтись и без бога, ибо надежды на боженьку это есть самая последняя и безнадежная ставка. А вот, родившееся в Москве и Питере рабоче-крестьянское правительство, родится не от бога, а от классовой сознательности единства интересов рабочего и от исторической неизбежности. Оно родится силою законов истории, а следовательно оно сильно и здорово и в таких лекарях, как бог, нужды не имеет и будет врачевать все свои горести в толще рабочих и крестьянских масс, т. е. там, откуда оно произошло и это будет реально и неоспоримо верно. Я попрошу вас, г. генерал, приберечь вашу лекцию для приветственного слова к 1-му заседанию тех делегатов, которых мы здесь «изберем» нашим с'ездом.

— Долой праведника — вдруг закричали в задних рядах. Мищенко пытался еще говорить, но ему не дали, и он молча ушел...

Председатель открывает с'езд. Не давая приступить к деловой повестке, сейчас же после приветственного слова, я вношу предложение о переводе с'езда из здания атамана отдела в нардом, мотивируя тем, что здесь нет воздуха и половина делегатов стоит за неимением стульев, а там хватит с избытком. Против предложения выступил атаман отдела Данилов, ставят на голосование и проваливают мое предложение.

Беру слово в порядке ведения с'езда и открываю очи с'езду: «Товарищи, как видите, здесь нас охраняет сотня кавалерии и сотня пластунов, а если переводить в нардом в таком виде, то создастся впечатление, не с'езд переходит, а гонят арестантов под усиленным конвоем; без охраны же нас инициаторы с'езда боятся оставить. Только не подумайте, что из-за боязни, что нас могут обидеть, нет, а чтобы мы поменьше говорили». Меня поддерживает гром аплодисментов. Председательствующий предупреждает, что я могу быть арестованным.

«Сделайте ваше одолжение, но что вам скажут те, кто меня уполномочил». Председатель успокоил собрание и все-таки переголосовать предложение о переводе — отказался.

Слово принадлежит члену рады Иваненко. Среди всякой контрреволюционной ереси, которую плел Иваненко характерна следующая: «Итак, казак, зажми крепче винтовку в твоих руках и стой на стороже своей Законодательной Рады, она защищает твою казацкую славу и вольницу, а продремлешь вахту, то так и знай, что не далек тот час, когда чужой иногородний плуг будет пахать твою землю... Из этого положения есть единственный выход, это создание могучей Краевой К. З. Рады и с приданием ей диктаторских прав. Вот сегодня мы с вами изберем выборщиков, которые выдвинут из среды своей мужей государственного ума, способных защищать родной край» (аплодисменты среди казаков).

Задаю вопрос: «Скажите, почему именно получился разрыв в раде». Ответ: «Да так на некоторых пустяках — школьном, больничном и аграрных вопросах».

После Иваненко выступало еще несколько человек офицерства, из них характерен Ханин, также занимавшийся травлей и перечислением двойных большевистских фамилий, вроде того, что все це мол, большевики — фальшивые люди как Троцкий — Бронштейн, Стеклов — Нахамкес, но оратора прерывает смех и крики — долой.

После Ханина выступаю я.

— Дорогие товарищи, как видите перед вами выступил целый ряд власти алчущих ораторов, чтобы не толкать с'езд на возмущение и крайности, я не буду касаться направления и значения данных выступлений, скажу только одно, что все речи, а главное речи Иваненко и Ханина далеки от миролюбивой повестки дня с'езда. Не хочу также возмущаться и тем, что весь с'езд проходит не как с'езд равноправных делегатов, а как лекция для лиц, находящихся под строгим конвоем, охраняющем все окна и двери. Я только укажу на ту ненормальность, что Иваненко называет своих радистов «мужами государственного ума» и тут же говорит, что поссорились на пустяках: школы, больницы и проч. Мне кажется, что не только муж государственного ума, а даже простой казак такие вещи, как больница или школа, постыдится назвать пустяками. Конечно, г. Иваненко смотрит на это дело пресыщенным взглядом и для него, быть может, это пустяк, а крестьянину, у которого дети гоняют собак по улицам, за неимением мест в школах, а бедняку, умирающему без медицинской помощи,— ни школа, ни больница пустяком быть не могут. Из всего видно, что нам здесь втирают очки и занимаются травлей, но не забывайте, что как казак, так и солдат уже поняли вашу политику и поссорить нас очень трудно, ибо у нас одни классовые интересы, нам это ясно, а кому не ясно, тот пусть возьмет лопату, пойдет на фронт, раскопает братскую могилу и увидит, как плотно спаян кровью мундир солдата и бешмет казака, тогда вам станет ясна близость наших классовых интересов и зияющая бездна между

нами и вами. Здесь братья фронтовики, пролившие море крови по вашей вине и бойтесь, чтобы мы не пред'явили вам общего счета (бурные овации и аплодисменты).

И видно было по выражениям лиц «президиума», что их дело проиграно...

Наконец, собрание успокоилось, председатель предлагает твердый список делегатов. Спрашивает—других списков нет. Вношу предложение о перерыве с'езда для совещания, меня поддерживает весь с'езд. Перерыв достигнут. Во время перерыва я собрал вокруг себя весь надежный элемент, об'яснил как офицерство и казачество дружно и организованно и как разрознены мы и тут же призвал сплотиться и уполномочить выступать от имени иногородних и фронтовиков одно или два лица, которые будут выступать с речами и предложениями, и мы должны единогласно голосовать, иначе нас провалят. В результате я был уполномочен от всех иногородних делегатов, фронтовиков и рабочих, представлявших собой более ста тысяч народонаселения по 14 селам, 3 станицам и 2 аулам, а всего по 19 населенным пунктам.

Дело было сделано и, имея такие колоссальные полномочия, я уже выступил совершенно открыто и смело, нисколько не боясь за свою шкуру, ибо малейшая попытка к насилию или аресту меня, могла взорвать весь с'езд и повлечь за собою кровавое столкновение Как только заседание с'езда было продолжено, было предложено президиуму избрать делегатов избирателей. Я немедленно взял слово для предложения и внес противное предложение — никаких выборов не производить, мотивируя свое предложение тем, что общество, пославшее нас сюда, не было об этом извещено, а следовательно и полномочий нам на сей счет не давало, и я больше чем уверен, что они выборов наших не признают. Лично я позволю себе, от имени уполномочивших меня, заявить, что мы выражаем полное «доверие» нашим старым членам рады. Избирать никого не будем, а предлагаем раде помириться и найти общий язык. Мое предложение принимается подавляющим большинством, и председатель закрывает с'езд.

Иногородние, расходясь со с'езда, дали друг другу честное слово по возвращении собрать сходы и об'яснить обществам всю гнусность этой затеи и никого никуда не избирать и не посылать. Так был провален замысел ярых радистов. Отсюда и начало активной работы по подготовке к Октябрьскому перевороту в Майкопском отделе.

Возвратясь в свое родное село Царский Дар, я собрал сход и на многолюдном собрании жестоко высмеял последние глупые затеи царских лакеев. Тут же мною было предложено по примеру красного центра избрать Совет и военного комиссара, который вел бы учет и порядок среди возвращающихся фронтовиков. Собрание мое предложение принципиально приняло, но постановило отложить выборы до следующего общего собрания, пока же подумать да помозговать: ведь дело новое и опасное.

Воспользовавшись отсрочкой времени, я повел агитацию среди надежных. Также некоторые сограждане фронтовики в этом деле сыграли

колоссальную роль; будучи сами сознательным элементом, они своей агитацией увлекли за собой своих родных, знакомых и соседей. Активными моими помощниками и агитаторами за выборы Совета и комиссара были следующие беспартийные крестьяне нашего села: Бочковский Дмитрий, Дикаленко Дмитрий, Яковлев Василий, Сличный Василий, Яковлев Федор, Емельянов Иван, Чертовской Игнат, Степаненко Семен, Нестеренко Поликарп и братья Ковшарь, все они потом в 20 — 21 г. г. были членами Р. К. П. (б). Самыми верными и надежными помощниками являлись мои братья Федор и Иван. Вот приблизительно весь авангард, с которым был создан Совет, но уже не соглашательский, а красный Совет, осуществляющий диктатуру пролетариата.

Следующее собрание было созвано 14 декабря 1917 г., на котором и была избрана первая Советская власть, первый Царско-Дарский Волостной Совет и чрезвычайный комиссар, каковым, как председатель Совета, был избран я.

На следующий день было созвано организационное 1-е заседание Совета, на котором был избран президиум и намечен план работы. В президиум Совета вошли: председатель, он же и чрезвычайный комиссар Дровянников В. Е. т. е. я, (помощник) зам. пред. и завадм. частью Сухарев Д. И., (2-й помощник) зав. хозяйствен. отделом, он же и казначей Сличный В. А., зав. вол. Ф. Яковлев, зав. Труд Собесом (комитет помощи семьям фронтовиков) Емельянов И. М., Секретарь Чертовской И. Д. и ответственный управдел по всем отделам Исполкома Дровянников Ф. Е (старший брат), всего членов Совета было 28. Заседания президиума происходили каждый день, а большого Совета 1 раз в неделю, а по экстренным делам вне очереди. Почти единовременно с нашим Советом возникает Совет в соседнем Филипповском селе, где играют руководящую роль т. т. Толкач и Ищенко. Далее возникают по нашему примеру Советы в целом ряде сел и станиц. И даже в такой контр-революционной станице, как Белореченская произошел переворот. Атаман А. Ханин был изгнан, а председателем Совета был избран тов. Бовдзий. В станице Бжедуховской организует Совет и вовлекает сознательное казачество в революционную деятельность т. Рыбалка, одновременно в Унароковском районе работает тов. Петренко В. И. Таким образом разгорелся октябрьский пожар в Майкопском отделе и что характерно, так это то, что переворот произошел вопреки всяким правилам и возможностям, не в отдельском городе, где все-таки были и союзы и масса организованной бедноты и рабочих, а наоборот, в селах и станицах; и только эти последние помогли свершить переворот в отдельском центре. Таким образом, Совет в селе Царский Дар, как первый в Майкопском отделе, родился раньше отдельского на 26 дней (14 декабря 1917 г), а в Майкопе произошел переворот 9 января 1918 г.

Создав целый ряд батрацких советов, нужно было побеспокоиться об их авторитете и вооруженной защите, в случае гражданских столкновений,

а так как я хорошо знал какую пожарную команду готовила контр-революция в Екатеринодаре для погашения октябрьского пожара, то не замедлил заняться приобретением должного количества оружия и вопросом военного всеобщего обучения всей молодежи.

Приняв дела и имущество от бывш. старшины Павленко, я сейчас же освободил здание школы (пустовавшее), сорганизовал небольшой отряд Красной гвардии из сознательных фронтовиков и перевел их на казарменное положение. С возникновением отряда нужно было немедленно озаботиться об экономической базе, на сей счет я созвал экстренное заседание Совета и вызвал всех зажиточных хлеборобов и умело с'агитировал их, предложив добровольные пожертвования, в результете — сотни пудов табаку и тысячи пудов хлеба, картофеля, солений и жиров — Жизнь забила ключем! Военщина хорошо налажена, по ночам тишь и гладь, везде выставлены караулы, патрули, но и этого мало, нужно было готовиться к решительной схватке. Нужна была организованная медицинская помощь, для этой цели я муниципализировал дом бывшего попа, как вполне пригодный ко всем требованиям медицины под больницу и открыл больницу на 70 коек. Кровати удалось получит из М. О. всер. союза городов, (больница существует беспрерывно до сих пор). Кажется все уже было сделано, но увы не хватало винтовок по числу добровольцев, да и половина имевшихся была неисправна, пулеметов было только два «Максим» и «Кольт», орудий не было ни одного. Зачуяв недобрые слухи, я 8 января 1918 г отправился в Майкоп позондировать почву на счет получения оружия и как раз наткнулся на организацию переворота, который и был благополучно свершен в ночь 8-го под 9-е января 1918 г. Переворот был организован очень умно, ночью все стратегические пункты, власть и склады были захвачены без выстрелов и жертв На следующий же день состоялось экстренное заседание в Пушкинском Нардоме, где отдельским комиссаром был избран тов. Швец Д. П. Совдеп раскололся — фракция большевиков и сочувствующих ушла в б. Московскую гостиницу и всю инициативу взяла в свои руки. На следующий же день я получил от тов. Саркисова около тысячи винтовок, которые по распоряжению Д. П. Швец были на двух автомобилях перевезены на станцию и отправлены по назначению.

Получив оружие, я не хотел его кому попало и как попало раздавать, а посему созвал митинг, об'явил обществу всю неизбежность и жестокость гражданской войны, а следовательно и необходимость организации армии, подметив удачный момент, когда митинг был революционно поднят, я заявил, если мы на империалистических фронтах были храбрецами, то здесь, где нужно защитить революцию, а с нею вместе интересы и жизнь свою и своих близких, то здесь мы обязаны честно и храбро выступить на защиту классовых интересов. Тут же подал клич: «Товарищи, я вот на костылях, а пойду первым и стануна правый фланг, а вы все, честные и храбрые стройтесь в революционные ряды. Итак, товарищи, за мной». И пошли почти все. Радостно было смотреть как в течение пяти минут шумный митинг превратился

в стройную полосу, гордо стоящих и готовых ринуться в бой красных бойцов. Фронт развернулся через всю площадь и конца не видно. Подаю команду: «Ровняйсь». Вывожу бывших взводных и отделенных, остальных смыкаю на право; рассчитываю попорядку. Сердце радуется: отряд более 600 человек в одном селе. Даю карандаши и тетради взводным, разбиваю на роты и взводы и заставляю переписать. Все готово, подается команда — вольно. Хромая по фронту на костыле, беседую, благодарю, прислушиваюсь и чувствую, что дух живет и растет, как сама революция.

Недовольное кулачье, попы и прочая сельская мразь, претендующая на интеллигенцию, с кислыми лицами на физиономиях сгруппировались в кучку поодаль, стоят и злобно перешептываются, что, мол, из этого выйдет.

Так рождались и крепли все новые и новые революционные силы.

Спустя несколько дней, я с товарищем Ф. Санченко (который в то время был уже освобожден из тюрьмы и был моим помощником по воен. дел.) вторично отправился за оружием, но уже не в Майкоп, который ничем не располагал, а в Туапсе. В Туапсе уже существовал Совет, преимущественно из матросов. Нас приняли плохо, с недоверием и конечно оружия не дали, но обещали дать реальную помощь, вообще если это нужно будет.

По возвращении домой, я сразу почувствовал, что в воздухе пахнет порохом. В Усть-Лабе уже гремели пушки, черкесы начали делать ночные набеги. Нужно было озаботиться обезвреживанием тыла. Мною было отдано приказание по военной линии выступить мелкими частями во все экономии для занятия там караулов и квартир под постой и тем самым охранять их от разграблений. Потом был выработан план разоружения черкесских аулов, который военным командованием был блестяще проведен. Тем временем в соседнем селе Филипповском творилось тоже самое. Так как военных частей было уже много, то явилась необходимость в создании руководящего авторитетного аппарата. Аппаратат этот был создан в селе Филипповском под названием Филипповского военного Штаба, куда вошли представители от всех сел, а от больших по несколько человек. От Великосельского (Цар-Дарского) Совета вошло 2 человека чл. Р. К. П. Матрос Михайлюк и т. Бочковский. Цель и обязанности Штаба заключались в полном идейном техническом руководстве Армией, разделении ее по роду оружия, обучения и введение железной дисциплины. Этот штаб в дальнейшем и забрал инициативу руководства всем военным фронтом.

Во время обезоруживания аулов, некоторые из них оказали сопротивление в силу чего, по распоряжению Филипповского Военного Штаба, были взяты заложники. Заложники представляли из себя головорезов, конокрадов, вообще элемент общественно-опасный при любом строе; к ним присоединены отъявленные контр-революционеры, на 50% офицеры. Всего золотопогонников взято было более 500 человек. После фильтрации трудовой элемент и мало сознательный были отпущены по

домам, а около трехсот человек, ярых контр-революционеров и палачей, было заключено под стражу. В указанное время стали поступать донесения, что вокруг Екатеринодара сорганизовалась гидра контр-революции, что какая-то артиллерийская бригада, кажется 39 дивизии, стоявшая в Екатеринодаре, почью была обезоружена, что в окрестностях Екатеринодара идут бои с корниловцами, и что вся эта банда намерена прорваться в Майкопский Отдел с целью запастись военными материалами, обеспечить себе тыл, благодаря пересеченной местности и контр-революционному направлению черкес и казаков; а главное же они намеревались обеспечить себе ветку железной дороги Екатеринодар — Армавир, Владикавказ и обратно Майкоп — Туапсе, таким образом, свободный выход к морю и сообщение с международной контр-революцией. Учитывая такое обстоятельство, я отдал приказание, независимо от Филипповского Военного Штаба, сорганизовать добровольческий передовой отряд разведовательной охраны исключительно из пожелавших добровольно. Прошло два дня — организация указанного отряда стояла на точке замерзания; причина — неумелый подход со стороны Военрука Афанасенко и ротного командира. На третий день вечером я созвал всех записавшихся в Красную гвардию вообще и после небольшой речи спросил: «Кто же в конце концов 1-ый доброволец?» Таким первым оказался довольно пожилой и многосемейный крестьянин Трофим Лебедев, который взял винтовку у одного из молодых, вышел на трибуну и заявил: „Много я уже страдал по всевозможным фронтам, но то было все не то, что нужно, а вот здесь наше родное дело, и за него я пойду и умру первым, но рабом не буду". Сила этих простых, но жгуче искренних революционных слов, пробудила в сердцах молодых решимость, и отряд тут же был сформирован, а через 2 часа он выступил и занял прилегающие к левому берегу р. Лабы пункты, где и нес ответственную караульную разведывательную службу.

Революционный дух был, но не было хорошего комсостава, не было оружия, а самое злостное горе это — полнейшее отсутствие связи.

Когда контр-революционные банды под'ехали на броне-поезде к станции Усть-Лабе и, обстреляв артиллерийским огнем станицу Форштадт, выбили оттуда красногвардейцев, которые в беспорядке отступили на левый берег и влившись в нашу цепь сообщили, что это налет, что серьезного здесь ничего нет, т. к. бандитам самим уже отступать некуда, потому что на ст. Варилка местные отряды и отряды Сорокина, якобы, разобрали путь. Связи, как я сказал, не было, верить рассказам было неосторожно, в силу чего приходилось все проверять разведкой, что влекло к промедлению. На основании таких не совсем точных сведений, Военный Филипповский Штаб двинул войска для занятия оборонительной позиции по левым берегам рек Лабы и Кубани, но усилением правого фланга ослабило левый; противник это положение учел и в одну темную ночь без боя переправился на наш берег. Наши пере-

*) Особый запас. арт. дивизион, не входивший в 39 дивизию.

довые части (стоявшие против ст. Некрасовской), донесли, что противник мобилизует молодеж, укомплектовывается, а по ночам играет музыка, и звуки «Боже царя храни» далеко несутся по берегам реки Лабы. Чувствуя, что нам придется иметь дело не с случайной бандой полууголовного характера, а с организованной контр-революцией, располагающей высшим комсоставом и техникой, пулеметами, орудиями и бронеавтомобилями, я, не медля ни минуты, выехал в Майкоп для окончательных переговоров за получением поддержки. По пути заехал в Белореченский Революционный военный штаб и просил послать как можно скорей первую помощь. В это время на фронте уже завязалась перестрелка, были убитые и раненые. Фронт по приказу Филипповского Военного Штаба был отведен на новые позиции.

Когда я вернулся домой, то на фронте уже основательно гремели пушки. Переправившийся противник бил в лоб и в левый фланг; завязался ожесточенный бой, целый день, казалось весь район кипел в заколдованном котле. Жутко и радостно было смотреть как гражданская война рождала и выдвигала совершенно незаметных людей и великих героев.

На следующее утро я не без волнения скачу в Филипповский военный штаб, чтобы ознакомиться с положением на фронте. В штабе нашел, как и всегда, единственного и верного т. Ищенко, который мне тревожно сообщил, что тов. Толкачев уехал на фронт и вестей никаких, вероятно, дело серьезное. Посоветовавшись с т. Ищенко и другими, мы нашли единственный выход из создавшегося положения: это заготовить в тылу более удобные позиции, вырыть укрепления и отвести войска. Всю инициативу и руководство работой я взял на себя. Лично объехал все село и собрал с лопатами, топорами, пилами и кирками более 300 чел. рабочих. С ними я отправился в штаб. Филипповцы тоже дали такое же количество, и я, имея около 600 человек рабочих с шанцевым инструментом, повел их копать окопы и редуты.

Видя, что народ идет сознательно, я оставил своего заместителя, назначил старших, указал куда нужно прийти и остановиться, а сам поскакал вперед в хутор В. Назарова. Найдя в с. Севете председателя т. Половнева Якова и секретаря Тесленко Ф., я с ними произвел и здесь мобилизацию. Было собрано еще человек 100, заказал сварить горячий обед, котлы у зажиточных хлеборобов были, как необходимые при паровых молотильных машинах, посуда тоже. К тому времени подошли и те 600 рабочих; всех вместе я повел копать окопы.

Подойдя к самому месту работы правым флангом к лесу имения Сидорова вдоль по канаве и левым флангом через землю хутора Богомолова в районе заезжего двора Давыдина, я приказал рабочим прилечь и отдыхать, а сам с некоторыми более понимающими тов. пошел чертить линию. Местность была очень удобная, план был скоро набросан, и мы принялись за работу, но увы не суждено было воспользоваться столь выгодной позицией. Противник так потеснил наш фронт, что к обеду мы были уже под обстрелом, пришлось отвести рабочих

назад и, оставляя за собой целый ряд населенных пунктов, начать копать окопы у подступов к Филипповскому и Царскому-Дару, при чем все рабочие оставленных сел с нами не пошли, а пошли налаживать подводы и готовиться к бегству.

Не обращая на это никакого внимания, я старался продолжать работу, но часам к 4-м дня, по всем дорогам появились бесконечные обозы беженских подвод, и люди в панике рассказывали такие ужасы, что раз[illegible] в тылу всякую планомерную работу. Рабочие начали волно[illegible] увещевания уже не помогали, ибо паника сокрушила все. [illegible] дальнейшую работу бесполезной, а главное мое отсутствие из села [illegible], я распустил рабочих и поспешил в село, чтобы не дать развиться панике. Я распорядился сейчас же поставить патрули по всем дорогам [illegible] беженские обозы, не пропуская их на открытое место, а главное на Белореченскую дорогу. Беженцев скопилось несколько тысяч подвод. Вопли, крики и стоны! Чтобы не показать противнику, что мы бежим, а главное, чтобы не загромоздить дорогу ожидаемому с часу на час подкреплению, я не пропустил ни одной подводы до наступления сумерок.

Вечер близился, начинало уже темнеть, бой шел у самого села, ранеными была переполнена больница, помощи не было, надежды угасали, распоряжений штаба уже не поступало, и я приказал снять патрули и пустить беженцев, назначив постоянных верховых распоря[illegible] беженским обозом, чтобы управлять порядком движения. Сверн[illegible] канцелярию Исполкома, взяв документы и ценности и отдав при[illegible]куировать раненых, возложив наблюдение за эвакуацией [illegible] меньшего моего брата Ивана Дровянникова, служившего [illegible] в качестве фельдшера и, осведомившись, что все мои при казы выполнены, раненые до единого погружены и вывезены, я под[illegible]ехал к Исполкому, чтобы сесть на подводу и со своим штатом уехать. Мы все взяли ружья, но на приказание отступать, мне заявили: «Мы пойдем на фронт защищать свое родное село, свою честь и свободу, вы же скорее езжайте и поправляйте дело, присылайте помощь». С этими словами мы простились. Пошли мои герои умирать за свободу. То были т.т. Сухарев, Чертовский, Дровянников Ф. и Телпаш; последний тут же в первой схватке на улице родного села был казаками изрублен.

Тяжело было оставить родное село, но я с болью в сердце шагом выехал за самую окраину, рассматривая каждую кривобокую лачугу, и все они казались мне милые, родные, наши трудовые хатки. Тяжелые думы и размышления наполняли голову и сжимали мое сердце. Предо мною была картина бегущих в панике людей: отец потерял сына, мать грудного ребенка, там корова, привязанная за шею к возу не могла поспеть за лошадью — упала и задушилась, там повозка попала мимо мостика — свалилась в овраг и задушила всю семью со всеми малолетками. — Сплошной плач, стон, грохот телег, вой собак, ржание лошадей, рев скота, выстрелы и взрывы снарядов, трескотня

пулеметов слились в один адский концерт. Глядя на все это, я ужаснулся. Но это было мгновенье. Пламя ненависти к палачам охватило меня. И прощай,— нет не прощай, а до свидания, родное село Великое, даю тебе слово, что «Царским Даром» — ты долго не будешь.

В 11 часов ночи я прискакал в Белореченскую. В Исполкоме один десятский. А где, спрашиваю, начальство? Что за тревога? А, у вас хоть запали — нет никого! Не наше это дело, у нас есть военно-революционный штаб в гостинице Оникова. Отправляюсь туда, захожу в здание Военного Штаба. Штат технических работников на своих местах, а из ответственных работников только зав. оружием т. Манько и секретарь штаба Т. Д. Гаврилов. Спрашиваю, а где Никитский и заместитель? — Отвечают, что еще вчера вечером поехал на станцию Белореченскую и до сих пор нет, а заместитель пошел к т. Бовдзий, поехали его отыскивать, да и тех тоже нет. Так прошла ночь. Начальства нет. Мы сами распоряжаемся, работаем за свой страх и риск. Сделали распоряжение квартальным выгнать все трудоспособное мужское население с лопатами, кирками и топорами и до наступления утра вырыли на несколько верст окопы — на 9-й версте от ст. Белореченской, начиная от горы, так называемой «Белореченский Венец». и кончая берегом реки Белой — все было укреплено и приготовлено для отвода войск, в случае их устойки.

Утром узнаем, что Никитский был пьян, что его арестовали и его ждет революционная кара. Кто его арестовал? Кажется, т. Бовдзий и Борисов. Сейчас я точно не помню, но факт тот, что Никитский был найден. Рано утром мы созвали экстренное заседание Р. В. Штаба. Я был единогласно избран начальником штаба и председателем Рев. Воен. Совета, помощником — т Борисов, зав. оружием и хозяйством — тов. Манько и секретарем «ад'ютантом» — т. Гаврилов Д.

После этого я сейчас же бросил на подкрепление нашим 200 сабель кавалерии и около полка пехоты. Ночью наши части, не выдержав боя, оставили село Филипповское и Царский-Дар и отошли на линию с. Леонтьевского, что в 2-х верстах от Царского-Дара и тут в ожидании подкрепления залегли. Наступило затишье. Противник в 12 час. ночи совершенно перестал стрелять и, выставив сторожевые охраны, занялся насилиями, грабежами и казнями. Человек 20 было казнено прямо на улице, причем люди рубились, что называется, в капусту. Целую ночь пылало зарево пожара: то горели бедные лачуги крестьян с.с. Филипповского и Ц.-Дара.

С утра, получив подкрепление, наши войска зашевилились — ожили. В то время, когда в разных селах пылал пожар, здесь в Белореченской, разгорался революционный пожар. Рано утром я опубликовал приказ Реввоенсовета, что за малейшее ослушание, будь то в строю или на тыловой работе, а также за всякого рода распространение неподтвержденных слухов, буду предавать полевому Ревтрибуналу и в 24 часа расстреливать. Несколько человек пришлось арестовать и убрать, и через несколько часов настал полнейший порядок. В час дня приехал на автомобиле т. Швец

Дмитрий, который остался очень доволен моей работой и скрепив своею подписью мои полномочия, сказал: «Действуй по своему плану и распределяй войска, а я поеду торопить высылкой их с мест».

К вечеру прибыли Майкопские, Унароковские полки, которые мною были снабжены всем необходимым для боя и брошены через реку Белую на станицу Бжедуховскую. Получив сведения, что Филипповский штаб отступил и находится на хуторах в прифронтовой полосе, я остальные красно-гвардейские колонны направил в распоряжение Филипповского штаба. Результатом умелого маневра и перетасовки сил, мы потеснили противника и вопреки его желанию занять ст. Белореченскую, заставили переправиться через реку Белую, и двигаться левым ее берегом, при чем при переправе, испортив артиллерией мост, потопили много противника в реке. Дальше банда хотела действовать по генеральски и напасть в обход на ст. Белореченскую, но при попытке занять ст. Бжедуховскую противник был опрокинут и отброшен на Рязанскую, откуда и началось постыдное бегство во-свояси. Палачи бросали все и даже автомобили со своими упитанными дамами сердца, одетыми в костюмы сестер милосердия.

Наше командование преследовало бегущего противника до самой станицы Георгие-Афипской и все время брало военные трофеи. Убедившись в том, что надобность в существовании революционно-военного совета в ст. Белореченской совершенно миновала, я подал т. Швецу рапорт о роспуске штаба, а сам уехал в родное село Великое навести порядок.

Здесь, уже на 3-й день после боя, село начало принимать нормальный вид, а убитые и казненные были собраны и свезены на площадь. На следующий день я отдал приказ устроить торжественное траурное шествие на братскую могилу и предать земле тела героев. Был сделан дощатый склеп, приготовлена хорошая решетка, все хорошо засыпано, украшено и представляло из себя грустную, но красиво убранную братскую могилу.

К 4-м часам дня к могиле потянулись молодежь, учительство и все служащие учреждений, не говоря уже о крестьянах, которые, оставив хаты на замках, пришли все. Народу было более 5.000 чел. На братской могиле я выступил с траурной речью, народ плакал навзрыд, но тут же ободрился и заявил: «Погибнем и мы, но свободу не отдадим».

Последняя воинская почесть была отдана стройным залпом из винтовок дежурной роты.

После официальной части похорон был допущен священник к исполнению духовных обрядов над могилой и по желанию родителей; на могиле был поставлен один общий крест. С тех пор почти каждый день над этой могилой лились слезы вдов и родителей, и каждый прохожий снимал шапку.

Дровянников.

Борьба за Советскую власть в Сочи.

У нас в Сочи февральский переворот ознаменовался — молебном. 2-го марта один из тов. по 1905 году зашел ко мне на квартиру с вопросом: «Вы ничего не знаете?» — Я ответил: нет. — «Ну, бросай работу, идем в город, скорее узнаем интересные новости, будто Николка полетел с престола». Через 5 минут мы были на базаре. Возле почты стоят кучки людей. К какой из них мы не подходили, нигде ничего не добились: что-то случилось, а что — определенно никто не знает. Вдруг появилась афиша светло-зеленого цвета за подписью городского старосты Кочановского, который приглашает население 3 марта на церковную площадь к 10 часам утра, — будет молебен и чтение манифеста. На другой день собралась наша обывательщина и сатрапы разных рангов, начиная от городового и кончая начальником округа, которые были в какой-то тревоге, судя по их физиономиям. На скорую руку отслужен был молебен священником Сергиеми началось чтение манифестов: в первом говорилось, что он, Николай, передает престол своему любезному брату Михаилу. Михаил отказывается от престола, но отказ мотивирует тем, что «как будет угодно народу, если народ пожелает, то он, Михаил, будет царем». Прокричали ура — несвязно и неохотно, на том и разошлись. Не помню какого числа получена была телеграмма о сформировании временного правительства. Опять молебен. Затем получались телеграммы о действительных событиях, о жертвах, павших на улицах Петрограда, которых должны были хоронить 10 марта. К этому дню сочинцы готовились устроить митинги; мобилизовали все, чтобы отпраздновать великий день революции. Были небольшие войсковые части: батарейцы с фронта на отдыхе, сотня казаков с полковником Скакуном и офицером, по фамилии Леонов, железнодорожный баталион. Настало 10 марта. День выдался на славу. Собралась масса людей и войсковые части за исключением казаков. Казаки пришли человек 5 — 6, постояли на митинге и стали уходить. Кто-то спросил: «Что же ваша сотня не принимает участия в празднествах»? Они ответили: «наш полковник не разрешает», и какие вопросы не предлагали — ответы были уклончивы. Открыл митинг городской староста Кочановский. Речь его носила характер мало революционный, крайне осторожный. Другим оратором выступил т. Н. Николаев с-д., член Госуд. думы. Его речь звучала, более резко как рабочего фабрично-заводского, как профессионалиста. И еще один-два, — тем митинг закончился. Пошла толпа с знаменами по городу с пением марсельезы и других революционных песен. Между прочим, толпа подошла к штабу казачьей сотни — Кочановский, сказал краткую речь

смотревшим сквозь стекла окон казакам, которых толпа приветствовала криком ура, но многие из них попрятались, а у тех, которые смотрели из окон — лица были суровые и отталкивающие. Почти на закате солнца демонстрация закончилась, пели так много, что все певцы поохрипли.

Началась смена властей и переорганизация учреждений. Образовалось городское самоуправление, городская коллегия, милиция, комиссариат округа, профессиональная организация — союз рабочих Сочинского округа, как он именовался. Это была мощная организация в виду того, что в городе было много рабочих по случаю постройки «Черноморки». Попутно с этим стали производиться выборы в совет солдатских, рабочих депутатов. Каждая воинская часть или организация посылала своего выборного представителя. Параллельно с этим — организовались партии, которые также имели своих депутатов в зависимости от количества членов. В конце марта приехал к нам губернский комиссар из Новороссийска на автомобиле и член думы, Николаев — кадет. На второй день он пришел в союз рабочих, произнес краткую речь, потом предложил побеседовать, т.-е. задавать вопросы. Вопросов было мало; между прочим, задан был вопрос: как его партия мыслит и не думает ли изменить программу. — «Да, получился ответ, некоторые параграфы на с'езде нашей партии изменены, мы теперь называемся: партия народной свободы». Тем и закончилась беседа с коммисаром губернии. Здесь присутствовал, между прочим, от воинских частей в унтер-офицерских погонах, с Георгием на груди тов. Науман, который приветствовал комиссара Николаева от воинских частей. Он сразу оказал ораторские способности, чем и произвел хорошее впечатление на присутствующих; от рабочих произнес речь тов. Слижинский. При выходе из народного дома группа рабочих подняла комиссара на руки и понесла до ожидавшего автомобиля. В организации союза рабочих принимали горячее участие Н. Н. Николаев и (ныне проживающий в Сочи) Слижинский и много других. Тов. Николаев потратил много энергии на это дело, но почему-то не был популярен среди рабочих и после месячной работы ушел из союза. Первым председателем Союза рабочих был избран типографский работник Кожелев Владимир. В половине апреля был избран совет рабочих и солдатских депутатов. Председателем избран тов. Науман, затем он был избран комиссаром Округа, вместо инженера Веденского. Кадет Науман об'явил себя эсером и председательствовал также и в своей партийной организации. Пошли частые митинги, плакаты от разных партий с призывом записываться в члены. С эсерами трудно было бороться, всюду они одерживали на выборах победу. Когда угрожала на выборах обывательщина с кадетами во главе, то эсеры и социал-демократы делали блок и проводили своих кандидатов. Когда приехал тов. Поярко в половине июня в партии сразу произошел перелом. Стали произносить речи на митингах и собраниях и проводить тактику большевиков, резко критиковать действия временного правительства, во главе которого стоял Керенский. Церетели и другие эсеры не могли мириться с Поярко, всюду и везде ему оппонировали, Керенского они превозносили, как высшее существо. Пошла борьба и разные нападки

на большевиков; печать, в особенности столичная, как эсеровская, так и кадетская выступала со всевозможными инсинуациями. Тучи сгущались над большевиками. Чем их только не называли: предателями революции, германскими шпионами и т. д. Наконец, в первых числах июля было побоище большевиков. — 8 июля было об'явлено собрание в доме Акритаса, где выступали ораторы, произносили речи о петроградских событиях; сведения были скудные, в телеграммах краткие сообщения, ничего ясно не говорящие. Один оратор, техник-железнодорожник Страхов произнес громовую речь по поводу выступления большевиков и предложил собранию вынести большевикам порицание. Большевики притихли, не выступали, отмалчивались. Собрание на предложение заволновалось в нерешительности, послышались голоса: «Долой Страхова и его предложение, еще неизвестно, ясного ничего нет, а ты с порицанием». Тем собрание закончилось, никакой резолюции не вынесли. В большинстве рабочие были против большевиков. Эсеры и меньшевики имели успех до Октябрьского переворота. С Октябрьского переворота пошел раскол среди партийных и беспартийных.

К этому времени в Сочи было четыре партии — партия народной свободы, народные социалисты, социалисты-революционеры и меньшевики с большевиками. Все они обращали свои взоры на Петроград, где был с'езд Советов и откуда ждали решительных событий. Ждали учредиловку, а пришли известия об Октябре. Наши политические враги приуныли: большевики с меньшевиками разошлись окончательно, эсеры разделились на правых и левых. Однако противники учитывали, что в Совете рабочих и крестьянских депутатов, большевики были в меньшинстве. В половине ноября были выборы в Совете делагатов для посылки на с'езд. Было выбрано четыре товарища — два эсера и два меньшевика. Через несколько дней делегаты вернулись. На собрании Совета рабочих и крестьянских депутатов собранием был потребован доклад о поездке: докладчик эсер делал доклад неохотно, и по смыслу доклада поездка была неудачна. Присутствовавший на собрании четвертый делегат тов. Казаков выступил с разоблачением, что наши делегаты при голосовании о Советской власти ушли с собрания с'езда и бежали в Сочи. После разоблачения Казакова, большая часть собрания, не только большевики, но и левые эсеры вместе с беспартийными рабочими и солдатами были возмущены поведением таких делегатов. На защиту эсеров-делегатов выступили меньшевики, которые доказывали, что вопрос о власти не нам де обсуждать, в особенности здесь на Побережьи: — это право принадлежит учредительному собранию. Скрепя сердце, мы мирились с положением, было ясно, что мы в меньшинстве, а посему надо усилить вербовку товарищей в большевики и лишь тогда переменить разговор. Но вопрос, кого же вербовать? Рабочих было много по случаю работ на железной дороге, но они относились к политике индифферентно и занимались личными вопросами и грызней.

В это время в Сочи стали прибывать безработные из центра и Кубани. Здесь они также не могли получить работы и под предводительством

печальной памяти Минькова давили на союз рабочих, занимались пьянством, кражами. Особенно подозрительно было поведение Минькова, якобы большевика. Было предпринято расследование, которое показало полную картину дезорганизованности миньковцев. Нужно было их или удалить из Сочи, или как-то перевоспитать. Решено было второе-по моему предложению с перерегистрацией и записью их в союз. По окончании регистрации было об'явлено общее собрание в конце декабря. Количество членов союза увеличилось на несколько сот человек, поэтому были доизбраны в Совет Депутатов семнадцать лиц; в группе Минькова произвели хорошее впечатление ораторы: Чубченко, Казаков и сам Миньков

3-го или 4 января было заседание Совета для избрания Революционного Исполнительного Комитета. Были долгие споры и в конце концов 5 января 1918 г. действовал уже в Сочи Революционный Исполком и Советская власть, куда вошли Пирожков, Поярко, Мохов, Хиоти и 2 меньшевика; 6 января была получена телеграмма о разгоне учредиловки.

22 января 1918 г. было доизбрание в Ревисполком, куда попал и я. Вечером было заседание. На повестке был поставлен вопрос об изыскании денежных средств и об организации Красной гвардии. Не помню кто ездил и привез 20 или 30 турецких однозарядных винтовок и несколько сот патронов. Этим оружием наша гвардия и была вооружена. С начала гвардия была малочисленная, а потом увеличивалась с каждым днем. Тов. Поярко, начальник штаба Красной гвардии, с комиссией принял живой и мертвый инвентарь от ликвидированного желбатальона, в том числе несколько сот берданок нарезных и к ним шестнадцать тысяч патронов. Ликвидировалась и артиллерия: переданы были пушки, снаряды и несколько пулеметов с патронами и лентами.

В марте месяце, не помню какого числа, была получена в 12 часов дня телеграмма из Гагр, что Абхазский Национальный Совет произвел вооруженное восстание и обстрелял Гагринский Совет и Исполком. Было созвано экстренное совещание членов Исполкома и решили дать помощь гагринцам вооруженной силой. Моментально погрузили Красную гвардию на автомобили, привязали пушку. Мы с тов. Поярко поехали на легком автомобиле в Хосту и Адлер. заехали в Хостинский исполком, здесь же подошел тов. Ниппорт, который из'явил согласие ехать на фронт. Через 10 — 15 минут выехали в Адлер; в Адлере были все поставлены в известность, там тоже шла погрузка красногвардейцев и до заката солнца часа за полтора мы шли в пути по направлению к Гаграм.

В 9 часов вечера мы были в Гаграх, а через час грузовики привезли красногвардейцев, что называется во-всеоружии. Кошмарная была ночь — мало спали — все ожидали, что несет нам грядущий день. Рано утром пришли т. т. и заявили: «Дворец принца Ольденбургского разграблен». Мы пошли проверить и нашим глазам представилась картина полного разгрома: шкафы, гардеробы, столы, комоды все было открыто топорами. В дверях стекла побиты. Такой картины разгрома я в жизни не видел. Пришлось произвести почти поголовный обыск, чтобы вернуть часть разграбленного и свезти в исполком.

Покончив с обыском, мы отправились с тов. Ниппортом на фронт. Фронт был за Новыми Гаграми. Пробыли там два дня. Вечером тов. Поярко заявил, что конфликт улажен, велел сняться с фронта и ехать в Гагры, а утром в Сочи.

На-утро, часов около 12-ти мы выехали в Сочи, а за нами выехала вооруженная гвардия. Только под'езжаем к воротам исполкома, как навстречу бежит тов. Хиоти, заявляя, что получена телеграмма из Туапсе о том, что идут калединцы на Сочи под командой полковника Кузнецова, вооружены карабинами, все верхами в количестве 250 человек.

Красная гвардия была тотчас же под командой Пирожкова двинута им навстречу. Мы потеряли одного убитого и захватили 17 калединцев, которых отправили в арестный дом, а впоследствии в Новороссийск.

За февраль и март наш исполком пополнился представителями от крестьян. Были выделены из членов исполкома в отделы земельный, просвещения и другие — комиссар финансов тов. Локшарев, его заместитель тов. Криштоф, председатель трибунала тов. Хиоти, помощник тов. Каминский, председатель судебно-следственной комиссии тов. Таурин, члены: Галочкин, Кочетов, Британов, Ходинов и Звонарев, комиссар юстиции тов. Мохов.

После апрельского с'езда был избран новый состав исполкома, куда вошло большинство крестьян, городские остались в меньшинстве. Председателем был тов. Стокис — «Берзин», секретарем тов. Кузнецов. Был учрежден окружный суд. В конце мая и начале июня наша армия воевала с Грузией и была вынуждена отступить до Кудепсы, под Кудепсой мы снова потерпели поражение, и 5-го июля 1918 года Советская власть эвакуировалась в Туапсе, а оттуда в Майкоп.

На закате солнца 5-го июля появилась грузинская кавалерия, которая трусливо оглядывалась по сторонам: несколько человек направились карьером к арестному дому, где сидело 40 человек пленных грузин, да человек 10 уголовных преступников; их всех как-то перегруппировали и куда-то отправили. На второй день пришла пехота и появились приказы, между ними был один о ношении погон. Когда была Советская власть в Сочи, погоны отбирались от Сочи до Гагр включительно. Теперь и Сочинские военные появились в погонах, при шашках и шпорах, при встречах целовались, а некоторые со слезами на глазах говорили «Христос Воскресе».

Сочинская буржуазия пошла к Мазниеву приветствовать его с победой над большевиками, и, между прочим, вручила ему список 26 большевиков с просьбой повесить означенных в списке лиц. Что ответил Мазниев неизвестно, но через несколько дней он получил от тех-же лиц 2-й список в 150 человек. На третий день, 7-го июля, было собрание рабочих, где выступил офицер грузинской армии Тумаркин, который, между прочим, заявил в своей речи, что грузинская власть и армия опирается на Союз рабочих, а поэтому они не враги рабочих, а демократы. «Я сам принадлежу к демократической партии — поэтому, прошу собрание почтить вставанием память нашего вождя, недавно умершего тов. Плеханова».

Тумаркин обещал на собрании арестов не производить, но через час мы узнаем, что тов. Кочетов, большевик, член судебно-следственной комиссии арестован. Когда он вышел из народного дома и направился домой, по пятам за ним шел местный обыватель грузин Дадиани и на углу Московской и Михайловской арестовал и препроводил его в арестный дом. На следующий день я узнаю, что арестован тов. Сальников и сидит вместе с Кочетовым. Я ходатайствовал за них перед комиссаром округа и он сделал распоряжение об освобождении их обоих. Через несколько дней пригнали пленных красноармейцев, в их числе был и тов. Ниппорт, которого арестовали в Красной Поляне. Он предполагал вместе с товарищем перебраться на Кубань через перевал. Краснополянский, комиссар Грузии, препроводил их обоих в Адлер. Отсюда тов. Ниппорт, после всяких издевательств был препровожден в Сочинский арестный дом, где я его несколько раз посещал и хлопотал об его освобождении. Обращались ко мне и красноармейцы, их было 69 человек, с просьбой походатайствовать перед властями и Союзом рабочих о том, чтобы их не отправляли в Грузию, а отпустили-бы на родину, в Майкоп и Белореченку. Я обратился в Рабочий союз к председателю Винярскому и доложил ему об этих пленных красноармейцах. Тов. Винярский обещал переговорить с Мгеладзе; нужно отдать справедливость энергии тов. Винярского, который работал, не покладая рук, не жалея энергии, чтобы освободить пленных. Власти обещали, как только оттеснят большевиков за Туапсе, отправить пленных на родину, что впоследствии они сделали.

Тов. Ниппорт был освобожден в августе, просидев около месяца. В конце августа появился отряд кавалерии казаков, которые бежали с Кубани от большевиков через Сухумский перевал. Грузинские власти встретили их, как союзников и оказывали всякое содействие по пути к Сочи. Местная буржуазия встретила их с распростертыми об'ятиями. На другой же день несколько казачьих офицеров, с разрешения коменданта, отправились в арестный дом и спросили у заведующего Ситникова: «много у тебя большевиков», и несмотря на его уклончивый ответ по записке нашли тов. Марынченко, Яковлева и Колпинского и зверски до потери сознания избили их плетьми. Рядовые казаки тоже не дремали, занимались грабежом, арестовывали граждан, предварительно избив плетьми и прикладами. Таких несчастных жертв набралось 17 человек, пригнанных на вокзал, где над ними учинили расправу, били камнями, прикладами, поднимали и бросали об рельсы железной дороги. Их сложили, как дрова, под сараем против вокзала, где они ночевали. К утру они пришли в себя и с большим трудом стали подниматься по приказу тех же палачей, которые предложили им итти в тюрьму.

В первых числах сентября, по слухам, Таманская армия шла на Туапсе. Грузинские власти предложили казакам выступить на фронт.

Армия Мазниева была разбита на-голову, грузины ушли в Грузию и через несколько дней пришла народная гвардия с генералом Кониевым. Ожидали, что части Таманской армии войдут в Сочи, но Таманцы ушли

на Белореченскую и Майкоп, а грузинской армии пришлось встретиться под Туапсе с войсками генерала Алексеева.

В ноябре и декабре в Сочи ходили упорные слухи, что придут добровольцы. Некоторые товарищи стали уезжать в Грузию, другие не верили тому, что грузины сдадут Сочи.

13 января старого стиля 1919 года в союзе рабочих было собрание, на котором выступили ораторы с призывом итти для разгона национальных советов. Собрание союза рабочих вышло из народного дома, выстроились в ряды, подняли красный флаг, на котором было написано: «Долой национальные советы», и с пением революционных песен пришли в театр, где шли приготовления к заседанию русского национального совета. Рабочие заняли места, зал был переполнен, на эстраде выступали ораторы и об'ясняли собравшимся о значении национальных советов, выступали и их противники, но успеха и поддержки в собрании не имели. Спели Интернационал и разошлись.

24 января старого стиля, часам к одиннадцати утра, прошел слух, что добровольцы заняли вокзал. Не хотелось верить; когда я пришел к комендантскому дому, там шла суета, и все были встревожены, человек 7 грузинских солдат бежали по направлению вокзала. Потом стало заметно, что цепь добровольцев идет по Пластуновской к берегу моря; начались выстрелы на базаре, и тут стало ясно, что Сочи продано добровольцам по распоряжению из Тифлиса. Большинство товарищей было застигнуто врасплох, пути отступления отрезаны: «спасайся кто может». Многие бежали в Ривьеру, где был уполномоченный грузии, а оттуда, кто — куда.

Комендантское управление было занято добровольцами, был выкинут белый флаг, что обозначало полную капитуляцию. В это время генерал Кониев ехал на автомобиле из Гагр, добровольцы задержали его возле аптеки, но грузинское офицерство потребовало его освобождения. Кониева освободили, так как среди добровольцев были его сослуживцы, друзья и собутыльники, с которыми он тут же при встрече целовался.

Была сложена песенка:

Генерал Кония,
Капитан Нодия,
Продали Сочи казаку,
За бутылку коньяку.

Когда деникинцы заняли Сочи, я на пятый день ушел из Сочи и под Адлером на уч. № 14 у знакомого огородника Иосифа Свободы работал по сельскому хозяйству. В конце марта 1919 г. генералом Череповым и Буреневичем был издан приказ по Сочинскому округу о мобилизации населения за 13 лет. Население возмутилось таким приказом и восстало. 4-го апреля перед Пасхой организовался отряд зеленых под командой Блахнина Петра; в 4 часа дня взяли, т.-е. заняли Адлер. Войска Деникина были в то время в Гаграх, в Сочи было мало войск, а в Гаграх одновременно напали на деникинцев грузинские войска. Почти все деникинцы попали в плен. Прорвалось несколько десятков солдат, да какая-то сотня казаков, которые отступили из Гагр в Адлер. Узнал

об этом Буреневич, а также и о том, что зеленые, хотя и малочисленные, наступают на Сочи. Он обратился к населению с воззванием, что мобилизация отменяется, что это мол было недоразумение, что население приглашается на с'езд. Зеленые разошлись по домам, так как в воззвании говорилось, что за выступление никто не будет наказан, если разойдутся по домам. Состоялся с'езд на скорую руку и порешили, что мобилизовать никого не будут; население успокоилось, тем и кончилось казалось бы,— но не так оно было на самом деле, как думали поселяне; войска стали прибывать чуть не каждый день. Когда деникинские власти почувствовали под собой твердую почву, они на Пасху начали производить репрессии над населением. Первое было то, что они отправили карательный отряд в селение Пластунки в 15 верстах от Сочи, с пушками и начали обстреливать из пушек, но их встретила горсточка зеленых и убила добровольческого командующего полковника Чайковского и еще одного офицера. Эту операцию выполнили поселяне селения Алек бр. Москаленко, из которых один был убит ад'ютантом Чайковского, а другой из них был казнен белыми бандами; в 1920 году остатки трупа нашли в горах и хоронили на Сочинском кладбище. Производились на Пасху казни и в Сочи: на второй день Пасхи за городом обнаружены трупы 2-х молодых граждан в возрасте 20 лет, изуродованных до неузнаваемости. В Адлере также казнили двух — дядю и племянника, по фамилии Шаройко; на берегу моря были найдены трупы еще двух зеленых: фамилия одного Коптев, другого не помню; в Адлере тоже трупы лежали на площади. Потом карательный отряд, состоящий из казаков зашел в селение Пластунки разграбил дома и награбленное продавал на рынке в Сочи; продавались не только вещи, но и домашний скот. В июне или в июле карательные отряды ходили и по другим, наиболее революционным, селениям, где казнили 13 человек молодежи, сожгли 2 или 3 дома и уничтожили несколько пасек пчел. Параллельно с этим работала контрразведка, а в особенности начальник стражи г Сочи Касторский, Холодков Козьма и Иосифиди; последние два его помощника, которые, как говорят очевидцы, отличались особой свирепостью и производили пытки шомполами и отправляли свои жертвы на кладбище, где, пристреливши, закапывали. Сколько таких было жертв покрыто мраком неизвестности.

Когда добровольческие власти производили репрессии над населением побережья, в Грузию пошли ходоки от населения на зов какого-то «Комитета Освобождения края» для совещания. На этом совещании было решено начать выступление для изгнания белых. Во главе этого комитета стоял колчаковец, Самарин-Филипповский, по профессии юрист, по убеждению эсер, Воронович,— наш сочинец, Родзевич — эсер, Швецов — большевик, Цвангер — меньшевик и много других, которых фамилии не помню. Грузинское правительство дало 250 винтовок, да патроны к ним. С этим оружием зеленые выступили из Гагр на Пиленково, где стояли посты белых и прогнали их до Гагр. Хотя последние отступали с боем, но в Адлере стоял Шемахинский полк добровольческих солдат, который раскололся на два лагеря: одни решили присоединиться

к зеленым, другие не хотели, а потом наступили на Сочи и 18 января добровольческая армия дала последний бой в г. Сочи и отступила на Туапсе, а 19 января 1920 г. старого стиля Сочи заняли зеленые и власть перешла Комитету Освобождения Черноморского побережья, а партизаны наши добровольцев преследовали до Туапсе, где власть белых окончательно пала.

Не успели покончить с деникинцами, как приехали в Сочи английские гости: какой-то командующий флотом и предложил Комитету Освобождения примирение с белыми. Состоялось по поводу этого собрание в театре Ривьера, где Самарин-Филипповский вел переговоры с английскими представителями, выступали ораторы с критикой действий английского правительства и переговоры не привели ни к какому результату — каждая из сторон осталась при своем мнении; английские гости уехали, недовольные переговорами и угрожали своим флотом Комитету. Только стала немного налаживаться жизнь Комитетом, как в марте пришли известия, что к нам на побережье идет с Кубани Шкуро с семидесятитысячным отрядом при сорока тысячах бойцов, (а остальные беженцы). Зеленые партизанские отряды бросились навстречу Шкуровским отрядам в Туапсе и вели бои с ними, но под натиском неровных сил отступали на Сочи, а некоторые, узнав, что красные войска теснят шкуринцев с тыла, пошли на Майкоп и присоединились к красным. Оставшиеся партизаны отступая на Сочи мелкими отрядами, разрозненные, изнуренные и голодные, оставляли позиции под напором казаков и шли в Сочи, здесь их задерживали, а Комитет завел переговоры со штабом Шкуро, чтобы узнать для чего Шкуро идет на побережье. Шкуро ответил делегатам, что идет отдохнуть и вмешиваться он не будет в работу Комитета, просил дать приют изморенным его войскам и просил, чтобы зеленые не стреляли по его отрядам; Комитет обещал, что если казаки не будут обижать население, то зеленые обижать не будут, но когда Шкуро был в 14 верстах от Сочи было издано распоряжение штабом Комитета эвакуировать Сочи. Началась погрузка продовольствия и боевых принадлежностей. Рабочие и крестьяне вооружились и ушли по направлению в Адлер. Не доходя до Адлера в Хосте штаб предложил партизанам остановиться и занять позиции для оказания сопротивления шкуровцам, предварительно сделав завал шоссейной дороги, рубя деревья, стоящие над дорогой; но партизаны в большинстве отказались выполнить распоряжение штаба и ушли небольшими группами в горы, а большинство на Красную Поляну через перевал и на Кубань, некоторые небольшие группы пошли на Гагры в Грузию, где их разоружали.— Остались небольшие кучки. Более стойкие рабочие и крестьяне стали группироваться возле партизанских командиров. Из них отличались Рощин, Богатов, Барабанов Николай, Петкович. Последний командовал отрядом коммунистов, в котором было 23 человека. Штаб был в селе Миге и его возглавлял Самарин-Филипповский, штаб этот бездействовал, так как ему никто не подчинялся, а каждый отряд действовал по своему усмотрению. При одном из набегов, был захвачен в плен полковник Богаевский, ад'ютант его был убит в

перестрелке. С Богаевским три казака донца тоже были взяты в плен и их на второй день освободили и снабдили их воззванием и через три дня нам сдался полк в количестве 150 чел. Мы их разоружили и отправили через перевал на родину, дав им 8 лошадей, несколько винтовок, продукты, пропуски и проводника, поселянина Дзинхры, тов. Ткаченко. Потом получено было известие, что Морозов ведет переговоры о сдаче красным войскам. Это было в конце апреля 1920 г., а Шкуро с братом и др. офицерами в Адлере, погрузив на пароход много ценностей и табаку, бежал, оставив свои отряды на произвол судьбы.

Британов.

„Сочинская Республика“ 1905 г.

(Когда и при каких условиях я вступил в партию).

По моей профессии столяра-краснодеревца, работавшего на Черноморском побережьи, мне иногда приходилось иметь дело непосредственно с «большими господами».

До войны в 1904 году существовавший тогда государственный порядок я считал совершенно правильным, настолько правильным, что вообще на этот счет у меня не было никаких рассуждений.

Частое недоедание с большой семьей я принимал, как должное в положении рабочего, не умеющего найти выгодной работы. Неуплату же заработка хозяином или заказчиком приписывал или мошенничеству отдельных лиц или затруднительностью их положения в данный момент и «сочувствовал». Так и жил впроголодь с семьей изо-дня в день, боясь задумываться о будущем и считая все это неизменным порядком.

К концу японской войны (мне уже было 36 лет) стало в воздухе носиться что-то настолько тревожное, что начали об этом говорить даже сами «господа»: так, например, посылка Рождественского с эскадрой Балтийского флота, помню, довольно резко критиковалась в моем присутствии аристократом Картавцевым, сын которого служил лейтенантом в эскадре адмирала Рождественского, отправившегося «бить» японцев. Мне пришлось услышать целый ряд критических разговоров, выражавших большое недовольство неудачной военной политикой правительства. Наконец, после Цусимы появилась и брошюрная нелегальная литература, довольно откровенно распространяемая в Сочинском округе, где в то время нарасхват разбирались капиталистами земли, главным образом, с целью спекуляции ими. В крае шли оживленнейшие работы по проложению шоссейных дорог на вновь образовываемых городских поселениях, работы по раскорчевке улиц и заготовке лесных материалов. Буржуазия же, повторяю, безудержно спекулировала землями на берегу Черного моря, с чудной природой и субтропическим климатом и растительностью. В то же время застраивался аристократический курорт-санаторий «Гагры» под верховным управлением полусумасшедшего деда — «Принца Ольденбургского».

Военные неудачи царского правительства взбудоражили весь этот спекулятивный «деловой» мир, ударив его по карману; все сделки и работы были приостановлены; массовое недовольство появилось среди безработных, насчитывавшихся тысячами на этой узкой полосе Черноморского побережья. В газетах стали появляться сообщения о забастовках, распространился слух о расстреле 9 января 1905 года рабочих,

шедших к царю с жалобой на свое собачье житье. Повеяло «весной» Святополк-Мирского, заговорили о Думе, «забунтовал» во главе с командиром Шмидтом лучший тогда Черноморский броненосец «Потемкин», и в воздухе запахло чем-то таким, названия чему я тогда еще не знал, но меня, как и других рабочих, уже всего подмывало на всякого рода дерзости «властям». Зашмыгали повсюду шпионы.

Однажды я, заведя с приятелями разговоры на злобу дня, основательно начал ругать царя со всеми его потрохами. Ко мне привязались «неизвестные», но меня своевременно спрятали от них. Шаг, однако, уже был сделан, и я пошел в этом направлении совершенно сознательно, ища сближения с знающими людьми.

Стали появляться отдельные агитаторы и организовывать профсоюзы. В такой накаленной политической атмосфере, мы дошли до октября 1905 года. Возник Петербургский Совет Рабочих Депутатов. Черноморскую губернию захватила, как и всю Россию, революционная волна, выявившаяся в ряде политических демонстраций по всем городкам губернии. Я тогда жил в городке Хоста, Сочинского Округа (уезда), куда из Сочи ежедневно стали приезжать агитаторы партий С.-Р. и С.-Д., с которыми я вошел в «контакт». Но так как эти товарищи были рабочие (столяры и маляры) и теоретически, повидимому, были слабо подготовлены; я относился ко всему движению и их агитации как-то смутно, считал это случайностью, но после моей беседы с доктором (моим прежним заказчиком) Гордоном, социал-демократом, познакомившим меня с учением Маркса и рабочим движением вообще, я решительно вступил в Сочинскую организацию Р. С. Д. Р. П. и выбрал, как более решительную, фракцию большевиков, от которой отделилась другая часть, во главе с Гордоном, не желавшая драться с правительством, в лице начальника округа с его конными стражниками.

Были избраны советы в Сочи и затем в Хосте. Для подготовки выборов в Хосте на базарной площади была сооружена трибуна, разукрашена зеленью пальмы и красными флагами. Собрались все жители городка и крестьяне из окрестных деревень и после шествия с флагами и пением по всем улицам городка, мы всем миром возвратились на площадь и приступили к выборам в Совет Рабочих Депутатов. Совет Рабочих Депутатов был избран. В числе избранных оказался и я. Новая власть — Хостинский Совет — немедленно разоружила стражников с приставом и приступила к своей работе, которая заключалась в оказании денежной помощи проходящим безработным, судебном разборе гражданских и политических дел, чтении брошюр и газет и организации подготовки к бою в Сочи. Были доставлены из Поти, как говорили мне руководившие этим товарищи, берданы и швейцарки с патронами, и мы приступили почти открыто к учебной стрельбе.

Разбираться в переживаемых событиях и социалистических книгах нам помогал гостивший в Хосте с своей женой писатель — художник Усов Александр Александрович и Кривцов. Усов, по своим убеждениям

не социалист, а скорее толстовец, но считавший своим долгом помогать нам во всем, о чем его просили: он с нами разбирал книги и газеты, раз'яснял смысл событий, выступал на митингах с речами и вообще втянулся в революционную работу ничуть не меньше каждого, из наиболее активных, среди нас, рабочих. Впоследствии ему пришлось, так же как и нам, бежать от ареста и суда. В настоящее время этот замечательный человек живет очень бедно в с. Лазаревке, Туапсинского округа, попрежнему не примыкая ни к какой политической партии, но не шипя против Советской власти, в противоположность многим интеллигентам «социалистам».

По моим обязанностям члена Совета Сочинского округа, мне приходилось часто бывать в Сочи, а последнее время я и совсем был оставлен там в виду лихорадочной подготовки с обеих сторон к решительному выступлению; столкновения не происходило пока за нерешительностью начальника округа Розалион-Сошальского напасть на нас со своими стражниками, мы же накопляли вооруженные сили и вели агитационную работу среди населения, рабочих и солдат.

Президиум Сочинского Совета состоял из столяра Поярко Никифора, слесаря Коняева, аптекаря Гватуа (с.-д. больш.), маляра Сальникова, интеллигента Гречкина (с.-р.) и двух-трех других, фамилий которых не помню. Нервы были напряжены до крайности. Стражники, под командой офицера, начальника Сочинского округа, Розалион-Сошальского, в полном боевом вооружении на выгодной позиции караулили день и ночь, выжидая удобного момента для нападения. Нами также принимались соответствующие меры. Наша группа настаивала на захвате власти полностью путем вооруженного столкновения, другая, во главе с доктором Гордоном, с этим не соглашалась и всячески старалась не довести дела до вооруженного столкновения. Получилось известие о разгроме Московского Совета. И вот, помнится, 20 декабря ст. ст. на вызванный из Хосты отряд рабочих, человек в 20, при их проезде по улицам Сочи засевшими стражниками был открыт ружейный огонь, а затем и сделана атака конницей. Произошел настоящий общий бой: на нас наседали, мы отбивались. Появились раненые и убитые. Первой жертвой стражников стал хостинский рабочий Багринский, приехавший вместе с другими вооруженными рабочими. В тот день стражники были отбиты, а на другой день мы сами пошли в наступление.

Гарнизон спропагандированных солдат держал доброжелательный к нам нейтралитет, и стражники удрали в казармы на гору. Началась правильная осада. Нами была найдена и выкопана из земли старая пушка, кузнецы и слесаря смастерили лафет, приделали колеса и все что нужно, проложили рельсы, прорыли траншею по направлению к засевшим стражникам, реквизировали порох и гири (ничего другого для снарядов не было) для снарядов в пушку, стащили ее на гору, и пошел пушечный обстрел. Какую мы панику вызвали среди преданных царю стражников!

Между прочим, в день первого пушечного выстрела по засевшим стражникам, нашей пушке стукнуло ровно 200 лет. Кто бы мог предвидеть такое торжественное чествование дряхлой юбилярши!

Осада продолжалась несколько суток, в течение которых с нашей стороны неоднократно были сделаны предложения стражникам сдаться. Наконец, нами был пред'явлен ультиматум: через два часа дать ответ — сдаются или не сдаются, — в последнем случае мы штурмуем. Это подействовало, и началась сдача оружия и всей братии во главе с их начальником.

Мы победили. Перепуганных до нельзя стражников под угрозами и руганью жителей города, главным образом женщин, мы отвели в изолированное помещение, а начальника их также куда-то заперли, никому не причиняя никакого членовредительства. Это было в первых числах января 1906 года.

Не успели мы решить вопрос, что нам делать с пленными, как на море показался свет прожектора военного судна, оказавшегося миноносцем, и мы вынуждены были уже о другом заботиться: куда бы спрятать отобранное оружие и другие военные трофеи: в единоборство то мы не решались вступать с миноносцем.

Началась ночная переправка нескольких ящиков оружия в горы, главным образом, в деревню Пластуновку, где оно и было принято крестьянами и спрятано ими. Как нам потом передавали, командир судна хотел разделаться с нами, а затем и с городом, по-военному, т.-е. попросту намеревался, не входя ни в какие переговоры «с бунтовщиками», открыть огонь по городу, но его переубедили приехавшие на судно сочинские буржуи и наши парламентеры; последних было приказано сейчас же посадить в угольную яму, но и это распоряжение было отменено, так как стражники и начальство находились у нас в залоге.

Сошлись, однако, на том, что мы отдали всех наших пленников (которых нам все равно уж некуда было девать), и часть оружия, а взамен этого — нас никого не арестовали в тот день.

С этого момента «Сочинская Республика» перестала существовать. Мы группами и вооруженные разошлись по домам, а через несколько дней приехали казаки «для усмирения» (солдаты отказались «усмирять»). Началось «усмирение». Казаки, как и подобало охранителям престола, чувствовали и вели себя победителями в завоеванной стране. Об'явлено было осадное положение и... начались грабежи... пьяными казаками. Жители городков и деревень избивались, уродовались и убивались разошедшимися казаками, у которых вызывался тем больший боевой азарт, что им никто, конечно, и не думал оказывать, даже на словах, сопротивления: это ведь были не японцы на фронте — в тылу казачество тогда проявляло себя гораздо более «продуктивной» военной силой. Пришлось бежать всем, кто хотя малейшее имел отношение к движению. Были, впрочем, многие настолько наивные, что, считая себя совершенно правыми по отношению к существовавшему

тогда порядку, а значит и царю, доказывали свою правоту казакам, обвиняя во всем чиновничество. Таких, конечно, уродовали и сажали в тюрьму. Я также раздумывал, как мне быть: оставаться открыто или переждать неделю-другую, пока опасность пройдет, где-нибудь в лесу. Уезжавший А. А. Усов с женой, прощаясь, «информировал» меня, что это уже не революция, а реакция и, что она продолжится не недельку-другую, а годиков до десятка — уж таков мол закон всех народных движений, когда они бывают подавлены, и что для меня самое лучшее — это немедленно уезжать. Легко сказать — уезжать.

Все время революции я, как и другие, был без работы, семья нищенствовала и в данный момент у меня и у семьи не было — ни гроша. Семья Кривцова помогла (Кривцов Степан Савич — старый коммунист), да рабочие собрали мне рубля четыре. Оставив себе рубля три и спрятав оружие, я стал выжидать момента, чтобы уйти по единственной на побережьи шоссейной дороге. Я особенно стал спешить с своим уходом после увиденной сцены расправы казаков с рабочими. По шоссе везли и «гнали» арестованных крестьян и рабочих конные и пешие казаки. Поравнявшись с партией рабочих, производивших ремонт шоссе, один из основательно выпивших казаков, подошедший вплотную к рабочим, глумливо заорал: «та здрястуе социял демократыческа партия — у-ррря» — рабочие опешили и со страхом ожидали, что дальше будет.

...А дальше — их всех избили прикладами, — так, здорово живешь.

На следующую ночь я покинул слишком опасное для меня место, сделав за ночь и день по шоссе, тропам и вброд через горные реки зимой (в конце января 1906 г.) без всяких паспортов, полураздетый, сворачивая в лес при всяком шорохе и обходя посты казаков, — семьдесят слишком верст. Нигде долго не задерживаясь, я пешком дошел до Екатеринодара, где и начал новую для меня жизнь — жизнь нелегальную и, познакомившись с семьей Полуянов и партийными рабочими, повел партийную подпольную работу.

Я привык пешком ходить, но последняя моя «землемерная» работа была первая и рекордная по расстоянию (от Адлера до Краснодара), и я с неделю после нее вычухивался.

Так закончился для меня кратковременный революционный праздник. Настали долгие подпольные будни, продолжавшиеся до моего ареста в 1909 году в г. Екатеринодаре.

Л. Яичников.

От подполья к победе.

Я приехала в Краснодар 22 апреля 17-го года и была заочно выдвинута в Краснодарский Комитет Партии. В тот же вечер на общем собрании нашей партии (большевиков) я, как приехавшая из Питера, делала доклад о последних событиях и о линии поведения нашего Центрального Комитета. Через несколько дней организовался и наш Краснодарский Комитет. В него вошли: т. Вишнякова, Ян Полуян, Лиманский, Л. Ивницкий и Ф. Волик.

На первом же своем заседании Комитет постановил выпускать газету «Прикубанская Правда» и организовать коллегию агитаторов. Очередной задачей было повести агитацию по заводам и фабрикам, где вначале сторонников у нас было еще мало, но где с каждым днем росло и укреплялось наше влияние.

Во время празднования 1-го мая, рабочие, вопреки церемониалу шествия, установленному меньшевиками и эсерами, подошли к зданию Комитета партии, откуда возглавляемые нашими партийными работниками отправились в городской сад, где митинг продолжался до поздней ночи.

Тираж нашей газеты к 1-му мая увеличился вдвое.

Естественно, что увеличивающееся наше влияние было не по вкусу нашим врагам и против нас начались преследования.

Действовать против «Кубанской Правды» прямо не решались, но искусно с'агптировав союз печатников, меньшевики и эсеры добились, что наборщики отказались набирать нашу газету.

Мы вышли из положения только благодаря самоотверженной работе товарищей наборщиков—членов партии (т. Лиза, Нюра Кармазина, Н. Мелещенко, и С. Лесничий). Нужно было наладить работу по профессиональной линии. Работников у нас прибавилось. Вернулся М. Карякин, А. Янковский. Им и была поручена эта работа.

В союзах мы были в меньшинстве. Первое время все наши предложения проваливались, но благодаря усиленной деятельности Комитета партии, некоторые союзы стали отзывать из Центрального бюро меньшевиков и эсеров и посылать большевиков; тогда союзная работа значительно улучшилась. Вскоре мы овладели следующими союзами: кожевников, портных, прачек, домашней прислуги, табачников, маслобойным, металлистов (отчасти), железнодорожников, солдаток, трамвайных служащих и др.

Комитет вел работу не только в городе, но и по области, распространяя в ней свою газету, а иногда и посылая агитаторов; в ст. Тихорецкой была установлена прочная связь. Влияние партии росло.

Помню случай, ярко отразивший симпатии к нам рабочих. Гражданский комитет снял с работы Яна Полуяна, который был комиссаром милиции 4-го района. Рабочие, бросив работу, устроили грандиозную демонстрацию, длившуюся несколько часов.

В июне началось систематическая травля нашей партии. Некоторые товарищи были арестованы. При таких условиях пришлось проводить выборы в думу и несмотря ни на что все-таки провести 14 человек, среди которых были: Карякин, Лиманский, Седин, Вишнякова, Ян Полуян, Волик, Янковский, Семенов. Положение наше в думе было очень тяжелое. Часто идя на заседание, мы не были уверены, что вернемся домой, а не попадем за решетку. Выручали товарищи рабочие, которые во время предупреждали о грозящей опасности и помогали скрываться.

В конце сентября из Тифлиса был прислан артиллерийский дивизион, который в скором времени нам удалось хорошо с'агитировать.

При перевыборах в Совет мы получили абсолютное большинство от рабочих и дивизион дал полностью большевиков; в Исполком прошло тоже подавляющее большинство наших, председателем Исполкома был выбран т. Янковский. Это было в октябре, приблизительно 20-го числа. Мы повели работу, Совет стал наш. И вот, после событий в Питере, 27 октября, мы задумали забрать всю власть в руки советов. Было почти все готово; вдруг в ночь на 30-е октября был разоружен дивизион, арестованы члены Исполкома: т.т. Дрищ, Марочкин, Елена Полуян-Верецкая. К вечеру мы созвали заседание Совета, где постановили забастовать всем фабрикам и заводам, и на следующий день была об'явлена мертвая забастовка. Пани Вишняковой, Козлову и еще некоторым было поручено проникнуть в казармы казаков и повести работу так, чтобы они присоединились к рабочим, а на 2-е ноября был назначен митинг около солдатских казарм, куда собрались все рабочие Екатеринодара и дивизион,—всего тысяч 35 челов. Из комитета партии присутствовала только одна Паня Вишнякова; т.т. М. Карякин и Янковский были на с'езде. Только-что открылся митинг, как был окружен юнкерами, которые дали залп один и другой, результатом чего были убитые и раненые. Тогда мне пришлось прибегнуть к следующему: забежать в казачью казарму и повести агитацию для присоединения казаков к нам. Это быстро было сделано. Выдвинули 13 человек в комиссию для переговоров с дикой дивизией и войсковым правительством: два офицера казачьих и три рядовых, от совета — Паня Вишнякова, от дивизии и рабочих — остальные. Повели переговоры с окружающей нас дикой дивизией о прекращении стрельбы. Пришлось вести переговоры по телефону с Филимоновым. Дикая дивизия была отведена и нам удалось провести митинг до конца; на нем было постановлено: выяснить, сколько убитых и раненых, требовать возвращения оружия дивизиону, освобождения арестованных членов совета, предания суду виновных расстрела митинга. Все это было поручено комиссии. Митинг единогласно постановил вести мертвую забастовку до конца удовлетворения требований.

Комиссия устроила заседание и разбилась на две части: одна часть должна была выяснять убитых и раненых, а другая — отправиться на переговоры с войсковым правительством. Во главе комиссии стояла Паня Вишнякова, и ей нужно было отправиться с пятью человеками во дворец для переговоров с филимоновской сворой. Не могу обойти молчанием случай, который меня насмешил: ехала я с казачьим офицером, он мне и говорит, что «я не боюсь за себя, ибо меня избрали казачьи части и они меня поддержут, а вот за вас мне страшно, кто вас поддержит?». Не успела я ответить, как около ста рабочих, видя меня сидящую рядом с офицером, начали кричать: «Паня, вы что — арестованы?» — я ответила: «нет». Рабочие заявили, что: «а мы уже хотели принять меры». Ехавший со мной офицер был поражен. Тогда я ему сказала, что за меня власть Советов и все рабочие. Приехав ко дворцу, нам пришлось вести переговоры с Филимоновым и Шкуро. Они по отношению к нам приняли было поучительный тон, в особенности к делегатам военным. Я, видя, что здесь дело колеблется, выступила решительно, заявив, что мы — представители 35 тысяч человек и пришли говорить категорически, выставила им требование немедленно освободить арестованных членов совета: т. т. Дрица, Марочкина и Елену Полуян-Верецкую и других, возвратить дивизиону оружие, предать суду виновников расстрела митинга, дать Совету свободно работать. На это генеральство ответило, что оно не может сразу дать ответ, а должно посоветоваться с Радой, и просило нас прибыть через два часа. Выйдя из дворца, я удивилась, увидав товарищей-рабочих вокруг дворца на велосипедах и пеших. Они, оказывается, были присланы с заводов и фабрик ждать, и если нас арестуют, сделать вооруженное нападение. Я их успокоила и сказала, что нам пока нужно воздержаться от выступлений. Сделав сообщение делегации в комитете партии, которая тогда помещалась на Ростовской улице, в подвале, и дав ответ представителям рабочих, я снова отправилась во дворец, — это было в семь часов вечера. Шкуро сразу заявил мне, что «вы — Паня Вишнякова, и мы вас скоро арестуем, как большевичку, да еще секретаря». Я ответила: «я здесь и это можно сделать сейчас». Генерал дипломатично ответил, что здесь, как с делегатом, этого со мной не сделают, а там, не в их стенах, это будет сделано. Я запротестовала и заявила, что там этого не удастся. После маленькой пикировки перешли к деловому вопросу, казачьи представители были приглашены в военный отдел и начались переговоры по вопросу освобождения членов Совета. Нам ответили, что они большевики и их, как большевиков, арестовали, что возвратят оружие дивизиону только тогда, когда солдаты уйдут за-границу; я спросила: куда же — во Францию или им прикажут итти еще куда-нибудь. Генералы ответили: просто за границу Кубани, что Кубань для казаков, а не для иногородних. Здесь пришлось сказать им много иронических слов. В конце-концов нам об'явили, что все эти решения Городской Думы одобрены меньшевиками. Мы сказали, что будем продолжать забастовку до тех

пор, пока они не удовлетворят наших требований, и забастовка тянулась несколько дней.

Когда нам пришлось созывать Совет, нам негде было собраться и мы созвали его в народном доме, но как только открыли заседание, мы получили сведение, что двигается дикая дивизия. Решили разойтись. Один из меньшевиков, Михаил Сызов, вскочив на стол, заявил: «а, боитесь? Скоро будете пятки салом мазать, а те, которые не успеют бежать, будут висеть на столбах!». Нам стало еще ясней, что эта сволочь пошла на нас вооруженной силой.

В конце-концов, после длительной забастовки, арестованные были освобождены; относительно возврата оружия было послано в Тифлис на разрешение. Вскоре после этого нашим комитетом часть работников была разослана в смежные губернии для связи и переговоров о совместной борьбе: т. т. Волик и Дрищ — в Ставрополь, Ян Полуян — в Новороссийск, Карякин — в Туапсе. Мне было поручено, побыв здесь недельку, поехать в Ростов на-Дону. За эти несколько дней мне пришлось быть свидетелем нападения генералитета на железнодорожное училище, которое разгромили.

В Ростове я пробыла не долго. Возвратившись в Екатеринодар, я узнала, что товарищи, разосланные в другие места, еще не вернулись.

Необходимо было разослать агитаторов по станицам, но опытных товарищей никого не было. Пришлось выделить наиболее способных рабочих и солдат дивизиона и заняться с ними.

Первый выпуск агитаторов после трехдневной работы был 90 ч., второй 15 и третий 25.

Одновременно мы решили ввести специальное военное обучение, целью которого была баррикадная борьба. Эта работа была поручена т. т. Сухнину и Асаульченко.

Удалось с помощью железнодорожников достать оружие и вооружить Дубинку. Через некоторое время было получено еще два вагона вооруженья, разгрузить их однако, не удалось и мы переправили оба вагона на ст. Крымскую.

С товарищем Еленой я вскоре выехала в Новороссийск, где мы агитировали среди возвращающихся из Трапезунда войск. Нам удалось уговорить их сдавать нам ружья, патроны, пушки, пулеметы, а 500 человек и совсем перешли на нашу сторону. С ними мы двинулись на Кубань и завязался бой на Энеме.

Это было в 18 году в начале февраля. После продолжительного боя, мы были разбиты и наш командующий войсками т. Яковлев и т. Перов убиты. Нам пришлось отступить до Афипской, где пришлось перенести много тяжелого и я осталась в Афипской, а товарищ Елена с ранеными отправилась в Новороссийск. Ночью было дано подкрепление и назначен новый командующий тов. Серадзе. Мы снова начали бой. Снова мы потерпели поражение и тов. Серадзе был ранен и взят в плен. Меня и тов. Полуян взяли в плен, но нам удалось вырваться. Пробрались в наши части в Новороссийск. Меня посылают на южный

фронт в Тихорецкую в штаб Автономова и общими силами с двух концов нам удается взять Екатеринодар 12 марта 1918 г.—Это все дни Октябрьской революции, но со взятием Екатеринодара, еще не окончилась Октябрьская революция. В первые же дни был избран Совет рабочих с крестьянскими и казачьими депутатами и началась работа. Был созван Областной с'езд советов, где были представители и Черноморской губернии. Было постановлено об'единить Кубано-Черноморскую область вместе, но во время с'езда Корнилов стал наступать на Екатеринодар. С'езд целиком ушел на фронт бороться против Корнилова вместе с рабочими г. Екатеринодара, выступившими дружно, начиная с 60-летних стариков и кончая 10-летними мальчиками.

Паня Вишнякова.

Октябрь на Кубани и профсоюзы.

Профсоюзы на Кубани с первых дней февральской революции находились под влиянием и руководством меньшевиков. Влияние меньшевиков продолжалось относительно долго. Еще при выборах делегатов на III Всероссийскую Конференцию Профессиональных Союзов (в средине июня) кандидат меньшевиков на Пленуме Софпрофа, тогда называвшегося Центральным Бюро Профессиональных Союзов, собрал подавляющее число голосов.

При выборах в Городскую Краснодарскую Думу (август) Профессиональные Союзы также продолжали находиться в руках меньшевиков, хотя в низах рабочие массы уже в большинстве своем голосовали за большевиков, которые из 100 чел. гласных думы имели 16. Группа значительная, принимая во внимание, что в это время за большевиками шли только одни рабочие, тогда как в других местах России к большевикам присоединялись еще солдаты. Весь же Краснодарский гарнизон находился всецело под влиянием меньшевиков, что об'ясняется несменяемостью гарнизона в продолжении всего лета, во время которого искусно были захвачены все солдатские организации сторонниками меньшевиков и с.-р. Надо отдать справедливость работавшим в этих (солдатских) организациях в том, что они сумели удержать за собой эту цитадель агитацией и административными давлениями дольше всех других организаций. Эта «цитадель» сыграла позорнейшую роль в истории революционного движения на Кубани: она в июльские дни разгромила редакцию газеты «Прикубанская Правда» и, кажется, партийный комитет большевиков, чем вызвала против себя возмущение и негодование рабочих масс, вылившееся на заводских собраниях, на заседаниях городского совета и в резолюциях протеста и в еще больших денежных сборах на издание газеты.

Такое длительное влияние меньшевиков в профессиональных союзах на Кубани об'ясняется отсутствием достаточного революционного опыта и политического воспитания среди широких рабочих масс Краснодара, что в свою очередь имеет причины, лежащие в характере Краснодарской промышленности и в составе самого пролетариата. Промышленность Кубани мелкая, главным образом, пищевая. Совсем отсутствует индустрия. Пролетариат вырос на Кубани, не вываривишись в индустриальном котле. К тому же имеет маленькую собственность в виде домиков и пр.; конечно не весь поголовно. Группа активных большевиков в 1917 г. была настолько незначительна, что она с большим трудом обслуживала только аппарат партийного комитета. У нее не было

достаточно сил для посылки работников в профессиональные союзы. Характерно то, что завоевание союзов в сентябре 1917 г. произошло не путем перевыборов правлений и посылкой туда новых своих партийцев, а путем идейного на них воздействия.

Дело в том, что руководители Краснодарских союзов в 1917 г., шедшие с апреля по сентябрь за меньшевиками и с.-р., в большинстве своём были беспартийными или вступившими в одну из названных партий летом 1917 года. Поэтому руководителям союзов легко было перейти от меньшевиков и с.-р. к большевикам вместе с остальной рабочей массой, которую они об'единяли. Правда они перешли несколько позднее, чем сама масса, но это об'ясняется тем, что они чаще соприкасались с меньшевиками и подвергались их влиянию.

Профессиональные союзы Краснодара, вместе с Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, перешли под влияние и руководство большевиков только к моменту выборов на Всероссийское Демократическое Совещание (Петербургское) в сентябре месяце. И от союзов и от Совета Рабочих Депутатов поехали на совещание кандидаты большевиков.

После Всероссийского Демократического Совещания рабочая масса Кубани все больше и больше не только левела, но и приобретала революционную активность и действенность. Профессиональные союзы на Кубани сделались единственной после Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, активной массовой силой, на которую опирались большевики.

Земледельческая казачья буржуазия на Кубани, чувствуя непрочность положения временного правительства, и будучи не удовлетворена его половинчатой и неопределенной политикой, начала группироваться около комиссара временного правительства Бардижа (к.-д., член IV-ой Государ. Думы), выдвинув лозунги: «Власть на месте» и «Кубань для кубанцев».

С этой целью созывается казачий с'езд — Рада. На местах в отдельских городах и станицах, насчитывающих большое количество «иногородних» или «городовиков», как их называет казачество, зреет недовольство политикой Бардижа. Этот, пришлый из России элемент, уже осевший и имеющий свое хозяйство на арендной казачьей земле или занимающийся ремеслом, был страшно неудовлетворен своим положением, которое не изменилось и со времени революции.

Их положение в станице было положение низшего класса, на который накладываются все налоги, но которому не дают никаких прав.

Меньшевики и с.-р., также чувствуя непрочность своего положения в Центре, выбрасывают лозунг «Оздоровление России с окраин», т.-е. образование власти на местах, а потом уже об'единение этих «оздоровленных» единиц. Сказано-сделано. Постановляют созвать С'езд иногородних одновременно с казачьим С'ездом, с тем, чтобы опираясь на недовольное иногороднее население, разделить власть с казачьей земледельческой буржуазией.

Открывается С'езд иногородних. Большевики имеют незначительное число своих последователей. Они составляются из представителей профессиональных союзов (основа большевистского влияния) и городских советов. В общем незначительная кучка. Наибольшее влияние имеют с.-р. (они вели работу в станицах), после них меньшевики, и в общем эти беспрерывные союзники торжествуют победу. Президиум с'езда целиком составляется из них. С'езд идет. За кулисами его руководителями ведется торговля с руководителями землевладельческой казачьей буржуазии Бардижем и пр. об органе власти. Большевики, руководимые Яном Полуяном, на С'езде так же делают успехи. С'езд открывался при подавляющем влиянии меньшевиков и с.-р., но по истечении 4 — 5 дней, делается большевистским. Станичники, оторванные от городов и правильной информации о происходящих политических событиях, попав на С'езд и встретив впервые лицом к лицу большевиков, сами делаются большевиками. Когда дело дошло до принятия резолюций то... об'единенная резолюция меньшивиков и с.-р. была отвергнута и принята большевистская. Неожиданный конфуз. Пока «вожди» соглашателей преуспевали над Бардижем, большевики завоевали массы.

Начинаются махинации. Переносят вопрос на обсуждение делегатов по отделам. Нажимают, пугают разрывом с казаками и пр. В конце концов добиваются переголосования и с большим трудом протаскивают вопрос. В это время, когда проходил С'езд, в центре произошел захват власти Советами.

А весь вопрос С'езда иногородних заключался в том, чтобы высказаться о власти и образовать власть. Меньшевики и с.-р. призывали к об'единению с казачеством посредством создания об'единенного «органа власти», с тем «казачеством», которое руководилось комиссаром, уже не существовавшего к концу С'езда, временного правительства и атаманом казачьей буржуазии. Большевики тоже призывали к об'единению с трудовым казачеством, в стенах Советов Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов, сделав их органами государственной власти. Вот сущность борьбы на С'езде. Большевики фактически победили — делегаты С'езда уезжали большевиками.

В происходившей борьбе на С'езде и около С'езда союзы играли колоссальную политическую роль. Их представители были тем окрепшим ядром, на которое большевики могли опираться и собирать силы.

После С'езда было создано Кубанское правительство. Со стороны Новороссийска начали уже группироваться вооруженные большевистские силы, а в декабре начались бои между войсками Кубанского правительства и большевистскими отрядами. 1-го марта ст. стиля 1918 г. большевики с боем заняли Краснодар. За этот период, период от С'езда иногородних до занятия города, профессиональные союзы в Краснодаре были разгромлены штыками покровцев, в помещениях союзов ломалась мебель, кололись штыками портреты вождей рабочего движения, рвались книги и пр.

С приходом Красных войск, все разгромленные рабочие организации стали оживать и восстанавливаться, залечивая раны, нанесенные контр-революцией.

Таким образом, несмотря на целый ряд причин об'ективного характера, поставивших пролетариат Кубани в тяжелые условия борьбы за власть Советов, он все же, не останавливаясь перед жертвами. совершил свой Октябрь только на 4 месяца позже Всероссийского Октября.

М. Розов.

Воспоминания из революционного прошлого 1918 года.

Я прибыл из армии в конце декабря 1917 г. в станицу Подгорную, Лабинского отдела; последняя расположена от Армавира верстах в 95 — 100, в самой предгорной полосе. Население станицы состояло пополам из казаков и иногородних крестьян, последние, главным, образом состояли из бедноты.

Мало понятный, даже неведомый для некоторых революционный пожар, происшедший в центральной России в октябре, большинству жителей был еще очень тускл, не ясен. Никакой революционной жизни, энтузиазма заметно не было, особенно в хуторах, которые находились в горах-трущобах, как например, хутор Щелканка, где было полное отсутствие даже маленьких знаний о происходившем. Только по инициативе прибывших из армии солдат-большевиков, шла запись иногородних в союз крестьян. Организация, как-то не ладилась, т. к. в союз не все охотно шли из-за членских взносов, да и поступавшие деньги от взносов расходовались инициаторами не на нужды организации, а на свои личные, что удерживало и остальных от записи. Более живая работа, чисто организационного характера, заметна стала только после окончившегося районного Земельного с'езда, состоявшегося в сел. Козминском по инициативе революционера-большевика Ивана Прохоровича Пузырева, имя которого знала вся горная полоса станиц. Этот с'езд, безусловно внедрил крестьянам революционный дух и расшевелил их к самодеятельности. Много привозили с собой революционной энергии и духа солдаты-фронтовики, прибывавшие из армии.

Организованная уже группа союза крестьян и прибывших солдат, в числе коих находился и я, повела мирную агитацию за организацию Совета в станице, но в это же время не спали и агенты краевого правительства, посылаемые с агитацией по области, проводя одновременно выборы на Краевой с'езд, созывавшийся, кажется, в первых числах января 1918 г. При выборе делегатов от населения, нам пришлось тут выдержать первый бой с организованной группой кулаков-казаков и казаков-офицеров, как-то: Калединым, Лиманским, и др. за наказ, который должны были взять с собой на с'езд делегаты. Однако победа после больших дебатов оказалась за нами, наказ выработанный мною о недоверии краевому правительству и о восстановлении на Кубани Советской власти, прошел целиком.

Агитация за организацию Советской власти вскоре увенчалась успехом. Совет был избран, первый в то время в горной полосе станиц.

Секретарем Совета, оказался я, иногородний. Председателем остался бывший атаман Зотолокин, казак, ставший впоследствии ярым сторонником Советской власти и погибший при отступлении Красной армии с Кубани; остальные члены были: два казака и один иногородний (заместитель председателя). Секретарство мое всетаки оказалось непродолжительным. Против меня поднялась агитация офицеров, — Совет был переизбран. Я оказался вне Совета, как-бы прибывший неведомо откуда на их-де казачье сало. Но состав Совета все-таки остался, почти целиком, тот же, за исключением меня. Таким образом, атаманской власти в станице больше не стало.

Через некоторое время, по инициативе Армавирского Ревкома и по предложению, почему-то называвшегося организатором Отдельского с'езда, и. д. атамана отдела, под'есаула Кособрюхова, о выборе на с'езд делегатов по два человека от казаков и иногородних, в числе последних оказался и я, выбранным от иногородних. С'езд оказался в полном сборе в количестве 251 делегата, который под умелым руководством старого революционера А. Г. Макеева, убитого впоследствии в Баталпашинске белогвардейцами, разрешал свои наболевшие веками вопросы единодушно и работа с'езда была 31-го января, 1-го и 2-го февраля 1918 г. закончена, несмотря на громоздкость вопросов (тринадцать), в числе которых главными были:

1. Текущий момент. События в Краснодаре и отношение населения к ним.
2. Отношение к краевому правительству, Раде и Юго-Восточному Союзу.
3. Организация Советской власти в Лабинском отделе.
4. Организация на местах постоянных Советов народных депутатов (Исполком).
5. Отношение к центральной власти и Совету Народных Комиссаров.
6. Учредительное Собрание.
7. Отношение к Красной Гвардии и др.

По первому вопросу с'езд определенно заявил, что единой и сильной властью в крае должна быть только власть Совета. По второму пункту с'езд единогласно выразил свое негодование краевому правительству и Раде, которые вели край к экономической разрухе, а население к вражде, раздору и взаимоистреблению и требовал немедленного сложения незаконно присвоенной власти. Такое же решение было вынесено и Юго-Восточному Союзу. По пунктам третьему и четвертому было признано необходимым организовать на с'езде временный Совет Народных Депутатов, как высший орган в Лабинском отделе, организовав таковые немедленно и в станицах. По пятому вопросу, о Совете Народных Комиссаров, с'езд признал его за руководящую власть в России. Относительно Учредительного Собрания с'езд вынес постановление прекратить по Лабинскому отделу выборы в таковое, как в учреждение, не выражающее воли трудящихся, признав единственным выражением воли последних—Всероссийский с'езд Советов. По седьмому

вопросу, т.-е. об отношении к Красной гвардии, с'езд приветствовал организацию таковой, не только в городах, но и в станицах, как защитницу завоеваний революции.

Сконструированный по проекту I-го с'езда Исполнительный комитет должен был состоять: из 9 комиссаров, 9 товарищей, 9 секретарей и 8 членов. В состав Комитета вошли: Председатель Исполкома Безверхий А. С., секретарь Алифанов, военный комиссар и тов. председателя Погорелов, ком. юстиции Комаров М., секретарь Мещеряков М. Д., ком. финансов Хвостиков, ком народного просвещения Донеков А. Г., ком. здравия и труда Полторацкий, ком. продовольствия и торговли Аникин, секретарь Демиденко, ком. земледелия Кислицын и ком. путей сообщения Поповский Г. К.

В комиссариатах работали и остальные секретари, а именно: Зиновьев, Денисов, Сершенко и Арталенко. Не имели определенных назначений, участвуя лишь на заседаниях пленума, за исключением некоторых из них, по замещении комиссаров: Ермоленко, Костюченко, Петровский, Тарасов, Дорохов, Запорожец, Тульский, Хотин, Луценко, Емельянов, Ломов, Попов, Тупиленко, Лучанинов, Слепухин и Есаулов.

С'езд по окончании своих работ и выборов состава Исполкома, целиком влился в 1-й Областной с'езд, который тоже одновременно был созван в Армавире по инициативе Организационного бюро в лице: Председателя И. П. Пузырева, тов. его Гайченец и секретаря Борисенко. На с'езде не преминул показать себя и авантюрист Никитенко, князек автономной ст. Гулькевичи, называвший себя областным комиссаром.

Наладить сразу работу, при отсутствии старых и опытных революционеров, не имея совершенно никаких указаний было трудно; Исполком сразу наткнулся на целый ряд затруднительных вопросов. Комиссариаты работали ужасно слабо. Неопытность и отсутствие знаний помогли этому. Мало-мальски работали только те комиссариаты, во главе коих стояли люди из более смелых и предприимчивых товарищей, которые брали на себя смелость не бояться за последствия. Был элемент и совсем чуждый Советской власти. Таковыми были: военный комиссар Погорелов, убитый впоследствии красными в рядах белых, финансов— Хвостиков, не лучше был и комиссар здравия и труда Полторацкий. Нужно отметить заслуги смелого и выдающегося своей исполнительностью члена Исполкома т. Запорожца, жителя ст. Курганной; были случаи, когда тов. Запорожец по поручению Исполкома один ездил обезоруживать реакционные станицы, забирая у них пулеметы, а в то время в станицах отдела реакция из верхов казачества, и офицеров действовала во-всю. За короткое время тов. Запорожец многих членов с'умел вооружить револьверами, которых достать было совсем не легко. Таков был и лабинец тов. Ломов. Зря и напрасно тратилось время, чуть-ли не ежедневно на разговоры с красногвардейцами 1-й и 2-й рот, где был элемент подобран довольно таки сомнительный. Нервировала и отвлекала много времени стрельба с белогвардейцами ст. Прочноокопской, которые посылали свои снаряды из орудий по городу

с фордштадта. Это тоже на некоторых действовало удручающе и работа, конечно, им не особенно шла на ум.

Заседания Исполкома происходили в «Северной гостинице», почти ежедневно по вечерам, где была общая столовая и квартиры членов. Вопросы вносились все нужные и ненужные, даже самые мелочные. Каждый комиссар старался вносить их на разрешение пленума Исполкома. Президиум Исполкома, возглавляемый Безверхим А. С., тоже был до невозможности слаб, и без инициативы и к тому же не обладал ни малейшим самолюбием, а это очень и очень умаляло значение Исполкома. Зная такую слабость, красногвардейцы часто врывались в Исполком, а впоследствии и на заседания пленума, с ног до головы вооруженными, пред'являли разные требования. Переизбрать же президиум т.-е., главным образом, председателя Исполкома не имели права, т. к. председатель избирался общим с'ездом путем подачи записок, и почему-то обязательно, должен был быть из казаков.

Этот с'езд состоялся только в середине марта, хотя Исполкому было поручено созвать таковой на 28 февраля. Отличался он тем, что на нем уже участвовали не делегаты от населения, а представители станичных и сельских советов, которые были организованы на местах после 1-го с'езда. Не помню, кто председательствовал на этом с'езде, но работа протекала весьма деловито, тут, конечно, да и на других подобных с'ездах, когда аудитория настроена единодушно, а мысли направлены к единой коллективной цели, не было необходимости в большом умении управлять массой, которая сама не горячась, хладнокровно и спокойно, разрешила насущные вопросы, внося их через президиум с'езда. Таков был и 2-й с'езд.

Выборы состава Исполкома происходили персонально, но уже по другой структуре, т. е. председатели и комиссары не избирались с'ездом. Кандидатуры выставлялись общим с'ездом, но строго всесторонне обсуждались. Партийных группировок тогда еще не было, но в душе и по своему социальному положению были все большевиками, каковыми они и называли себя.

Нужда в руководящих указаниях, которую ощущал и 1-й состав Исполкома, не сгладилась, а наоборот все увеличивалась, т. к. работа ощупью, без широкого розмаха, не могла удовлетворить ни Исполком, ни массы, да и сама жизнь требовала все больше и больше инициативы. Приходилось работать так, как подсказывала мысль, личная и коллективная. Состав президиума, во главе которого оказался Г. К. Поповский, работал уже смелее, да и был положительней во всем. Но все-таки людей грамотных с революционной инициативой было мало. Исполком прежнего состава изменился незначительно, но количество его членов было увеличено до 51 чел. Работа Исполкома главным образом была направлена в станицы. Участившиеся конфликты между иногородними и казаками, которые разжигались контр-революционным элементом, слетевшимся со всех сторон в казачьи станицы, требовали поездки на места членов Исполкома, но и здесь президиум Исполкома не всегда

мог быстро командировать таковых, т.-к. способных толково раз'яснить суть дела не оказывалось. Не мало возмущали население контрибуции, накладываемые появившимися в станице отрядами красногвардейцев и просто группой темных дельцов. Не бралась таковая лишь в тех станицах, где были свои вооруженные отряды, куда посторонние не заглядывали, но были случаи, когда и от своих населению не легче было. Контрибуция накладывалась не только на кулаков, но и на средняков, как например, в ст. Надежной, где начальник отряда Свинарев даже расстреливал за невзнос полной суммы, т.-к. многие жители собрать таковой не могли, несмотря на то, что имущество их было все продано. Изданный Исполкомом приказ, категорически запрещавший брать контрибуцию без его санкции, на некоторых не подействовал, но лозунг «власть на местах» одерживал верх.

Значительный недостаток средств тоже не мало путал все карты. т. к. довольствие Красной гвардии, которая все увеличивалась в Армавире в виду угроз городу со стороны Прочноокопской, оплата жалованья и т. п., —требовали колоссальных расходов.

Командированные в Москву с составом хлеба т. т. Остроушко и Ткаченко, которые ожидались с деньгами и руководящими указаниями,— не явились в свое время. Пришлось, в силу необходимости, печатать на своих станках Армавирские твердые чеки, сглаживая острую нужду Исполкомов и Красной гвардии. Последняя, по привычке в своих свободных и безнаказанных действиях в станицах, не раз производила аресты членов Исполкома, за исключением председателя Исполкома т. Поповского, за то, что Исполком не удовлетворял разгоревшиеся аппетиты; конечно, члены Исполкома тут же освобождались. по настоянию Поповского, авторитет которого в то время был велик. Организованный в Армавире штаб войск, среди Красной гвардии авторитетом не пользовался и при своем желании поднять его не сумел. Поэтому и очистить ряды Красной гвардии от элемента негодного и даже преступного Штаб тоже не мог, за отсутствием надежной реальной силы. Были даже неоднократные попытки со стороны гарнизона к аресту руководителей Штаба Хропыгина, Точинова и Василенко.

Наступившее затишье на время военных работ на местах, позволило было Исполкому приступить к налаживанию телефонной сети со станицами; намечался план по устройству шоссейных дорог и даже электрофикации Кубани. Не спали в это же время слетевшиеся опричники царского правительства, подпольная огранизация шла у них во всю, а с'езды, главным образом, происходили в степях. Уследить, конечно, благодаря нашей неорганизованности не было возможности, но предчувствие все же предсказывало бурю. Работа Исполкома в дальнейшем шла уже веселей; Областной Исполком свою работу перенес в Краснодар и, после второго с'езда, она шла довольно таки хорошо, поступали уже те или другие указания, распоряжения и т. п. Правда было время, когда планомерная работа прерывалась из-за конфликтов, которые возникали между Автономовым, главкомом С.-Кавказской Республики

и областным Исполкомом, конечно, от конфликтов прежде всего страдала работа на местах, т. к. Отдельскому Исполкому такие конфликты не были ясны, а категорические предписания, поступавшие то от Автономова, то от Исполкома требовали неподчинения то Автономову, то обл. Исполкому. Громадное влияние оказали в то время на ход революционного движения на Кубани организованные, революционно настроенные полки: Дербентский, Бакинский, Кубанский и др. 39 дивизии, прибывшие еще в средине лета с Кавказского фронта на отдых в Кубанскую область. Так скачками шла и протекала работа в Лабинском отделе до 3-го с'езда Советов, который собрался в средине июня 1918 г.

На этом с'езде уже единство отсутствовало. Большевики и, появившиеся на сцену, левые эсеры в некоторых вопросах не сходились, единодушия не было. Из числа представителей, прибывших на с'езд от станичных и сельских советов, много было элемента зажиточного и чуждого Советской власти. Помню, как этот элемент при регистрации называл себя большевиками, получая красные мандаты, но узнав, что есть другая партия, партия левых эс-эров, тотчас же подходил к регистрационному столу и просил заменить красный мандат на зеленый, которые выдавались сторонникам левых эсеров. Здесь уже, т.-е. на с'езде, каждый вопрос предварительно штудировался во фракциях, после чего он принимался с'ездом, но уже не единогласно. По некоторым станицам в это время уже начались восстания, к ликвидации которых с'езд принимал через Исполком соответствующие меры, это был признак того, что враги пролетариата подготовлялись во время затишья. Дальнейшая работа с'езда не знаю, как протекала. Я и тов. Седюк неожиданно получили из Областного Исполкома телеграмму о выборе двух делегатов и о посылке их немедленно на станцию Тихорецкую для дальнейшего следования с остальными делегатами областй в г. Москву на 5-й Всероссийский с'езд советов; тут же после избрания нас с'ездом делегатами от Лабинского отдела и по получении полномочий, мы оставили на продолжительное время бывш. Лабинский, а теперь Армавирский отдел.

М. Мещеряков.

Октябрь 1905 г. в Екатеринодаре.

Неудачная для самодержавия Русско-Японская война 1904 — 1905 года, и зверский расстрел Питерских рабочих 9 января, вызвал ненависть к правительству царя, не только в рядах рабочих, но и во всех мелко-буржуазных и даже буржуазных группах.

Зная по опыту, что вообще ни одно правительство от своих прав добровольно не отказывается, а самодержавное правительство особенно упорно боролось со всякими реформаторскими наклонностями, наша буржуазия вынуждена была революционизировать рабочих и создавать антиправительственные демонстрации. Путем демонстраций и разного рода постановлений, (городских дум, земских собраний и проч.) буржуазия рассчитывала добиться от правительства уступок — т.-е. добиться участия в управлении страной.

Обладая огромными денежными средствами, но не имея боевой армии, способной выйти на улицу и открытой грудью стать против царской дисциплинированной армии, и кадра наемной армии городовых и жандармов, буржуазия хорошо зная, что противоправительственная армия — это рабочий класс, который в момент событий (1905 г.) не имел своей крепкой организации, решила использовать рабочих в собственных интересах.

Желая вынуть из огня горящие для себя каштаны, наши екатеринодарские буржуа охотно давали деньги и предоставляли помещения как для нелегальных собраний, так и для хранения и печатания нелегальной литературы (в Краснодаре давали деньги и помещения: нотариусы, адвокаты, доктора, домовладельцы и купцы).

Если буржуазия хотела использовать рабочих, то и наша социал-демократическая партия, которая действительно находилась первоначально в тяжелых условиях, входя в соглашение с буржуазией, преследовала ту-же цель: использовать буржуазию в борьбе с царским правительством, а потом победив самодержавие вместе с буржуазией, продолжать борьбу за полную победу трудящихся, уже самостоятельно.

Такое взаимоотношение Екатеринодарской социал-демократической партии (в то время отдельной большевистской фракции не было, как большевики, так и меньшевики были вместе) с буржуазно-демократическими группами и даже с буржуазией, продолжалось до тех пор, пока рабочие были слабы, и по слабости казались послушными, но когда рабочие об'явили всеобщую экономическую, а потом и политическую забастовку, буржуазия охладела в «любви» к рабочим, а затем,

добившись себе прав заседать в Государственной Думе и Государственном Совете, буржуазия вместе с царским правительством стала преследовать рабочие организации.

Подготовка к октябрю 1905 года.

Работая в качестве котельщика подручного, на чугунно-литейном заводе быв. В. В. Петрова и Сушкова (по Соборной ул. у пароходной пристани) я, равно и другие рабочие знали, что в праздничные дни за Кубанью собирались социалистические собрания. В обеденный перерыв и утром до начала работы, рабочие собравшись группой расспрашивали побывавших на собрании о новостях, обсуждали военные события и носившиеся слухи, о происходящих забастовках, в промышленных крупных центрах. Благодаря тому, что все эти обсуждения были открыты, хотя и не носили митингового характера, самосознание рабочего, естественно революционизировалось; завод Петрова постепенно начал занимать первенственное положение в рабочем движении по городу Екатеринодару, но несмотря на все благоприятные условия, для подпольно-организационной работы, таковая, за отсутствием опытных организаторов, велась слабо, наши рабочие, между прочим, поговорив о событиях, все же попрежнему оставались в незнании истинного значения происходивших событий, не знали что делать и к чему готовиться.

Если такое сравнительно хорошее положение занимали рабочие металлисты, то рабочие других заводов, где было мало квалифицированных рабочих, и состав их пополнялся новыми товарищами из местных жителей полурабочих (к заводам таким следует отнести мельницы, маслобойные заводы, пивоварни и винный склад), были совершенно не подготовлены к организованной борьбе.

Громадное большинство рабочих г. Екатеринодара находилось в душевном и телесном рабстве своих хозяев. Хозяин у них был кормилец, а царь дороже отца родного и бог земной. Проще говоря, наши рабочие, получая от 40 до 70 к. в день и работая 10—12 ч. в сутки, хозяина почитали, праздники признавали и жили как будто очень хорошо, а что не хватало от получки до другой получки, так это пустяки — можно было взять вперед — хозяин верил хорошим рабочим. Несмотря на нищенское и рабское свое положение, наши Екатеринодарские рабочие, находясь в тройных тисках — попа, хозяина и полицейского, своих тиранов, молчали до тех пор, пока питерские, московские и другие рабочие промышленных центров не вырвали силой манифест 17 октября 1905 г., о признании за народом права собираться и обсуждать свои вопросы.

Как прежде наши рабочие не понимали того, что их трудом жили, хозяева, так и в момент об'явления манифеста 17 октября, наши рабочие не поняли истинного смысла «дарованной» им царской милости.

Царское правительство, проиграв войну японцам, и устроив кровопускание питерским рабочим, увидело, что само не в силах дальше управлять, а потому пошло на уступку буржуазии. В своем манифесте 17-го октября, правительство обещало буржуазии Государственную думу, а рабочим, чтобы обмануть и успокоить, свободу собраний и союзов.

Не зная подлой хитрости пресвятой тройцы (попа, хозяина и полицейского), наши рабочие приняли царский манифест по настоящему за великую к себе милость. Но несмотря на это, рабочие зашевелились, царский манифест развязал им руки, они заговорили о помещиках и об улучшении своего положения, но царь остался попрежнему их святыней, даже больше того, многие, по наивности и темноте утверждали, что Александр второй уничтожил барщину и крепостное право, а Николай второй освободил рабочих и отдает землю крестьянам; так наши рабочие были настроены в октябре 1905 года.

Совсем по-другому была настроена в то время черная сотня — монархисты и наша социал-демократическая рабочая партия. Черная сотня, возглавляемая попами, помещиками и вообще всей царской сворой, с болью в душе и с зубным скрежетом против рабочего движения встретила весть о даровании свободы. Они боялись, что темный, глупый народ может не удовлетвориться пустыми обещаниями и восстанет по-настоящему, а потому постарались еще больше овладеть душой рабочего и крестьянина. С этой целью, они организовали в Екатеринодаре грандиозную патриотическую манифестацию, а спустя несколько дней, в ответ на противоправительственную демонстрацию, устроенную нашей соц.-демократ. организацией, устроили погром под покровительством и руководством полиции. Черная сотня, как и царское правительство, сознательно действовало, и в первое время достигло желательного результата, масса пошла на манифестацию, служила благодарственные молебны, молилась за здравие царя-батюшки, но не пошла за нашим Красным знаменем. Демонстрация почти провалилась.

Начало забастовки.

Потерпев неудачу на демонстрации, наша партия увидела, что рабочего нужно брать не с политики, а с экономики, нужно сначала открыть рабочему его первого врага в лице его хозяина. В двадцатых числах октября, после устроенного митинга на заводе б. Петрова, рабочие забастовали и массой пошли снимать с других заводов и предприятий. В первый день забастовки — рабочие бросили работы кроме завода Петрова: 1) по постройке железной дороги, 2) завод чугунно-литейный б. Гусник (теперь Славянин), 3) Шевцов-Нагорный и К-о (мотор), 4) мельница Дицмана на Сенбазе, 5) маслобойный завод б. Проценко по Ростовскому бульвару и ряд мелких мастерских, расположенных в районе Сенного базара. Всего забастовавших рабочих насчитывалось приблизительно человек 450. Покончив работу по снятию

рабочих с работы, наш руководитель повел нас на выгонную площадь у ссыпок.

Несмотря на то, что царь дал свободу собраний, большинство рабочих побоялось полиции, и не пошло на площадь, но первое собрание забастовавших, при незначительном числе собравшихся (человек 40 — 50) все же состоялось. На первом собрании было решено, забастовку продолжать и на другой день утром снова собраться тут же, чтобы выработать наши требования и снять остальных рабочих.

Второй день забастовки.

Убедившись в том, что полиция их не разогнала, на другой день, рано утром рабочие потянулись к ссыпкам. Часам к восьми почти все рабочие собрались. Перед началом собрания, руководители забастовки начали раздавать отпечатанные на гектографе, написанные наши требования, но в момент раздачи к митингу на трамвае приехал Екатеринодарский полицмейстер Черник и несколько полицейских чиновников (пристав и околоточные); завидев приближающуюся здоровенную фигуру всем известного полицмейстера Черника и его свиту, многие из рабочих бросились в рассыпную, но руководители скоро успокоили массу и восстановили порядок. Подойдя вплотную, полицмейстер поздоровался, называя нас «братцы». На вопрос Черника, что за народ и почему собрались, ему ответили, что забастовка рабочих на экономической почве. Получив уверение, что мы проводим мирную экономическую забастовку, полицмейстер просил не бунтовать (не громить предприятий и не трогать администрации), а с своей стороны пообещал не вмешиваться в забастовку. Уходя, он произнес здравицу Николаю второму, и получив в ответ «ура», удалился от забастовочного горизонта, а мы приступили к обсуждению наших требований.

Наиболее основные пункты требования: 1) 8 часов. рабоч. день без понижения платы. 2) Уплата за забастовку. 3) За забастовку никто не должен быть уволен. 4) Вежливое обращение (обязательно на вы). 5) Отмена штрафа и обыска. 6) Бесплатная баня 2 раза в месяц. Всего требований было до 18 пунктов; все требования нами были приняты без прений. Собрание закончено при общем большом под'еме.

Обещание полицмейстера не трогать нас, забастовщиков, поддало смелости. Окончив собрание, вся масса, по выгонной стороне направилась в завод б. брат. Аведовых (Саломас). Снявши рабочих во всех мельницах и мастерских на пути к Саломасу и в самом Саломасе, всей массой двинулись на Дубинку, где сняли рабочих маслобойного завода б. барона Штенгеля, макаронной фабрики б. Коваленко, труб. завод барон. Штенгеля, стеклянного завода и друг. Покончив с Дубинкой, направляемся в город, но оказалось, что еще до нашего прихода, рабочие мельницы б. Дицман (ныне имени Калинина) и трамвайного депо, бросили работу и разошлись по домам. Имея направление в городской сад, все двигаемся по Екатерининской улице. Не доходя до

«Новой Баварии» (пивоваренный завод на углу Котляревской), наш главный руководитель оратор Николай, идущий впереди всех, встретился с идущим нам навстречу приставом первого участка Журавель (летом 1907 г. был убит террористом Бабским), поровнявшись с нами, пристав спросил у Николая, «что это за народ и что всем нужно». Тов. Николай наверное знал этого свирепого пристава и, торжествуя победу в проведении всеобщей забастовки, резко ответил приставу: «это всеобщая забастовка рабочих, вам нет до нее дела»; на какое-то замечание пристава, Николай ответил, «пошел вон, мерзавец», пристав покраснел от злости, но ни слова не говоря быстро удалился, а мы продолжали свой путь. Покончив со снятием рабочих пивоваренного завода и винного склада, тысячная масса забастовавших дружно прибыла в городской сад. Собрание должно было состояться в помещении летнего театра, но не оказалось ключей. Пришлось ожидать, а пока разыскивали ключи, пристав Журавель успел облетать нужные ему места, и совместно с полицмейстером Черником, который обещался не вмешиваться в забастовку, и усиленным отрядом полиции и казаков оцепил всех собравшихся.

Завидев полицию, наше собрание, в котором было много женщин пришло в паническое состояние, многие в том числе и женщины бросились через забор с набитыми в верху гвоздями, цеплялись за гвозди, рвали платье, а те у кого было крепкое платье повисли на заборе.

Оцепив наше собрание полицией, а городской сад конными казаками, полиция задерживала решительно всех бегущих и направляла в определенное место для выхода. После поверхностного осмотра, всех освобождали. Главное ядро забастовщиков, а также и виновник тов. Николай, которого так усиленно искал пристав Журавель, остались на месте и вступили в словесную войну с полицмейстером, ссылаясь на его обещание не вмешиваться, мы требовали увода полиции, но наши разговоры ни к чему не привели, полиция не уходила. Первое грандиозное собрание рабочих в Екатеринодаре 1905 г., полицией было сорвано, но тов. Николая мы не выдали. От мерзких рук кровожадного пристава Журавля тов. Николая сохранили тем, что в момент прихода полиции мы его переодели в рабочий костюм. Второй день нашей забастовки закончился не совсем удачно, но это не подорвало нашего единодушия, забастовка приняла всеобщий характер. Для руководства забастовкой был избран забастовочный комитет, который и вел переговоры с предпринимателями. Наша забастовка закончилась через дней 8 — 9 полной нашей победой. Все требования были удовлетворены. Только завод Гусник отказался от введения 8 час. рабочего дня, был установлен 9 час. день.

Октябрь 1905 г., при дружной нашей стачке, принес нам победу, но эта победа была минутной победой,— спустя полтора-два месяца предприниматели отказались от 8 час. рабочего дня и всех остальных наших завоеваний.

И. Павлюков.

Октябрь 1917 года в Геленджике.

Геленджик издавна известен, как естественный маленький, тихий курортный уголок для публики со слабыми кошельками; крупной буржуазной осетрины в Геленджике прежде не водилось, но война с немцами закрыла заграничные курорты, а потому и у нас, в Геленджике, завелся местный, сытый буржуа и даже княжество Гагарина.

С началом революции в Геленджике был большой приезд «курортников» и, конечно, не из большевистской рабочей массы, а самой настоящей мелко-буржуазной и отчасти «корниловского толка». Имея лишь один цементный завод с тремя сотнями рабочих (в мирное время работало до 1000 чел.) и несколько десятков полурабочих, можно себе представить, насколько было развито рабочее движение в нашем курортном Геленджике.

Если революцию в целом в Геленджике открыто мало ругали, то большевиков поносили решительно на всех перекрестках и даже в Совете, который находился в безраздельном владении эсерствующей публики.

Наши старые подпольные большевики из рабочих цементного завода, составляя в последнее время (в июльские дни) группу в 3—4 человека, были предметом общего посмешища. Такое положение осталось бы на долгое время. Но в один тихий приятный курортный день, когда буржуазия, что называется, благодушествовала, внезапно для Геленджика расступилось море, а оттуда вылез большого роста, пожилой и старый большевик, тов. В. Н. Лосев. Так как тов. Лосев, активный большевик, приехал с верховья Волги, где большевики уже завоевали себе славное имя, он быстро понял настроение масс и, как подобает большевикам, один пошел штурмовать эсеровско-буржуазные твердыни.

Первое выступление тов. Лосева, а также большевиков в июльских событиях вызвали бурное негодование буржуазии и великую радость нашей маленькой рабочей группы.

Несмотря на то, что тов. Лосеву не давали говорить, после этого митинга рост и влияние нашей группы начали усиливаться, а, спустя короткое время, рабочий центр цементного завода находился под нашим влиянием. Корниловское выступление окончательно доканало эсеров и меньшевиков и рабочие перестали им верить, но крестьянство находилось под влиянием эсеров.

Начала гражданской войны на Кубани Геленджик не ощущал, он жил своими обособленными интересами. В Совете же постепенно развивалось наше влияние, а к началу 1918 года составилось наше большинство. Пользуясь создавшимся соотношением сил, Совет произвел

перевыборы президиума Исполкома. Победа досталась большевикам. В председатели Исполкома был избран демобилизованный товарищ Шашенко, Вас. Ив. Эсеры всюду и везде устраивали саботаж, всемерно помогали контр-революционерам. Школьные работники (руководители Совета), участковая больница и проч. учреждения настойчиво требовали денег, а денег не было.

Пользуясь покровительством Черноморского флота, наш Исполком поставил вопрос об изыскании средств; однако, перебрав все доходы Геленджика, пришел к заключению, что не откуда было взять денег. Решили обложить контрибуцией геленджикскую буржуазию. Эсеры долго упорствовали, но присутствие матросов склонило их за контрибуцию, но в меньшем размере (цифры точно не помню).

Контрибуцию собрали почти в срок, но и этого оказалось мало. Тогда Совет постановил реквизировать все виноградные вина у лиц не трудового элемента.

Не будучи в силах отказаться от выполнения наших постановлений, как и следовало ожидать, буржуазия пустилась на последнее средство: бесконечную клевету личного свойства, т.-е. буржуа, распространяли слухи, что деньги, собранные, так называемой, контрибуцией (теперь бы мы назвали самообложением или налогом), главари большевиков присвоили себе и убежали из Геленджика. Деньги, собранные обложением буржуазии, а также и вырученные от продажи конфискованных вин, израсходованы были на следующее: отремонтирована наша городская пристань, сооружена цементно-бетонная стена на пристани и проложена закрытая цементная канава от шоссе до моря.

Все сделано в 1918 году до нашего ухода, остальное расходовалось на хозяйственные надобности и уплату жалования, при чем первые потребовали и получили жалованье учителя, а их представители в Совете (учитель Сульженко и учительница — фамилию не помню) голосовали против контрибуции на буржуазию.

Кубано-Черноморский фронт.

Несмотря на то, что наш Геленджик находится от Новороссийска, нашего центра, всего в 38 верстах, и связан телефоном, ни Новороссийский Совет, ни Партийный Комитет ни слова нам не сказали об открывшемся Кубано-Черноморском фронте и вообще о событиях на Кубани. Выходило так, что Новороссийские большевики сами по себе, а мы — их волость, тоже как-бы отдельная республика. Такое положение было крайне ненормально,— это нужно было исправить. Узнав из газет и от «очевидцев» (очевидцы всегда видят больше, чем видно) о нашем большевистском наступлении из Новороссийска на Краснодар, я решил немедленно отправиться в Новороссийск, а затем на фронт, но, в виду того, что такой внезапный мой отъезд буржуазия могла бы истолковать как бегство с деньгами, я устроил небольшое совещание, информировал о положении дела и изложил свой план о поездке в Новороссийск. Не

возражая против моего плана, тов. Бобрук, Вас. Ульян. (убит в 1920 году в бою с десантом Улагая), предложил забрать на нашей геленд. батарее ручные гранаты и, кроме того, категорически заявил, что вместе со мной поедет на фронт. Пользуясь своим положением (оба были членами Совета и Комитета партии), на следующий день мы забираем с батареи Тонкого мыса два ящика гранат и сейчас же уезжаем с ними в Новороссийск, будучи глубоко уверены в том, что наша Красная гвардия победит и что через несколько дней мы возьмем Краснодар.

В дороге мы строили разные планы на будущее, но в Новороссийске наши радужные планы сменила суровая действительность. Мы узнали, что наша Красная гвардия разбита под Энемом и фронта фактически уже нет. На ст. Новороссийск масса народу, ожидающего отправки поезда на Краснодар; тут же группами спорят участники нашего первого наступления. Все кого-то ругают, ищут виновника и предателей, все озлоблены, но решительны и тверды в своем намерении разбить кадетов.

Проходим в комендантскую; там тоже шум, толчея и неразбериха. На мое сообщение, что мы прибыли из Геленджика за тем, чтобы отправиться на фронт и привезли ручные гранаты, комендант (фамилию не помню) равнодушно и как-будто нехотя послал нас в помещение не то комиссариата по вооружению рабочих, не то какого-то штаба. Гранаты сданы, но нас никто не берет и никто не знает о завтрашнем дне. Направляемся в Совет, но по дороге встречаем краснодарцев — участников боя, т.т. Дроздова Петра, Сухого, Дрища, Волика и других, идем в их беженский вагон, а потом направляемся в Совет на заседание Новороссийского Исполкома и представителей с мест, а также и нашей разбитой армии. Заседание исполкома состоялось числа приблизительно 24—25 января, в помещении губернаторского дворца. Новороссийский Исполком был в полном составе; от краснодарцев были: П. Дрищ, П. Дроздов, Волик и др.; от Геленджика: Павлюков Иван, Бобрук Вас.; от Красной гвардии: Алексанкин, Бушко-Жук и др. и присланный от центра на Северный Кавказ полковник старой царской армии Шереметьев. Цель об'единенного заседания: 1) заслушание доклада о событиях на фронте и 2) об организации нового наступления на Краснодар.

Доклады о нашем поражении нового и существенного ничего не дали. Много говорилось о слабой стороне нашей организованности, о ненужном включении в ряды бойцов, не умевших владеть оружием (многие молодые и даже старые рабочие камнями забивали в магазинную коробку обойму с патронами), но о предательстве коменданта батареи никто не знал, хотя слухи были. Имея свою организацию в Новороссийске, контр-революционеры сорвали наше первое наступление, но этого было мало; чтобы скрыть свою роль, они пустили слух, что виновником неудачи является полковник Шереметьев. Не зная, кто командовал артиллерией, на об'единенном заседании Павлюков задает вопрос Шереметьеву о порядке установки орудий и проч., дав ему

понять, что его обвиняют в предательстве. Шереметьев дает соответствующие об'яснения и в заключение дал свой совет: наступательные действия приостановить, усиленно готовить Красные отряды, создать боеспособный штаб из людей, знающих военное дело и безусловно преданных Советской власти. Что же касается обвинений в предательстве, полковник Шереметьев представил документы центра о своей работе (он был большевик).

У всех присутствующих на заседании рассеялись всякие сомнения о роли тов. Шереметьева. Предложения полковника Шереметьева были приняты целиком, но штаб не был избран; избрание штаба перенесли на следующее, более широкое, заседание, которое состоялось на второй или третий день после об'единенного заседания Исполкома.

В виду того, что Кубанская контр-революция обезоруживала приходящие с турецкого фронта демобилизованные части и, кроме того, нуждаясь в оружии для вооружения Красной гвардии и рабочих, расширенное заседание постановило обезоруживать все приходящие части. Для проведения своего постановления тут же была избрана специальная комиссия в составе трех или пяти человек. В комиссию по разоружению были избраны: П. Дрищ, И. Дроздов (краснодарцы), И. Павлюков (от Геленджика).

В первый день избрания комиссия отправила эшелон фронтовиков, отобрав у них решительно все имеющееся оружие, вплоть до револьверов и ручных гранат, при чем без применения какой бы то ни было физической силы, исключительно агитацией и уговорами.

В силу постановления об'единенного заседания Исполкома и представителей, на следующий день состоялось широкое заседание Исполкома и представителей всех организаций. Заседание действительно было большое: присутствовали представители Исполкома и Совета всех профессиональных организаций и отдельных предприятий, а также и находящиеся ответработники Кубани — краснодарцы, крымчане и тимошевцы; и от Геленджика; из краснодарцев, кроме И. Дрища и И. Дроздова, еще Сухой, Волик и Соркин, от Тимошовки — анархист Тимофеев, от крымчан — Воловик и др., от Геленджика — Павлюков и Бобрук В. Заседание продолжалось очень долго потому, что Новороссийский Исполком, в котором состояли и меньшевики (старый Прохорович), и эсеры, и просто примазавшаяся к нашей партии большевиков сомнительная публика (зав. отделом юстиции Языков и убежденный толстовец Михайловский), считали, что фронт с Кубанью состряпан молодыми и не понимающими обстановки краснодарцами.

Видно было их желание поскорее избавиться от Кубанцев и отделаться от забот по ведению войны с Кубанской контр-революцией. Страсти разгорались, спор принял принципиальный характер. Кубанцы поставили вопрос ребром, т.-е. быть фронту или не быть, но видя уклонение Новороссийских руководителей от обсуждения по существу вопроса об организации нового наступления, тов. Волик от имени Кубанцев и Геленджичан заявил, что мы уходим из заседания и всю

ответственность провала фронта кладем на Новороссийцев. Находясь на эстраде, Волик и Павлюков направились к выходу, но тов. Бушко-Жук Мих. И., не беря слова, обратился к Кубанцам с заявлением, что они, т.-е. Новороссийские рабочие, вместе с Кубанцами создают новый фронт и в категорической форме предложил оставаться на заседании.

Заявление Кубанцев о демонстративном уходе и энергичное выступление т. Бушко-Жука возымело действие на шатающихся исполкомцев — вопрос о продолжении войны и образовании военного штаба с большими полномочиями был быстро разрешен в положительном смысле.

Приступаем к избранию самого штаба, выдвигается ряд кандидатур, но раз потерпев неудачу в первом наступлении, заседание устраивает настоящую чистку, кандидатуры подвергаются самому серьезному разбору. При обсуждении кандидатур обнаружено, что работники нашего военного ведомства: Пивоваров и Зорин — наши предатели, настроение собравшихся напрягается до наивысших пределов. Предателей не впускают в помещение собрания, но и не арестовывают, дня через два они бежали из Новороссийска, но впоследствии были убиты.

Черноморский военно-революционный штаб был избран из трех человек: т. Бушко-Жук Мих. командующий фронтом, Отроблянко и третьего не помню. После образования штаба, посоветывавшись с т.т., Геленджичане возвращаются к себе, с заданием приготовить свой Геленджикский отряд и ожидать распоряжений военно-революционного штаба.

Наша неудача при первом наступлении на Краснодар, а также и временное отсутствие в Геленджике Павлюкова и Бобрука, открыли и развязали рты Геленджикских контр-революционеров во главе с эсерами. Буржуазная агитация за демократические принципы Кубанских контр-революционеров приняла широкие размеры среди обывателей, буржуазия высказывала радость и надежды на скорое избавление от большевиков; среди рабочих появилась неуверенность в своих силах.

Возвратившись из Новороссийска, Павлюков и Бобрук выступили с докладами в самом Геленджике и на цементном заводе о событиях на фронте, о положении на Кубани контр-революции и предстоящих боях, о защите эсерами контр-революции, но рабочие этому не верили, хотя многие из'являли желание отправиться на фронт.

После прочитанных докладов буржуазия немного присмирела, но большевистский исполком, зная цену буржуазной смиренности, в первых числах февраля производит обезоружение буржуазии и вооружает рабочих; такая мера снова вызывает к нам ненависть в рядах буржуазии.

Приблизительно числа 5 февраля по старому стилю, Вася Бобрук ночью принес Павлюкову телефонограмму от Черноморского военно-революционного штаба о немедленном сформировании Геленджикского отряда по доставке из Новороссийска вооружения, и о выступлении в 12 часов дня по заданию штаба на линию открывшегося фронта.

С раннего утра начинается подготовка к выступлению. В работу кладется вся энергия, но ввиду того, что среди Геленджикских

большевиков не было военных работников кроме рядовых, дела налаживаются слабо, кроме того, не будучи осведомлены о направлении и заданиях, мы не знаем как поступить с хозяйственной частью, а время быстро уходит. Оставляя открытым вопрос о хозяйственной части до выяснения задания, Павлюков и Бобрук отправляются на цементный завод, нашу главную революционную базу, к 12 часам дня туда же приезжает из Новороссийска автомобиль с оружием и патронами. Уполномоченный штаба тов. Волик и прапорщик Паноморенко (из Новороссийских рабочих), присланный для военного руководства нашим отрядом, знакомят нас с приказом штаба. По нашему предложению завод прекращает работу, тут же устраивается митинг; призываем рабочих вступить в отряд и сейчас же раздаем оружие. С пением революционных песен, с красным знаменем выстроившиеся рядами революционные рабочие цементного завода двинулись в Геленджик. Направляемся к Совету, но ввиду того, что там невозможно устроить митинга, идем в церковную ограду. Чтобы созвать побольше народу отдаем попу приказ звонить в набат, а пока что Павлюков и Волик, Бобрук и Предисполкома Шашенко устраивают хозяйственные дела. Павлюков и Волик ультимативно потребовали от Геленджикского Общества взаимного кредита 2.000 руб. денег и деньги были получены, Бобрук и Шашенко занялись реквизицией обуви и продовольствия. К вечеру все закончено.

Набатный звон, переполошил публику. В церковную ограду собралось много народу, тов. Павлюков открывает собрание, Волик и Павлюков произносят горячие речи о фронте и борьбе до конца.

Подогретая речами, публика размякла, многие плакали, клялись постоять за народное дело.

По предложению Павлюкова тут же производится шапочный сбор, женщины стали приносить — сумки, портянки и чулки. В 12 час. ночи собрание отряда, а в 4 часа утра Геленджикский отряд, в числе 42 пехотинцев и 10 человек конных, выступил из Геленджика. К вечеру отряд прибыл к ст. Шапсугской, а на следующий день без боя занял названную станицу.

И. Павлюков.

Революционные дни в Новороссийске.

В ноябре 1917 года я прибыл в Новороссийск из Ревеля. В то время я совсем не предполагал, что эта поездка от берегов Балтийского моря, к берегам Черного может быть с исторической точки зрения интересной, но развернувшиеся события вовлекли меня в водоворот революции с неменьшей силой, чем это было в Ревеле.

Ревельский судостроительный завод «Беккер», на котором я работал в качестве модельщика (после моей высылки из Петрограда в 1915 году) в виду возможности захвата Ревеля немцами, подлежал эвакуации на юг, в один из портовых городов.

После жестокого сопротивления Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов против эвакуации заводов из Ревеля вообще и зав. «Беккер» в частности, было постановлено послать: меня, т.т. Лучина и Краута (члены ревельского исполкома) подыскать подходящее место для завода с количеством рабочих до 3.000 ч. Самое главное нужно было подходящее помещение и на берегу моря.

После предварительного осмотра Новороссийска, мы, нашли подходящим помещением завод быв. Ламин, который много лет пустовал и только во время войны был приспособлен под эвакуационный лазарет.

Познакомившись с делом, мы убедились, что только при больших усилиях можно чего-либо добиться по делу восстановления эвакуируемого завода, так как помещение завода было занято военным ведомством, а кому вообще принадлежал завод, никто не знал.

Пользуясь тем, что мы были членами ревельского исполкома, мы вошли в Новороссийский совет с ходатайством о предоставлении нам помещения, занятого эвакопунктом, но Новороссийский совет был на половину меньшевистским, а поэтому совершенно бесспльным. В качестве обломка керенщины продолжал еще существовать и губернский комиссар. И он и совет влачили жалкое существование.

На первом же заседании совета (в думе), 23 ноября, я выступил с большим докладом о международном положении и, как участник по ликвидации «керенщины» под Петроградом, познакомил Новороссийских рабочих с тем, что власть повсюду в руках рабочих и крестьян и только Новороссийск еще терпит ставленников Керенского.

На этом заседании Лучин, Краут и я были утверждены членами совета и исполкома.

Привыкшие в Ревеле видеть совет в роскошном Екатерининском дворце, мы удивились, что здесь он помещается в какой-то каморке. Совет, помещавшийся на уг. Серебряковской и Раевской, занимал две

комнаты, в одной из которых сидели председатель т. Лосев, члены исполкома секретарь и делопроизводитель, в другой машинистки, регистраторы и двое — трое канцеляристов, и, кроме того, еще две — три комиссии.

Тов. Лучин с присущей ему настойчивостью предложил создать все необходимые для управления городом условия, т.-е. подготовить вооруженную охрану совета, членов комиссии совершенно освободить от работы в предприятиях и заняться всецело укреплением советского аппарата и многое другое.

Я, с своей стороны, предложил в трехдневный срок занять один из лучших домов, для размещения Совета; когда же мне ответили, что этого сделать нельзя, так как в их распоряжении нет реальной силы, я предложил т. Сальникову следующее: «покажите мне лучший дом в Новороссийске и завтра-же там будет размещен Совет». Тов. Сальников, очень славный старичек (социал-революционер, отбывший многолетнюю каторгу) сперва как-то опешил, но помолчав, ответил: «Лучший дом у нас в Новороссийске Юкелиса, но он занят — во втором этаже помещается контора цементного завода «Победа», а третий этаж занимает владелец дома Юкелис».

Через два дня совет поместился в доме Юкелиса и с этого времени началась в Новороссийске открытая борьба за власть, так как все попытки Юкелиса отстоять свои права на дом, были безуспешны и вся буржуазия во главе с губернским комиссаром (кажется Поповским) начала готовиться, не столько к удержанию в своих руках власти, сколько к захвату наличности Госбанка, но и это ей не удалось; в ночь на 1 декабря они были захвачены на месте со всеми госбанковскими запасами.

Как только было выяснено, что завод бывш. Ламис разрешается занять, нами было сразу же сообщено в Ревель. Потянулись эшелоны рабочих ревельцев и маршрутные поезда с эвакуируемым имуществом судостроительного завода «Беккер» из Ревеля.

С приездом первой группы ревельцев, Новороссийские рабочие почувствовали себя в несколько раз сильнее уже по одному тому, что ревельцы, пережившие Октябрьскую Революцию, были своего рода «спецами», а в Новороссийске необходимо было начинать строить Советский аппарат сначала.

Как только вопрос с заводом был разрешен, наша «Троица» Лучин, Краут и я, всецело взялись помогать Новороссийским работникам — «подвинчивать», как любил говорить т. Лучин.

Результаты подвинчивания скоро сказались: Совет поместился в лучшем здании Новороссийска, появилась Советская газета «Известия», а 1-го декабря 1917 года произошел переворот и все ставленники временного правительства бежали в Краснодар, где еще крепко сидели «Быч и Компания».

Всю тяжесть руководства переворотом взял на себя тов. Александр Яковлев (быв. юнкер Владимирского Военного училища), который

после занял место заведывающего административным отделом, и т. Рубин, избранный председателем исполнительного комитета.

Тяжелое время пришлось пережить в первые два — три месяца; работников было мало, кругом саботаж, а тут начали прибывать войска с Кавказского фронта, которые прежде всего требовали продовольствия, а у прежних хозяев ничего заготовлено не было. И пока через Новороссийск прошла вся эта 80-ти тысячная армия, которую надо было не только накормить, но и отправить ж. д. в Россию, мне, как тов. председателя Совета и уполномоченному по эвакуации армии, пришлось пережить не мало жутких дней, когда фронтовики, сидевшие по несколько лет в окопах и доведенные ужасами войны до отчаяния, были настроены очень буйно и каждое требование, предъявленное к Совету сопровождалось угрозой расправы. Это продолжалось вплоть до тех пор, пока не открылся фронт под Краснодаром, что как раз совпадало с тем временем, когда главный наплыв фронтовиков прошел.

Насколько мне помнится, война Новороссийска с Краснодаром началась при следующих обстоятельствах:

Одновременно с захватом власти в Новороссийске начала выходить Советская газета «Известия», которую редактировал тов. Ян Полуян. С первого дня выхода газеты, мы повели кампанию за перевыборы думы и в скором времени нам удалось провести плебисцит, который дал перевес большевикам. Новая управа, в которую были выбраны т.т. Шатов, Фисуненко, Демченко и другие, принялась за налаживание аппарата на Советский лад. Сразу же пришлось столкнуться с продовольственным вопросом, некоторых продуктов в Новороссийске было много, а других не хватало, а засевшие в Краснодаре белогвардейцы это учли и всячески тормозили снабжение Новороссийска хлебом и мясом. Но и все это было не так страшно; главное было то, что белогвардейцы вооружались за счет фронтовиков; войска, прибывающие из Трапезунда и других прибрежных пунктов в Новороссийск были поголовно вооружены винтовками и очень часто револьверами. По прибытии в Новороссийск парохода с фронтовиками, кто-либо из Совета (чаще всего я) отправлялся на пристань уговаривать солдат сдать оружие для создания боевых единиц из Новороссийских рабочих. некоторые сдавали, но большинство отказывалось это сделать,— стоило им только доехать до Краснодара, как их там без всяких уговоров разоружали «белые».

Выходило так, что за счет фронтовиков как в Новороссийске, так и в Краснодаре, шло усиленное вооружение, только с той разницей, что в Новороссийске мы действовали убеждением, в Краснодаре - силой. Конечно, вооружение Новороссийска было в несколько раз больше, так как все, что привозилось на пароходах, как-то: пушки, пулеметы, снаряды и многое другое оставалось в Новороссийске и целиком поступало в распоряжение военного отдела Совета.

Однажды прибыл на пароходе «Херсон» довольно организованный отряд, который все время держался дружно и сразу же решил ехать

на Краснодар; на мою просьбу сдать винтовки он наотрез отказался и на замечание, что все-равно они дальше Краснодара своих винтовок не увезут, они ответили, что разоружить себя не позволят. Но мои предположения оправдались, отряд, состоящий из трехсот человек был в Краснодаре насильно разоружен и возмущенный вернулся в Новороссийск, готовый при первом удобном случае двинуться на краснодарских сидельцев.

К тому времени в Новороссийске уже созрело твердое намерение двинуться на Краснодар вооруженной силой.

Организатор наступления на Краснодар т. Яковлев не упустил случая и, слившись с отрядом фронтовиков, двинулся на Краснодар. Главные силы наступающих состояли из железнодорожников, грузчиков и цементников.

Как было организовано наступление — мне неизвестно, но хорошо знаю, что одним отрядом командовал т. Яковлев, а другим т. Серадзе — довольно энергичный работник из левых эсеров.

Победоносное наступление было близко к концу, но смерть т. Яковлева и тяжелое ранение т. Серадзе при занятии станции «Энем» сразу же изменили положение и отряд отступил к Новороссийску. Но работы по снаряжению новых отрядов и подвозке орудий продолжались, и в тот момент, когда было получено известие о неудаче на фронте и я прибыл после заседания думы во втором часу ночи на вокзал, то застал там несколько товарищей, во главе с тов. Отроблянко, который руководил погрузкой трех-дюймовых орудий.

К этому времени в Новороссийск прибыл Варнавинский полк; это был единственный полк, который прибыл в полной боевой готовности со всем инвентарем и снаряжением. Даже полковая библиотека, состоящая из нескольких тысяч томов была привезена и целиком передана Совету. Ее я сам принимал, как заведывающий культурно-просветительной комиссией при Совете.

Полк был встречен с музыкой и для него был устроен обед, на котором было доложено о положении Новороссийска и отношении его к засевшим белогвардейцам в Краснодаре.

Варнавинцев призывали выступить против Краснодара, захваченного белыми и освободить его. Варнавинцы единогласно решили выступить. Но когда на следующий день им было предложено двинуться в поход, среди них произошел раскол и большая часть решила погрузиться на пароход и отправиться в Крым, что и было сделано. Это было в конце января 1918 г.

В Новороссийске в это время находился контр-миноносец «Керчь» с экипажем, настроенным довольно революционно и даже анархически.

Свою ненависть к офицерству они проявляли при каждом удобном случае, например: в Новороссийск было доставлено около 50-ти офицеров, взятых в плен под Краснодаром и во время обсуждения вопроса в Совете «что с ними сделать», они от имени моряков Черноморского флота, потребовали их передать в их распоряжение для того, чтобы их

вывезти в море и там с ними расправиться, Совет был более мягко настроен: меньшевики и эсеры внесли предложение просто их освободить под честное слово с тем, что они больше не выступят против Советской власти. Группа казаков, которая доставила их под конвоем, просила дать разрешение офицеров расстрелять, я же со своей стороны предложил заключить их в тюрьму до прекращения гражданской войны. После горячих и продолжительных прений было принято мое предложение и пленные были заключены в тюрьму.

15 февраля 1918 года я был заводом командирован на поиски застрявших эшелонов с имуществом, принадлежащим эвакуируемому ревельскому заводу и пробыл в поисках до 3 апреля.

Моя поездка была намечена через Краснодар, но в виду того, что белые на меня точили зубы за арест пленных офицеров, мне товарищи посоветовали выехать пароходом, что я и сделал, выехав в Крым на крейсере «Император Траян», который был битком набит пленными австрийцами. После моего отъезда произошло потопление 43 офицеров Варнавинского полка, обвиненных в агитации против выступления на борьбу с краснодарскими сидельцами.

Все мои попытки по приезде выяснить, по чьей воле это произошло, ни к чему не привели. Узнать точно ничего не удалось. Одно было известно, что расстрел был произведен матросами с «Керчи», которые по списку снимали пленных с парохода, вязали их тут же на пристани, расстреливали и топили.

Все это было проделано от 2 часов ночи до 5 часов утра (какого числа точно не помню).

После первых неудачных боев под Краснодаром, новороссийцы начали готовиться к последующим. На этот раз в спешном порядке приступили к постройке броневых поездов и в короткое время железнодорожниками было построено два броневика, хотя эта постройка и вызвала протест со стороны начальника мастерских инженера Леонтовича, который разыгрывал из себя меньшевика и потому был против гражданской войны. Комитет внутреннего распорядка, руководимый т. Сабиным (председатель) и секретарем тов. Перелетом И. И. распорядился его арестовать, что было немедленно сделано.

После повторных жестоких боев, Краснодар был взят и в первых числах марта из Новороссийска были командированы тов. Лучин и др. для организации власти. Некоторое время спустя после моего возвращения из поездки на север, т.-е. в апреле весь Черноморский флот, который находился в Севастополе и должен был согласно Брестского договора разоружиться, прибыл в Новороссийск. С прибытием военного флота в Новороссийск настроение у рабочих поднялось значительно, тем более, что моряки прибыли с большими запасами продовольствия и главное с деньгами. Несмотря на то, что флот из Севастополя ушел и тем избежал разоружения, германское правительство все больше и больше настаивало на своем и главное, уже не на разоружении только, а на потоплении флота и по имеющимся у нас в Новороссийске в то

время сведениям, в случае непотопления флота грозило по всему фронту перейти в наступление.

В апреле 1918 года в Новороссийск прибыл из Москвы комиссар почты и телеграфа тов Авилов-Глебов, который на партийном собрании поведал цель своего приезда, а цель его была «потопить флот».

Был намечен план работы; первое было решено издавать газету, мне было поручено в трехдневный срок наладить издание газеты.

Тов. Авилов-Глебов взялся за редактирование, и у нас в Новороссийске, кроме «Известий» начала выходить «Красная газета». Газета должна была подготовить почву для потопления флота и связать команды судов воедино, но этого сделать не удалось, также не удалось и связать матросов с рабочими большевиками.

Спустя некоторое время в Новороссийск прибыл тов. Вахромеев с более настойчивыми указаниями из Москвы. Назначенный срок для потопления флота прошел, а флот попрежнему красовался в Новороссийской бухте.

Тут уже все намеченные приемы для подготовки почвы насчет потопления пришлось отбросить, а прямо и открыто заявить что «как вы, товарищи матросы, не упирайтесь, а флот-то потопить придется».

На предварительном заседании Новороссийского окружного Совета Народных Комиссаров, посвященном исключительно вопросу о потоплении флота, на которое прибыл т. Рубин, бывший в то время председателем Кубано-Черноморского Совнаркома, т. т. Авилов-Глебов и Вахромеев, сразу же заявили: несмотря на то, что тов. Рубин, ссылаясь на общий протест рабочих всего края, склонился к тому, чтобы флот не топить — вопрос решен в Москве, наше дело подчиниться и говорить лишь о том, как потопить флот. Заседание было настолько бурным, что доходило до того, что группа товарищей готова была организовать свою Республику, а флот все же не топить. В 3 часа ночи я и тов. Шерстнев (левый эсер) были командированы на броненосец — «Волю» сообщить о состоявшемся постановлении о потоплении флота. В то время в кают-компании происходило не менее бурное собрание уполномоченных судовых команд и я после моего заявления о состоявшемся постановлении о потоплении флота чуть не был выброшен за борт, так как меня многие матросы предупреждали, что флот топить они не будут и кто попытается это сделать, тот раньше флота потонет.

Эта ночь для новороссийцев была ночью невиданных похорон, чуть стало рассветать, как морские гиганты начали выходить на внешний рейд и погружаться в морскую пучину. — И только немногие не подчинились приказу о потоплении флота и бежали в Крымские порты.

Быть может, и еще некоторые суда проскользнули бы, но контр-миноносец «Керчь» в эти суда пускал мины и они подорванные, гибли один за другим. После потопления судов, пытавшихся убежать, «Керчь» вышла в открытое море и взорвалась, вместе с судном погибла и часть его команды.

Первые дни после потопления флота, жители Новороссийска чувствовали себя так, будто каждый из них похоронил близкого, дорогого человека в одной братской могиле, к которой стекалось все население,— а этой могилой было «Черное море». Берег в районе Новороссийска от раннего утра и до позднего вечера был заполнен мужчинами и горько плачущими женщинами.

Вскоре после потопления флота в Новороссийск прибыл германо-турецкий флот. Как только на горизонте показались силуэты военных судов, новороссийский обыватель заволновался, из его памяти не изгладился первый визит «Гебена» и «Бреслау»; не на шутку обеспокоился и Новороссийский Совнарком; я помню, как мы человек пять забрались на крышу бывш. губернаторского дома, где помещался Совнарком и глядя друг на друга, задавали вопрос: «что будет», но скоро оправившись, решили запросить по радио цель их прихода в Новороссийск.

Тов. Толмачев (военный комиссар), невозмутимый и спокойный, улыбаясь принялся составлять «ультиматум», но все обошлось хорошо. Немцы приехали в Новороссийск, по их словам, с добрыми намерениями и посланные к ним на крейсер т.т. Лучин, Крут и Губернский вернулись обратно и сообщили, что немцы намерены с нами вести торговые операции. Впоследствии это оправдалось и у нас с ними наладилась торговля; они у нас брали подсолнечное масло, нефть, керосин, бензин, зерно и еще кое-что, нам давали обувь, мануфактуру, а главное николаевские деньги, в которых мы страшно нуждались. Было с ними два — три конфликта, доходившие чуть-ли не до стрельбы по городу, но все в конце-концов прошло безболезненно.

В Новороссийске Советская власть крепла не по дням, а по часам. Советский аппарат достаточно наладился и городское самоуправление работало сносно, но совсем не так обстояло дело в Краснодаре, где белогвардейцы, несмотря на то, что в распоряжении Совета была вооруженная сила, которая могла за него постоять, усиленно готовились к захвату власти, что им и удалось сделать.

Как только Краснодар был оставлен красными, мы, жители Новороссийска, сразу же почувствовали, что положение не из важных и что силами нашей Красной Гвардии мы долго не продержимся. Так оно и вышло.

Новороссийск 26 августа 1918 г. был взят белыми с боя. Хотя падения Новороссийска все ждали, но никто не предполагал, что это произойдет так скоро. В субботу, 24 августа состоялось экстренное заседание Новороссийского Окружного Совнаркома. Мною был сделан доклад о предложении тов. Кремлянского — Председателя Новороссийского союза моряков добровольного флота, который как человек военный и учитывающий положение вещей, предложил выдать на пятьсот человек продовольствия с тем, чтобы они все, как один человек, стали под ружье и заняли все перевалы. На мой вопрос «где же взять вооружение», он ответил, что у них есть несколько винтовок, на всех членов Союза, есть и пулеметы и даже пушки.

После моего доклада, довольно пессимистического характера, выступил тов. Болгов (второй тов. председателя Совнаркома, левый эсер) и довольно резко, заявил, что все мои опасения навеяны базарными сплетнями, которым я придал большое значение, что белые в Новороссийск не пойдут, что они дойдут до станции Тоннельной и дальше не сделают шагу. Тов. Болгов был так уверен в правоте своих слов, что соглашался даже дать «голову на отсечение».

Мое предложение перевести моряков на довольствие за счет Совета и поручить им охрану города, было отвергнуто за неимением средств. Всем казалось, что этот отряд будет только есть хлеб, а делать ничего не будет, так как белые итти к нам не собираются, а держать отряд, по заявлению тов. Болгова, глупая затея, тем более что Тоннельную охраняет десятитысячная Таманская армия. Но однако было странно, что в этот же вечер и на этом же собрании был выбран командующий войсками по защите Новороссийска.

Выбранным оказался тов. Бушко-Жук. В воскресенье, 25 августа 1918 г. у нас в Новороссийске была встреча первой партии военнопленных, прибывших на немецком крейсере.

Для прибывших был приготовлен великолепный обед, было привезено несколько бочек вина, все прибывшие получили по паре белья и были направлены в баню, во время обеда играли два оркестра духовой музыки, говорились речи, после бани и обеда, происходившего в Афонском подворье, военнопленных повели на концерт в горсад.

Одним словом, Новороссийск жил и веселился.

Вечером я и тов. Коростыленко (Комиссар Почты и Телеграфа Новороссийского Округа) отправились на дежурство в военный комиссариат,— дежурства были установлены в связи с оставлением нашими Краснодара — затем пришли т. т. Толмачев, Губернский и Романец. Долго беседовали, в 1 час. ночи все разошлись, остался я и тов. Коростыленко. Вдруг вызывают к юз-аппарату со станции Тоннельной. Телеграмма гласила: «В виду приказа главкома Сорокина Таманской армии отступить на Белореченскую, расположенные полки в районе Тоннельной снимаются».

Это сообщение было для нас такой неожиданностью, что мы не знали, что и отвечать, но тут же ответили «приказ задержать до распоряжения из Новороссийска — оставаться на месте». Через час опять зовут к аппарату: «Сорокин требует исполнения приказа, в противном случае он отказывается от командования. Собрание полковых комитетов с командирами вместе решили подчиниться, мы снимаемся».

Были вызваны т. т. Толмачев, Губернский и некоторые другие. В 5 час. утра мы поехали на вокзал, но уже на Вокзальной улице встретили первые отряды отступающей армии на Белореченскую, через Новороссийск.

Срочно был созван Совет. Зал городской Думы был переполнен. Я сделал краткий доклад о только что происшедшем. Было решено принять все меры, чтобы удержать армию в Новороссийске, но тут

произошла неприятная история: тов. Бушко-Жук, два дня тому назад, выбранный командующим, наотрез отказался взять на себя защиту города, — пришлось выбирать другого, — был выбран т. Губернский.

Заседание Совета кончилось в час дня. Тов. Губернский вступил в исполнение своих обязанностей и назначил в 4 часа заседание с командирами полков.

Но этому совещанию не суждено было состояться, так как в три часа дня белые повели на Новороссийск бешеное наступление, рабочие отряды не были подготовлены и прямо с работы в засаленных блузах, бросились за винтовки. Железнодорожники отбивали наступающих по линии жел. дор Ревельцы под командой тов. Царева (коммуниста), расположившись цепью вокруг завода, бились до поздней ночи, рабочие цементных заводов отбивали наступление с гор.

В 7 час. вечера 26 августа 1918 г. Новороссийск перешел в руки белогвардейцев. Этот захват Новороссийска в августе 1918 г. положил конец Советской власти на Кубани, так как пока еще Новороссийск был в руках Красных, были надежды и на большее, как это было и в январе. С приходом белых в Новороссийск уже ранее было известно, что многие товарищи будут расстреляны, или повешены. Об этом я знал за две недели до их прихода. Например, со мною был такой случай:

Как-то в первых числах августа я сидел в городском саду и раздумывал, что ждет новороссийцев в недалеком будущем, ко мне подошла жена английского консула Гильмайден и, подавая руку, улыбаясь спросила: «что вы так задумались т. Кузьмин». (Кстати сказать Гильмайден, будучи правою рукою своего мужа, в политической жизни Новороссийска играла не последнюю роль). Я также улыбаясь ответил, что посматриваю на сучки деревьев, на которых белые, по приходе в Новороссийск будут вешать большевиков.

Она мне ответила, что меня, возможно, и не повесят и на мои вопросы «кого же будут вешать и откуда же имеются такие сведения», она мне ответила довольно определенно, что: «конечно, такие люди, как Елена Полуян, собственноручно избившая в Новороссийской тюрьме пленных офицеров, Деев Алексей, зверски поступивший во время арестов с состоятельными новороссийскими гражданами, Никитин (кузнец ж.-д. мастерских), требовавший расстрела арестованных офицеров и ряд других людей, безусловно, будут повешены».

Вечером по приходе белых в Новороссийск, был отдан приказ (через кварткомов), чтобы все, имеющие огнестрельное и холодное оружие, патроны, а также обмундирование немедленно все сдали, если же у кого будет что либо обнаружено, тот будет расстреливаться на месте.

Вечером в Новороссийске творилось что-то «невероятное», на перекрестках некоторых улиц, выросли целые горы обмундирования и оружия, вплоть до пулеметов.

Нападение на Новороссийск было организовано образцово, одни из новороссийцев (офицерство) присоединились к наступающим, другие

заняли присутственные места и учреждения и третьи занялись арестами комиссаров, так были арестованы: Лучин Михаил Михайлович (Ревельский рабочий-большевик) председатель Совета Комиссаров Новороссийского Округа, Губернский Александр Александрович — комиссар путей сообщения и командующий по обороне Новороссийска, (военный инженер, полковник, кавалер трех Георгиев, большевик 52 лет), Скобликов — комиссар продовольствия-большевик, Пудан — комиссар труда 19 лет (большевик-Ревельский рабочий), Болгов — тов. Председателя Сов. Комис. (раб. левый эс-эр), Краут — комиссар финансов (Ревельский рабочий-большевик), Митисов — заместитель комиссара финансов (кузнец ж.-д. мастерских-большевик), Языков — комиссар юстиции (левый эс-эр), Серапилов — комиссар внутренних дел (Ревельский рабочий лев. эс-эр), Добровольский — Управ. Госбанком (беспартийный), Строменко — комендант города Новороссийска (беспартийный), Кодомцев — комиссар здравоохранения (большевик).

Кроме перечисленных было арестовано более двухсот рабочих и матросов, китайцев... Красногвардейцев расстреливали на месте (они были поголовно ранеными и потому отстали от Таманской армии).

Мне совершенно случайно удалось скрыться в тот момент, когда меня пришли арестовывать. Но оставшись на свободе, без всякого вида на жительство, в течение четырех месяцев, я скрывался на Чеховке и Подселке, в районе, заселенном преимущественно рабочими. Во время моих скитаний большие услуги мне оказывали тов. Бойко Василий И., Стусов Антон и Дудко Федор, которые, будучи сами на подозрении, рисковали очень многим.

После массового расстрела рядовых работников и, главным образом, матросов, белогвардейцы принялись за комиссаров, были расстреляны: Губернский, Пудан, Болгов, Скобликов, Кодомцев и приговорены к каторжным работам: Лучин, Серапилов, Митусов, Краут, Отроблянко, Языков и Добровольский.

Кроме комиссаров были арестованы и приговорены к каторжным работам тов. Никитин (ж.-д.), Балашев Дм. Е. бухгалтер больничной кассы Ревельск. завода, Иваницкий — член комитета партии Р. К. П., Карцов — секр. Совета комиссаров, Николаев — член кол. воен. ком. Григорович — инструкт. Красной гвардии и многие другие.

На свободе оставались все время т. Чурзин — комиссар призрения (большевик, рабочий-электромонтер, старец 60 лет), он был взят под покровительство Веры Г. Гильмайден (жены английского консула в Новороссийске), которая все время работала по улучшению быта детей и устраивала концерты и кабарэ.

Во время моего сиденья в подполье у тов. Дудко, я все время имел связь с некоторыми товарищами, оставшимися в Новороссийске. Несмотря на большую осторожность у меня бывали т.т. Бойко В. И., Толмачева В. А., Богомолов, Балашев Д. Е. (после его освобождения из тюрьмы) и Марченко.

Во время моего сиденья, моя жена Елена Титовна, совместно с женами Лучина и Краута и сестрою Серапилова отправились в тюрьму

(понесли передачу) и на возвратном пути встретили белогвардейского офицера, который начал восхвалять белогвардейские порядки и, между прочим, сказал, что «теперь свободно можно ходить куда угодно, не опасаясь, что вас ограбят».

Жена Лучина Анна Павловна на это ответила: «белые грабят получше большевиков» и когда он возмущенный этим заявил, что они в борьбе с большевиками применяют тактику за убитого офицера убивать десять рабочих, Лучина со своей стороны заявила: «Рабочие за каждого рабочего по приходе в Новороссийск большевиков будут убивать по двадцать офицеров», это так возмутило золотопогонника, что он проходя мимо двора, где помещался польский легион, потребовал ареста всей компании. Но офицер польского легиона на этот раз удовольствовался только допросом. На другой день рано утром моя жена, а также и другие были арестованы и отправлены в контрразведку, а затем в тюрьму. Все окончилось сравнительно благополучно; после трехнедельного заключения они были освобождены.

В январе 1919 года в Новороссийск прибыли т.т. Деев и Корешев, которые отступали с Таманской армией на Пятигорск, а затем в Астраханские степи.

Они побывали в Москве, а затем через Крым, под видом пленных прибыли в Новороссийск.

Тут нами был составлен план переезда в Ростов. При помощи молодого проводника тов. Алексеенко Марка, мы перебрались в Краснодар, несколько дней проживали на квартире поручика Ляхова, затем перебрались на Дубинку к тов. Перелету Ив. Ив., который бежал из Новороссийска и занимался в Краснодаре мелкой торговлей на базаре.

Я добыл при участии Марка для меня паспорт, (а его тов. Марк получил от учителя Михаила Ив. Поликсенова, который дал его во временное пользование).

2-го февраля 1919 года, мы, т.-е.— Деев, Корешев, Алексеенко и я прибыли в Ростов уж на определенную квартиру на Темернике.

По прибытии в Ростов, мне скоро удалось связаться с Ростовской организацией РКП и принять участие в работах. Связь была получена через тов. Марка, который был хорошо знаком с Татьяной Ткаченко и Сальниковой, которые официально были курсистками Ростовского Университета, а неофициально энергичными работницами РКП (б).

После некоторой заминки в работах Ростовского органа РКП (б) (в момент моего приезда) работа начала налаживаться, я был первоначально выбран Председателем гор. районного комитета, а затем командирован к белым на военную службу (для связи), где и прослужил один месяц в Шахтной санитаром в 103 эвакуационном лазарете, затем по болезни был совершенно освобожден. По прибытии в Ростов, по распоряжению из Москвы, был назначен членом Донского Областного комитета, а впоследствии был назначен зав. подпольной литографией, которой и заведывал до января 1920 г., т.-е. до прихода Красной армии в Ростов.

Первой моей работой в Донском комитете было связать Ростовскую организацию с зеленой армией, оперировавшей на побережьи гор. Новороссийска и Туапсе.

Это мне удалось сделать очень быстро и Ростовская организация РКП (б), стремившаяся к этой связи в течение первого полугодия 1919 года, в августе месяце послала первую группу своих работников: Маринца (Илью), Иоффе Цимбалиста Владимира, Александрова и других товарищей, которые много сделали для укрепления Красно-зеленой армии на Черноморском Побережьи. Некоторые из них уже больше не вернулись, так как суровая обстановка доканала их надломленное тяжелой борьбой здоровье.

В январе 1920 года в Ростов вступила Красная армия, и я вновь влился в ряды Советских работников.

И. Кузьмин.

С Кубани на Дон.

Предисловие Истпарта.

Рукопись Рындина «С Кубани на Дон» доставлена нам с предисловием, написанным его близким приятелем, собратом по перу. Из этого предисловия (которое мы не печатаем) мы берем лишь наиболее характерные сведения о Рындине.

Рындин—журналист, 20 лет прожил в Екатеринодаре и был все время, по словам его приятеля, «типичным провинциальным либералом». За его статьи газеты, в которых он работал, подвергались карам, а сам он отсиживал в тюрьме. Однако перетерпеваемые им кары характеризовали, конечно, не «левизну» Рындина, а нетерпимость царских держиморд, которым и Рындин казался слишком левым.

В конце-концов он и себе, очевидно, показался левым и вступил в партию к.-д. По этому поводу его товарищ сообщает: «Как член партии он вряд-ли проявил себя, разве был дорог партии, как видный журналист, постоянно грызущийся с с-р., которых он ненавидел всеми фибрами своей души», и добавляет дальше, стараясь говорить мягко: «к большевизму же Рындин относился отрицательно». Как именно он относился к большевизму будет ясно из дальнейшего.

Поэтому понятна его искренняя симпатия к капитану Покровскому. Когда тот был еще в «загоне», Рындин в печати всячески популяризировал его задачу, — собирание добровольческих отрядов. Его ни мало не смущало, что эти отряды формировались преимущественно из зеленой молодежи (учащихся средних школ) — детей.

28-го февраля 18 года Рындин уходит из Краснодара (Екатеринодара) с отступающими отрядами Покровского, в их обозе, и путешествует с ними от Екатеринодара до Дона.

Возвращается он в Краснодар после занятия его белыми. От имевшегося у него когда-то либерализма к этому времени не осталось и намека. Ненависть к восставшему «хаму», разрушившему «культурное бытие» — «избранников жизни», доходит до своего апогея, но в то же время Рындин сам сознает, что «большевики одолеют, ибо за ними идет масса, а тут (среди белогвардейцев)... тут, только развращенные людишки».

Все это заставляет его прийти к выводу, что «людьми должно править только виселицей и пулей»...

Дальше итти некуда...

7 октября 1918 г. Рындина нашли в зале клуба с простреленной головой. Сам ли он застрелился, или его застрелил белогвардейский

офицер Чинчиковский в пылу «политического спора», во время отчаянной пьянки (как предполагает его приятель), неизвестно,— но такой конец является естественным для беспочвенного интеллигента, не понимающего хода истории и мотающегося между двумя борющимися не на жизнь, а на смерть сторонами.

Рындин старался закрыть глаза, но не мог не видеть, как падают в грязь все его «идеалы», как «носители культуры» выявляют звериные морды разнузданных шкурников.

Прямо стать на сторону «хама» и признать его историческую правоту он не мог и бесславно сошел со сцены жизни.

Рындин наш враг, и тем ценнее для нас его посмертная рукопись, суммирующая его впечатления и наблюдения, собранные во время «славного» похода.

Конечно, он не хочет намеренно очернить своих единомышленников добровольцев, но его воспоминания — осиновый кол, забитый в могилу идеи «добровольчества».

В своем введении «Необходимы ли добровольцы», Рындин громит «гада — большевика» за его «зверства» и категорически отрицает всякую возможность «непротивления» «хаму», настаивая на необходимости «активной борьбы против большевизма всех и каждого и всеми средствами».

Он совершенно не замечает всей своей нелогичности, не чувствует, что рассуждает, как пресловутый готтентот: «хорошо, когда добровольцы борются всеми средствами и плохо, когда так поступают большевики».

Между прочим, необходимо отметить, что во всех воспоминаниях совершенно нет указаний хоть на какой-либо факт, иллюстрирующий «зверства» большевиков, наблюдавшийся самим Рындиным.

Что же касается хамства, мародерства, жестокостей добровольцев (описываемых Рындиным с эпическим спокойствием), то их зафиксировано его рукой не мало. Так, например:

— «В 2 часа ночи добрались до первой стоянки — Тахтамукая Отряды: пехота, артиллерия, обозы — расположились на улице аула. Сейчас же темнота ночи прорезалась светом костров, разложенных из ветвей и камыша, наломанных в изгородях дворов».

— По дороге к станице Калужской «проходим через хутор, где делаем дневку и забираем стадо молодых баранов. Хутор большевистский — брошен. Кое-где остались женщины, старики и дети».

В Калужскую, во время «тоскливого и томительного сидения» в ней добровольцев, заехали 3 эста или латыша — офицера (корниловцы) и передавали, как радушно их встречали донские станицы, что «пощады большевистскому населению не давали и хутора большевиков сжигали».

Из этих «разговоров», развлекавших «тоскующих» Кубанских добровольцев, Рындину было, конечно, ясно, что корниловцы зверски расправлялись не только с самими «большевиками», но и с их семьями, т.-е.: женщинами, детьми и стариками, тому самому Рындину,

которого во время отступления «обуревали мысли, что станется с оставленными беззащитными родными».

В одном из последних отрывков воспоминаний, озаглавленном «Последняя преграда», мы читаем:

— Наконец, армия вошла в селение «Горская балка», где, к удивлению, головная часть была встречена ружейными выстрелами горсти большевиков. Этих безумцев захватили в плен и большинство расстреляли. Трупы расстрелянных, раздетые добровольцами, валялись на площади, когда мы в'езжали в селение Ставропольской губернии Лежанку. Мне до сих пор не пришлось ни с кем говорить о расстрелянных. Но, конечно, мы почти в каждой станице, где останавливался обоз на несколько дней — расстреливали обличенных большевиков или вешали комиссаров. При расстреле я не участвовал (тут Рындин не употребляет слова конечно Е П.), а виселицы до сих пор стоят перед моими глазами».

Что и говорить, неприятная, не эстетичная картина для интеллигента со слабыми нервами. Исключительно этой нервозностью я об'ясняю беглое замечание Рындина о стоящих перед его глазами виселицах.

Ни слова возмущения или, хотя бы просто, отрицательного отношения к «культурным» палачам за их «культурные» методы борьбы с «гадами» большевиками.

Что же говорит Рындин о своих друзьях, об активных участниках похода, об отрядах добровольцев, слившихся после отхода от Краснодара в «Славную Кубанскую армию», и об организации этой армии.

Прежде всего, он отмечает, что эти отряды были чрезвычайно незначительны по своей численности вследствие «индиферентизма части и сочувствия большевизму большинства населения города», состояли «на половину из детей». Это последнее обстоятельство, как мы уже отмечали выше, его не возмущает, не огорчает и кажется совершенно естественным.

Ему неприятно другое, а именно, что «со второго месяца, когда прошло первое увлечение отрядами, они стали таять ранеными, больными, уходящими».

И это вполне понятно. Какая могучая идея могла спаять отдельные единицы этих отрядов!

Если бы не внезапный отход белых 28 февраля от Краснодара, то их отряды совсем бы расплылись, обманутая молодежь совсем бы распылилась и остались бы только «полководцы без армии» генералы и офицеры, ненавистные трудящимся. Они, конечно, удрали бы туда, куда исчезли и теперь, спасая свою шкуру, что для них было делом первейшей важности.

Этим страхом за свою офицерско-дворянскую шкуру и об'яснялось то, что добровольцы отступили от Краснодара без всякого продовольствия, которое они бросили в Энеме в огромном количестве.

Через неделю после отхода голод в армии уже дал о себе знать: «люди с трудом добывали себе пищу, т. к. интендантская часть еще не наладилась и большинство кухонь не работало».

Во всем непорядке обвиняли Покровского, говорит Рындин, но своего мнения по этому вопросу не высказывает.

Он просто говорит: «нельзя не отметить, что многие из состава штаба армии были теми же, которые в Екатеринодаре пристраивались к штабу, чтобы не итти в окопы. Такие, конечно, по своей натуре не могли особенно содействовать делу снабжения армии, заботясь больше о собственном продовольствии и собственных удобствах».

И какою фальшью звучит восторженное восклицание Рындина при виде «славных защитников» Краснодара, сведенных в Шенджие в Кубанскую добровольческую армию и парадирующих перед Покровским и Филимоновым: «их немного, небольшие тысячи, но это сила, это дисциплина, это—альтруизм»...

Ведь спустя несколько страниц он, невольно для себя, доказывает, что эти «славные защитники» вполне соответствуют своему штабу. Свой девиз: «не признавать Советской власти и бороться до конца» они забросили бы с наслаждением, если бы им удалось осуществить свои мечты—удрать в горы и устроиться «на даче» в Ключевой, занимаясь охотой, купаньем, делая «рекогносцировки» в окрестные станицы и аулы за продовольствием. «Молодежь», да и остальные постарше, воображали, что через две—три недели большевизм падет, и они смогут вернуться домой. В противном же случае, они готовились удрать через хребет к морю, к Туапсе и там распылиться, спасая свою жизнь, которую, дескать, не стоит жертвовать за Кубань, не желающую защищаться от большевиков.

И вот мечты о такой идиллии как-бы начали сбываться. Уже в Пензенской они нашли оживающую природу и избыток яств: белый хлеб, яйца, молоко, вареники, чай и табак были к их услугам.

Как вдруг им попался замасленный листок «Нового Курьера». Все мечты доблестной армии разлетелись в прах. Что же так убило добровольцев и самого Рындина, о чем сообщал этот злополучный листок, какую «горечь и разочарование он принес этим сильным, дисциплинированным и переполненным альтруизмом» восстановителям России? Увеличились ли силы большевистские, разбит ли Корнилов или свершилось еще что-нибудь такое же ужасное?

Совсем нет. В газетке сообщалось, что... «вблизи Екатеринодара находится армия Корнилова». Корнилов, их «славный вождь» так близко около них. Это известие должно было окрылить всю Кубанскую армию, пропитать ее энтузиазмом, волей к немедленной борьбе и победе, а вместо того в ней чуть не начался мятеж, ибо Покровский решил, что теперь надо итти не в горы «на дачу», а на соединение с Корниловым. Был созван военный совет. «На собрании совета не все согласились с планом Покровского и начальники некоторых частей, поддерживая страстное желание своих команд, остались при особом мнении. В армии началось брожение, грозившее вылиться в раскол, ходил даже слух о предположении одной части арестовать командующего и назначить другого. Ночью около квартиры полковника

Покровского стоял усиленный караул для предупреждения возможного ареста».

Но все же пришлось итти, оставивши заманчивую Пензенскую, итти под аккомпанемент отборной брани, которая не считалась позором для «культурнейшей» армии России, состоявшей сплошь из интеллигентов.

Даже об'ективный Рындин не может выдержать спокойного тона, говоря об этой отличительной черте доброармии: «Надо сказать, что несмотря на интеллигентность (!) добровольческой армии (Корниловской тоже), в большей ее части отборная, многоэтажная брань висела, развевалась, колыхалась волнами и каскадами в течение всего похода, особенно при переходах через железные дороги, в опасных моментах. Кто превосходил в этом искусстве—начальство или рядовые добровольцы—сказать трудно».

Что может быть прекраснее картинки чуть-чуть не вспыхнувшего мятежа, нарисованной дружеской «белой» рукой. Как ярко изображает она всю духовную нищету «защитников» идеи «Единой-Неделимой». Какое неописуемое нравственное и умственное убожество и шкурничество, шкурничество без конца!

За один этот эпизод, замолчанный всеми другими «певцами белогвардейского стана», «хамы»—большевики и все трудящиеся должны быть благодарны Рындину.

После опубликования этого факта тщетны все выкрики Сверчковых, Гулей, Волиных, Суворинных и им подобных, красочно повествующих о всяческих героических подвигах добровольцев. Конечно, не идея гражданского долга вела их в битвы, а сознание, что среди трудящихся им нет места, что за свое предательство они должны расплатиться шкурой. В конце-концов, видя силу восставших, они были бы готовы поступиться многим из своих преимуществ, лишь бы им сохранили жизнь. Видя же, что спасения нет, эти типы—офицерство, генералы, тащили и заманывали в свои ряды молодежь и ценою их крови платили за отсрочку своей неизбежной гибели. Да, осиновый кол вбил, сам того не желая, Рындин в могилу Кубанской добровольческой армии, такой же как и все остальные добровольческие армии и так же позорно закончившей свое существование.

На этом можно было бы и закончить, т. к. остальная часть воспоминаний ничего нового, о чем не говорили бы в своих записках другие белогвардейцы—не дает.

Разве следует отметить отношение Рындина,—а следовательно и одинакомыслящей части добровольцев—пренебрежительно-презрительное к Войсковому Кубанскому Правительству, Раде и особенно «социалистам» вроде Сверчкова, Соколова, Белого и др., которые заклеймили себя навек лакейством у господ черносотенных генералов добрармии.

Воспоминания белого Рындина ясно доказывают, что победа Красного Октября на Кубани была неизбежна. Испарт.

Необходимы ли были добровольцы?

Очень распространенным, почти ходячим мнением в Екатеринодаре было утверждение, что не только не было надобности или необходимости отхода добровольческих отрядов из города, но не было надобности и в самом наборе этих отрядов и что лучше было бы, если бы Екатеринодар не сопротивлялся наступавшим с января большевикам, отдался бы, так сказать, на их милость, что большевизм-де изжил бы сам себя и у большевиков не было бы основания, при отсутствии сопротивления города, так мстить, неистовствовать и зверствовать, как это было в Екатеринодаре. Это мнение с начала до конца — ошибочное. Кто следил за газетами, знает, что зверства большевиков не уменьшались в зависимости от оказываемого сопротивления. Достаточно вспомнить Севастополь, где были принесены гекатомбы офицеров моряков, хотя Севастополь и не сопротивлялся. Несопротивление или «непротивление»—это продолжение того же соглашательства, которое было начато в Петрограде Керенским и которое предало Корнилова и лучших офицеров русской армии, усилив позицию большевиков.

Непротивление не помешало расправе с Шингаревым и Кокошкиным. Русский народ должен был освободиться от язвы большевизма, не дожидаясь, когда язва раз'ест все тело до неизлечимости. Единственный способ освобождения это — активная борьба против большевизма всех и каждого и всеми средствами.

Собирание добровольческих отрядов в Екатеринодаре, начатое капитаном Покровским, поддержанное Лисевицким, Галаевым, Улагаем и др. и было тем началом активной борьбы, которое привело к поражению большевизма на Кубани, освободившейся от большевиков без содействия иноземных сил. Нужна была организация добровольческих отрядов, но меня спросят, нужен ли был отход армии из города и не должна ли она была, раз начав защиту города, стоять на этом до конца, до полного поражения или победы.

Отряды должны держаться в Екатеринодаре до полной победы и они это сделали бы, если бы не индиферентизм части и сочувствие большевизму большинства населения города.

Полковник Покровский употребил все средства для привлечения в ряды отрядов добровольцев — но общественную тину разворошить было нельзя. Екатеринодар еще не дожил до рядового «гражданина», помышлявшего, что долг государству выше всех долгов. Добровольческие отряды защищали Екатеринодар почти два месяца; со второго месяца, когда прошло первое увлечение отрядами, они стали таять ранеными, больными, уходящими...

А по четырем направлениям на Екатеринодар надвигались многотысячные банды большевиков, снабженных всеми техническими средствами войны, кроме веры в честность своего кровавого дела...

Большевиков, наседавших на Екатеринодар насчитывают до 40.000 человек. И всю эту массу сдерживала горсть храбрецов, на половину

детей, в 1 1/2 — 2 тысячи человек, лишенная орудий, снарядов, патронов, не говоря уже о броневых поездах.

Нужно ли было принести в жертву эту горсть — когда общественная немочь сделала невозможной победу.

Их ожидала верная и мучительная смерть. За что? За то, что они отдали жизнь на защиту чести родины? Нет и тысячу раз нет. Уйдя, отряды остались силою, выросшей, в соединении с другими, в грозную мощь, поразившую гада-большевика в голову. Сдача отрядов прибавила бы к нашему трауру лишний только крен, а на кладбище — новые кресты.

Отход добровольцев сделался необходимым потому, что сдерживать большевиков при отсутствии прилива новых сил, при тогдашнем благоприятном большевикам нейтралитете большей части Екатеринодара и казаков окрестных станиц, было невозможно и они не сегодня — завтра должны были ворваться в Екатеринодар, смяв массами горсть защитников, отдыхавших от окопов на караулах и от караулов—в окопах. Отход сделался необходимым.

Отход.

Раз отход добровольческих отрядов сделался необходимостью и необходимостью, не терпящей отлагательства, нужно было провести это дело без затяжки, чтобы враг, узнав нашу слабость, неожиданным быстрым ударом не разрушил все планы. Поэтому, так несправедливы и неосновательны утверждения тех, которые упрекали командование, что ни отряды, ни население не было предупреждено заблаговременно об отходе, чтобы все участники успели повидаться с родными и запастись необходимым для похода.

Отходить отряды начали 28 февраля, авангарды днем, переходя Кубань по Траховскому мосту и переезжая по железнодорожному мосту по железн. дороге через станцию Энем по направлению к аулу Тахтамукай.

В мою задачу не входит давать официальные сведения ни о движении отдельных отрядов, ни реляций об отдельных боевых действиях добровольцев, что будет выполнено другими, по официальным источникам и дневникам. Личные впечатления, наблюдения, вот тот материал, который я собирал в походе и записывал в свои заметки.

Организованная при моем участии походная типография на трех повозках при 11 человеках, входивших в состав служащих, выехала из города в 6 часов вечера, переезжала Траховский мост, когда уже стемнело, войдя в состав обоза.

Впечатление этого вхождения в состав обоза было такое, что, казалось, мы попали в какой-то неорганизованный хаос. И действительно — темнота, неизвестность дороги, резкий порывистый ветер, понукание лошадей и разлитая в воздухе напряженность чего-то опасного, небывалого, выбившего из колеи — вот то настроение, с

которым мы покидали не только Екатеринодар, но и оседлую жизнь, насиженные углы в кругу своих родных и знакомых.

Куда мы ехали, что нас ждало впереди, какие испытания, что станется с оставленными беззащитными родными — вот те мысли, которые обуревали, которые не покидали нас.

Однако, тряская, ухабистая дорога, по которой ехала двуколка с типографским шрифтом, давала себя знать. Сидеть приходилось на покато поставленном ящике, перевязанном узловатой веревкой. Действительность заставляла забывать отвлеченное и влекла мысли к реальному — удобнее усесться, что оказывалось невозможным, соскочить с повозки и итти пешком, что оказывалось тяжелым: ноги в темноте то и дело спотыкались о застывшие колеи грязи и о вылезшие камни варварски мощеной дороги, ведшей нас к черкесскому аулу Тахтамукай.

Первый привал.

В 2 часа ночи добрались мы, наконец, до него, а вместе с тем и до первой походной стоянки.

Отряды: пехота, артиллерия, обозы — расположились на улице аула. Сейчас же темнота ночи прорезалась светом костров, разложенных из ветвей и камыша, наломанных в изгородях дворов. Кое-где кипит чайник. Другие кружками просто греются и жуют хлеб в сухомятку. Подхожу то к той, то к другой живописной группе, разговоры все еще об Екатеринодаре, об эпизодах отхода, о взятых и не взятых вещах, об вышедших или оставшихся в городе защитниках. Отряд еще живет прошлым. Будущее еще не захватило его. Больше всего трактуется, однако, вопрос о возможности и невозможности преследования отрядов большевиками. Так и провели первый привал под открытым небом, кто сидя, кто богатырски заснув, завернувшись в бурку, а чаще, в подбитую ветром солдатскую шинель.

Учет сил.

На утро отряды двинулись к следующему аулу Шенджий. Любопытно было наблюдать особенно растянувшийся на версты обоз, каких только экипажей не было в нем: и походные двуколки, и четырехколесные повозки, и арбы, и линейки, и фаэтоны с сидящими на козлах извозчиками. И сколько знакомых лиц или примелькавшихся на улицах физиономий. Какие странные костюмы на тех кого привыкли видеть одетым в культурный костюм. У одного солдатская шинель, у другого — полушубок, у третьего кожаная куртка. А эти генералы и полковники, с которыми приходилось встречаться в клубах, на концертах. Как они плотно уселись на козлах и мастерски правят лошадьми, как будто родились кучерами. Вот на остановке старый, старый генерал, едва передвигая ноги, подвязывает торбу с овсом к лошадиной морде. А вот директор, не все ли равно какой, возится у колес. Там сидит на

повозке чиновник и с аппетитом уплетает сухой хлеб. Сколько, однако, женщин в отряде и в форме добровольца и сестер, и просто дам, и девиц, не решившихся отпустит своих мужей в одиночку. Странное, небывалое зрелище, когда сидишь на краю дороги и наблюдаешь проходящих и проезжающих. Вот с вещевыми мешками плетутся добровольцы, только что оставившие окопы. Какая зеленая молодежь. На многих пальто и фуражки гимназистов и реалистов. Тяжелая винтовка торчит у них за спиной.

В ауле Шенджий переночевали, кто в саклях, кто опять под открытым небом, а на утро в 10 часов назначен был смотр отрядов Командующим Покровским. Выстроиться на площади обязаны были все, не только боевые, но и обозные части (без повозок), которых не мало ехало с отрядами в фаэтонах и собственных экипажах.

Выстроились. В первый раз оказалось возможным увидеть в одном месте всех славных защитников Екатеринодара. Их немного — небольшие тысячи, но это — сила, это — дисциплина, это — альтруизм. Отдельные отряды, защищавшие Екатеринодар на разных фронтах, слились в Кубанскую Добровольческую Армию, которая поставила своим девизом — не признавать Советской власти и бороться до конца.

Почему, однако, собрав армию к 10-ти часам, Командующий войсками и Войсковой атаман начали смотр только в первом часу, продержав плохо одетых людей под холодным пронизывающим ветром.

Ура за Кубань и Кубанское Правительство было не дружное, чему способствовало раздражение на напрасную трату, усталыми людьми, энергии.

Черкесы и союзники.

Переночевав еще ночь в ауле Шенджий, на утро мы распрощались с гостеприимными черкесами. Кстати, об этом гостеприимстве союзников: стакан молока — 1 руб., яйцо — 1 руб., пол походного котелка молока — 5 руб., хлеб — 15 — 20 руб. Это форменные мародеры были. Были, конечно, и исключения, но чаще всего среди бедных черкесов, которые на вопрос: «сколько»? отвечали: «сколько дашь». Но у этих: «Бика нэма, корова нэма, молока нэма, хозяин сдох». Впоследствии мне придется сказать не мало о черкесах. Пока же отмечу: как приятно после дорожной пыли, тряски усталому, голодному зайти в чистую саклю черкеса, где хлопотливая черкешенка, в своем миниатюрном хозяйстве хлопочет около очага, приготовляя пышки без соли и наливая стакан за стаканом чай. Как уютно кажется у этих горцев.

В горы.

Из аула Шенджий 3-го марта уже не отряды, а Кубанская Добровольческая Армия тронулась в станицу Пензенскую, лежащую по дороге к Ключевой. Командование решило итти на Ключевую, что так совпадало с желанием молодежи — добровольцев, уставших от непрерывных

боев в январе и феврале. Настроение у армии какое-то бодрое, радостное. По общему мнению большевики, захватив Екатеринодар, не решатся преследовать армию и ослаблять свои силы тем более, что горы составят для армии прекрасный тыл. А в случае, если бы большевики и решились на преследование, то армия будет неуязвима, имея один фронт.

Молодежь, всегда мечтающая, живущая будущим, строит планы жизни в Ключевой, в чистых домах, с охотой и, главное, купаньем, которое так манит после окопной жизни, дорожной пыли и, главное, паразитов, неизменных спутников боевой жизни, самого необходимого и страшного врага добровольца Правда, недостаток продовольствия за Кубанью, в черкеских аулах, обещает сделаться еще серьезнее в Ключевой, где горы ничего не дадут, но этот вопрос улаживается в горячих головах надеждой на рекогносцировки в окрестные станицы и аулы.

Прожить 2 — 3 недели на даче, выжидать падения большевизма, отрезвления казаков, заниматься пропагандой среди казаков, организовывать армию... А в крайнем случае — перевалить хребет, туда, к морю, к Туапсе. И там распылиться, спасти хоть свою жизнь, которую не стоит жертвовать за Кубань (специфическое — ударение на «у»), раз если кубанцы не желают защищать свои родные хаты от надвинувшегося деспотизма х а м о в — б о л ь ш е в и к о в.

Сама природа как-будто поняла этот страстный крик жизни: резкий холодный ветер ослабел, солнце залило светом и теплом дорогу с окружающими ее вспаханными полями и перелесками. Второй перегон я предпочел тряске на двуколке — итти пешком, опережая обоз, кое-где отдыхая, лежа на просохшей земле.

Вот она прелесть жизни — чистота воздуха, здоровая усталость и здоровый аппетит, при котором удовольствие доставляет и сухой галет, и корка хлеба. А впереди — отдых в станице, где будет горячая пища, молоко, яйца.

В станице Пензенской действительно все оказалось на-лицо: и белый хлеб, и яйца, и молоко, и вареники, табак, и даже чай по 6 руб. за полфунта, от какой цены мы отвыкли в Екатеринодаре.

Но зато какое разочарование преподнесла станица. Какой грустный аккорд ко всем упоительным мечтам. В станице был получен первый № газеты «Новый Курьер» после выхода нашего из Екатеринодара. И вот он то и принес всю горечь и разочарование. В газете мы узнали, что вблизи Екатеринодара находится армия Корнилова. Сведения этого затрепанного листка, полученного на другой день после прихода нашего в Пензенскую, вместе с другими косвенными, полученными контр-разведкой через черкесов, и послужили основанием командующему армией полковнику Покровскому, изменить решение об отхождении в горы и итти на соединение с Корниловым.

Однако, на собрании Совета не все согласились с этим планом, и начальники некоторых частей, поддерживая страстное желание своих команд, остались при особом мнении. В армии началось брожение,

грозившее вылиться в раскол. Ходил даже слух о предложении одной части арестовать командующего и назначить другого. Ночь около квартиры полковника Покровского стоял усиленный караул для предупреждения возможного ареста.

К счастью, однако, брожение не вылилось в форму столкновения. Я говорю «к счастью» потому, особенно, что в скором времени погода переменилась, пошел снег, который похоронил бы армию в горах, лишив ее сообщения, провианта и фуража. «К счастью» и потому еще, что соединение с Корниловым дало в результате возможность усилиться армии, пробиться на Дон, сохранив жизнь многих, вышедших из Екатеринодара, которые и оказались впоследствии в числе освободителей его от большевистского ига.

Теперь так просто разрешается этот вопрос прошлого, но тогда Командующий Армией принял на себя большую ответственность, нажил много новых врагов и вместе с тем проявил большое мужество, заявив: «они пойдут туда, куда я прикажу».

На этом эпизоде похода разбросано было много цветов, слухов, сплетен, которые вообще процветали в армии, не имевшей в распоряжении ничего верного и не знавшей тех целей, которые преследует командование.

Так, в Пензенской говорили, что будут расстреляны два офицера, особенно настойчиво отстаивавшие свое мнение, что, однако, оказалось вымыслом.

Пребывание в Пензенской, которую мы покинули 6 марта, было отмечено и одним комическим эпизодом. Среди белого дня над станицей показался треугольник пролетавших диких гусей. Раздался ружейный выстрел, за ним другой, третий... станица с разных сторон огласилась ружейной трескотней.

Охотились...

Гуси улетели невредимыми.

Через несколько дней было напечатано в приказе Командующего о недопустимости такой вольной охоты в походе, а потерпевшим оказался «Дяця Володя», известный вероятно большинству Екатеринодарцев — грузин, полный студент, бывший в рядах добровольцев и замеченный начальством во время стрельбы по гусям на церковной площади. «Дядя Володя» пошел под арест, сопровождаемый отборной бранью производившего арест офицера.

Надо сказать, что, несмотря на интеллигентность добровольческой армии (Корниловской — тоже), в большей ее части отборная, многоэтажная брань висела, развевалась, колыхалась волнами и каскадами в течение всего похода, особенно при переходах через железные дороги, в опасных моментах. Кто превосходил в этом искусстве — начальство или рядовые добровольцы — сказать трудно.

В поисках Корнилова.

6-го марта вышли из Пензенской обратной дорогой на аул Шенджий, где установили радио и ждали радио-телеграммы от Корнилова; посланы были разведчики. Но все тщетно: Корниловская армия не дает о себе знать. Радио только и уловил телеграмму большевиков из Батума в Севастополь, которая просит дать помощь миноносцу «Стерегущий», ушедшему в Новороссийск, т.-к. в Батуме «белая банда» захватила крейсер «Карл I-й» и порт. Но какое дело нам до «Карла I-го», нам, заброшенным в голодное Закубанье, окруженным со всех сторон таким врагом, который, в случае нашей оплошности, перестреляет и перережет всех. Нам надо Корнилова с его армией, с его именем. Говорили, что Покровский сказал: «каких это ни стоило-бы жертв, мы должны соединиться с Корниловым». Не так, однако, думало большинство — молодежь, которая с трудом расставалась с неосуществленной мечтой об отдыхе, предвидя еще предстоящую тяготу боев и похода. А один враг уже дал себя чувствовать: голод. Армия вернулась в аул Шенджий, где только-что все было под'едено в первой остановке, и теперь люди с трудом добывали себе пищу, разыскивая и покупая все, что ни попадется, сами, т. к. интендантская часть еще не наладилась и большинство кухонь не работало.

Конечно, ответственным за все эти недостатки считали Командующего Армией. Его же обвиняли и в том, что из города не было взято самого необходимого для продовольствия — муки, что на станции Энем остались полные вагоны сахару, галет и т. п. Кто виноват в этих недосмотрах, сказать, конечно, трудно, трудно, но нельзя не отметить, что многие из состава Штаба Армии были теми-же, которые и в Екатеринодаре пристраивались к Штабу, чтобы не итти в окопы (я говорю про способных носить оружие). Такие, конечно, по своей натуре не могли особенно содействовать делу снабжения армии, заботясь больше о собственном продовольствии и собственных удобствах. Так или иначе, но в нашем походе получалось такое впечатление, что никто не заботится о продовольствии армии и зачастую приходилось слышать от бойцов о голоде и испытывать его самому.

8-го вышли из аула Шенджий к аулу Лакшукай с целью ударить во фланг большевикам, идущим против Корнилова. Получены были точные данные, что Корнилов на-днях был в Кореновской и по расчету времени должен был подходить к Пашковке, отстоящей от Лакшукая версты на 3—4, на противоположном берегу Кубани.

Вышли ночью в то самое время, когда строевые части уже переправились через Кубань к Пашковке.

«Ночь тиха, ночь темна». Темно до того, что голова обоза заблудилась, потеряла дорогу; какая-то молодежь (оказалось из инженерной роты) прорубает шашками проволоку изгороди, преградившей путь, разводят около прорыва костер. Первые же повозки вязнут в болотце. Долго возятся пока какой-то черкес-проводник не указывает

настоящей дороги, вдоль изгороди; устраняется необходимость и костров и разрыва проволоки.

Пока идет возня с изгородью, ухожу в темноту ночи пешком — один. Нагоняю какие-то фигуры, среди которых нахожу и знакомых. Завязывается разговор. Незнакомый офицер доказывает горячо необходимость итти вперед на борьбу для спасения России, а не искать отдыха на дачах. В разговорах оставили обоз где-то далеко и, в конце-концов, заблудившись, вынуждены ожидать рассвета, который выясняет, что взяли слишком вправо по направлению к хутору, занятому большевиками. Пошли к Лакшукаю, по дороге остановились на хуторе пить чай.

Грабитель черкес.

Встретили радушный, может быть, и не искренний прием иногородних хуторян, арендующих землю у черкес и живущих бедно. В то время как пили чай, к приземистой землянке-жилищу наших гостеприимных хозяев, поставивших нам даже сахар, который с начала похода уже ценился на вес золота, подскочил залихватски черкес. Хозяин вышел. Оказалось требует вывести лошадей для реквизиции. Мы попросили выйти бывшего с нами полковника, поговорив с которым черкес ускакал не солоно хлебавши. Не всегда, однако, проходит так невинно черкесский наезд. Подойдет, наставит револьвер и требует денег, отбирает лошадь. И что ни предпринимали в походе для искоренения черкесского грабежа, какие приказы ни писались, какие угрозы ни раздавались со стороны власти — ничего не помогало. Грабили и грабили. Въезжая в станицы и хутора первыми, начинали рыскать и разыскивать по домам добычу. Но эти же черкесы зато были редкими храбрецами при преследовании бегущих большевиков, которых рубили без сожаления.

Нельзя не отметить, что большевики разграбили и разорили закубанские черкесские аулы. Взяли все, что можно: хороших лошадей, седла, шашки, кинжалы черкесские и т. д., и т. д. Бывали случаи, что большевик заберет у одного черкеса кинжал, нацепит на пояс, встретит другого — нацепит с другой стороны. Жадность большевиков доходила до того, что отбирали у черкешенок серебряные грошевые кольца. Черкесы мстили и некоторые в месть не отличали большевиков от не-большевиков, казаков от иногородних. Черкес грабил, чтобы возместить свои потери, а часто и чтобы нажиться.

Неудача.

Пришли в Лакшукай. С той стороны Кубани идет ружейная и артиллерийская перестрелка с большевиками, окопавшимися у Пашковки. Наши части и за рекой но предприятие оказывается неудачным. Тратить снаряды и патроны бесцельно: Корнилова нет. Узнав, что наша добровольческая армия покинула Екатеринодар, Корнилов

повернул от Кореновки в Усть Лабу, где и переправился через Кубань. Однако, по случайному совпадению нажим нашей армии на Пашковку оказался полезным для Корниловской армии, оттянув силы большевиков и дав возможность Корнилову легче переправиться. Но тогда-то этого не знали.

Отступление.

Но тогда-то мы не знали о том, что Корниловская армия переправляется на нашу сторону Кубани. Мы оставались одни со своей неудачной попыткой, почти без снарядов, значительная часть которых была расстреляна на Пашковской переправе. Начинается новая, но уже унылая операция — уходить в безопасное от большевиков место, то снова в горы, но это новое «в горы» уже не так радужно и для молодежи. В то время, как мы шли к Корнилову и пытались так неудачно овладеть Пашковской, большевики успели окружить нас со всех сторон, мы оказались в кольце врагов, из которого нам и предстояло выбраться, чтобы сохранить свои жизни. В холодную ночь, одни унылые от неудачи, другие испуганные за свою жизнь, мы стали отходить от берегов Кубани, аула Лакшукая, по направлению к станице Калужской через аул Хатлукай. Командование принимает меры к сокращению обоза и, как бы в наказание, разбивается аппарат радио за то, что не сумел принять голоса Корнилова. Бросают и повозки, одну — типографию, между прочим, частные экипажи, но прибавляя повозки с новыми ранеными, и все-таки обоз вытягивается версты на три. Не разводить костров в ожидании движения, не шуметь и не курить во время движения. По бокам дороги — пехота застывшая, голодная ожидает прохода обоза, провожая обозных не совсем лестными словами: У, сволочи, проезжайте, так вас так... Тут мерзни, дохни из-за вас. Обоз — обуза для армии, тем более, что он, кроме раненых, да снарядов, не везет ничего ценного для добровольца, ни теплой одежды, ни хлеба, ни муки, ни сахару, ни чаю. Там больше повозки разных тыловых частей, да частных лиц, уходящих от большевиков. Отход из Екатеринодара произошел слишком поспешно и теперь результат: армия голодает и мерзнет. По дороге к Хатлукаю натыкаемся в лесу на 2 трупа с изуродованными ударами прикладов лицами. Опознают наших же контр-разведчиков, посланных к Корнилову. Очевидно кто-то выдает их и в самой армии имеются шпионы, что впрочем впоследствии и подтвердилось.

В ауле Хатлукай — остановка и ружейная перестрелка с большевиками, засевшими в ущелье в окопах. Выбить их, однако, не удается и приходится итти другим путем.

Романическое приключение.

Бродя ночью по аулу Хатлукай, в котором остановился обоз, натолкнулся на тяжелую картину. Из лесу выбежала женщина окровавленная; лицо, грудь, руки—в крови. Прерывающимся голосом об'ясняет

нескольким лицам, собравшимся случайно, что офицер (такой-то) предложил ей пройтись за аул переговорить о побеге из отряда. И когда отошли с полверсты от аула, неожиданно бросился на нее ни с того, ни с сего и стал наносить раны в лицо, грудь и душить. Раненую уложили на принесенную солому и побежали за врачем. Офицер этот, которого перед кровавой развязкой видели несколько раз с пострадавшей, так и исчез из отряда. Даму положили в лазаретную повозку и впоследствии она поправилась и теперь жива, и здорова, и несомненно попрежнему развлекается флиртом, от которого едва ли ее избавила кровавая прогулка.

Паника.

Армия идет от Хатлукая по знакомым уже местам около аула Шенджий по перелескам и кустарникам. Взошедшее солнце несколько согрело замерзших скитальцев, жующих на ходу черствый хлеб и сухие галеты—походный завтрак. В лесу тихо, раздается пение птиц, теплые весенние лучи свободно проходят сквозь оголенные ветви деревьев. Кажется, что нет никакой опасности, нет этой жестокой гражданской войны и мы совершаем просто какую-нибудь экскурсию. Но это только кажется. Тишина хранит в себе неизбежную опасность гибели всех, если только не будут напряжены все силы, чтобы вырваться из кольца врагов. И эта близость опасности скоро сказалась в охватившей обоз панике. Надо сказать, что среди обозных было не мало трусливого элемента, который вслед за выяснившейся неудачей, стал подготовляться к бегству из армии, подобно романической даме. Приобретались за тысячи рублей лошади, седла, забирались лошади, освобождавшиеся от оставляемых при сокращении обоза повозок, изобретались целые планы прорыва за конницей, бегство в одиночку и т. д. В нашем типографском обозе тоже нашлись такие тыловые герои. Переодетый в штатский костюм дьячек, он же казак Чепелов подговорил шедших с типографией молодых писарей казаков бежать в Пашковку, оставаясь сам в армии. Подверг, как выяснилось впоследствии, их жизнь опасности, только для того, чтобы для него самого и его друга освободились лошади из обоза, на случай бегства, т. к. купить лошадей им было не на что; эти глупые парни попались к большевикам, их уже вели к расстрелу в штаб и спаслись они чудом, встретив Корниловский раз'езд, который спас их и превратил из конвоируемых в конвоиров. Такой элемент в обозе и общее нервное настроение, созданное повисшей над армией тучей опасности, не мог, конечно, содействовать спокойствию и хладнокровию. И вот, когда обоз втянулся в лес, впереди обоза раздались крики: «Конница вперед», «Неприятель», «Большевики». Как неожиданный шквал пронеслись эти крики и все смешалось: повозки понеслись вперед, вместо того, чтобы остановиться, поскакали всадники, ехавшие с обозом в лес, многие из них и были из тех, которые собирались дать тягу. Получился хаос. Понемногу, однако, выяснилось, что тревога была ложной, впереди кроме своих никого не было. Однако

обоз все-таки свернул в лощину, повозки пронеслись по густому кустарнику, задевая пни и деревья и выехали на поляну, на которой была табачная плантация.

Стали выяснять причину паники—так и не выяснили. Надо заметить тем не менее, что паника началась с головы обоза, а в голове ехали штабные части, правительство и Рада. Около плантации был сделан короткий привал, после чего через еще более узкую лесную дорожку, по колеям и выбоинам, полным воды, обоз вышел на открытое место. На мне эта паника отразилась тем, что пришлось самому править по ужасной дороге лошадьми, т. к. охотно сидевшая на двуколке в спокойных местах братия, вся разбежалась в минуту опасности.

В первом бою.

А опасность оказалась близкой. Скоро раздались орудийные выстрелы, к ним примешалась пулеметная и ружейная трескотня. Начался бой, от исхода которого зависело, удастся ли нам вырваться из большевистского кольца и сохранить свои жизни. Обоз наш, расположившийся на поляне, оказался в сфере орудийного огня. Я долго стоял, растерянно слушал об'яснения, где находится противник, откуда он наступает, где наш правый и левый фланг и ничего-таки не понимал. Вскоре дано было распоряжение всем обозным, могущим нести оружие выступить в цепь, т. к. один из флангов, под натиском большевиков ослабевал. И вот образовалась новая большая цепь. Пошли многие и не бывшие в состоянии владеть оружием, что знаю на собственном примере, т. к. делал попытку итти в цепь, но безуспешно. Сердцебиение при под'еме на гору оказалось настолько сильным, что пройдя полторы версты, должен был обессиленный вернуться к обозу вместе с двумя старыми генералами, которые оказались в одном со мной положении Мера эта —выход новой цепи возымела свое действие. Большевики, увидав свежую цепь, дрогнули и участь боя была решена в нашу пользу. Этот день был чреват самыми крупными неожиданностями. Во время перелома боя, когда только что дрогнули большевики, где-то среди леса раздались крики «ура». Что это значит? Атака в штыки? Слишком близко. Оказалось приехал Корниловский раз'езд.

Корнилов ли?

Слишком радостно было это событие, чтобы изверившаяся в удачу армия, могла поверить сразу близости Корнилова. У многих появилась мысль, что это — провокация большевиков, желая разрушить нашу победу и посеять смущение в рядах армии. Так же осторожно была принята весть и командованием. Генерал Покровский и генерал Эрделли были в бою. Раз'езд принял бывший Начальник Штаба полковник Гаденко, который предложил раз'езду выдать оружие, что и было выполнено; поставил в стороне взвод с наведенными винтовками и только после

этого приступил к переговорам. Узнали офицеров, знакомых наших и быстро, как молния, к радости победы присоединилась радость ближайшего соединения с сильной по нашим предположениям армией Корнилова. Обоз тем временем передвинули вне сферы огня к лесу, где и переночевали у опушки под холодным ветром и ливнем. Это была одна из ужасных ночей. Непрерывно раздавались выстрелы, постепенно удаляющиеся по мере отхода, теснимых славной Кубанской армией, большевиков. Холодный ветер с ливнем, заливающим всю почву, повозки, залезающим под шинели, в рукава. Темная непроглядная ночь, пережидаемая сидя на повозке, прикрывшись промокшими брезентами или лежа под повозками на промокшей почве. Голодный желудок. Утром выстрелы замирают, еле-еле слышны. Выясняется, что Корнилов с штабом стоит в ближайшем ауле. Настроение улучшается. Кой-где варят в чайниках и котелках чай, беря воду из луж.

Засыпало снегом.

Обоз двигается дальше за строевыми частями, пробивающими дорогу через большевиков к станице Калужской. От прошедшего дождя дорога раскисла. Солнце тусклое не греет. Проходим через хутор, где делаем дневку и забираем стадо молодых баранов. Хутор большевистский брошен. Кой-где остались женщины, старики и дети. Везде раздается блеяние агнцев, как в древнееврейскую пасху. Чем ближе к Калужской, тем больше и больше грязи, превращающейся в сплошное черное кашеобразное тесто, которое месится лошадьми и повозками. Так по грязи и воде в'езжаем в станицу, расположенную на двух крутых берегах какой-то реченки. Мост через эту реченку, с большим крутым под'ездом задерживает на часы каждую повозку. Но наконец-то мы и в теплой хате после многих дней (сегодня 12 марта) холода, ночных переездов и ночевок на воздухе. Наслаждаешься теплом, валяясь на соломе на полу и обнаруживая впервые у себя внутреннего врага, составлявшего такое жестокое нападение в течение всего похода. Теплые щи из реквизированного гуся, горячий чай с самоваром — как все это примитивно и как вместе с тем прекрасно.

На другой день наше командование уезжает к Корнилову. Перед квартирой командующего Покровского, после боя под Шенджий произведенного Кубанским правительством в генералы, собирается конвой: взвод черкесов и такой же казаков. Развеваются знамена — георгиевское, красное и зеленое знамя пророка. После 2-х часового ожидания появляется всегда хладнокровный и спокойный генерал Покровский. Вскоре за ним показывается сподвижник Корнилова, словно выточенный из кости изящный генерал Эрделли; садятся на лошадь члены Кубанского правительства и представители Кубанской Рады. И на фоне этой пестрой подвижной картины выделяется рыцарь печального образа — массивная фигура бывшего председателя Государственной Думы Родзянко, под которым, кажется, сейчас сядет и ляжет некрепкая лошаденка...

Начинается Калужское сидение, сначала в грязи, а затем в снегу, который начав итти крупой, засыпает и станицу и окрестности пушистым покровом, как бы замораживая последние проблески русской свободы, которую с таким самопожертвованием и лишениями проносит добровольческая армия сквозь разнузданно алчные и продажные толпы изменников отчизны — большевиков.

Куда мы пойдем дальше, куда поведет, к каким победам или испытаниям герой России ген. Корнилов — неизвестно. Одно становится ясно, что ближайшее «в горы», занесенное снегом, становится неосуществимым. Предположения о будущем варьируются на разные лады: то в Екатеринодар, то, через Майкопский и Лабинский отделы, в Терскую область, то на Дон. Вскоре выясняется, что соединение с армией Корнилова произойдет в станице Новодмитриевской, и что отныне не будет армии Кубанской, а единая Алексеевская или Корниловская, как ее называют попеременно. Ген. Корнилов, по слухам, отнесся недружелюбно к Покровскому, к производству его правительством в генералы. Вскоре ген. Покровский передает свою власть над армией ген. Корнилову и прикомандировывается генералом особых поручений при Командующем добровольческой армией, оставаясь в звании командующего Кубанским казачьим войском, которого еще нет и которое предстоит сформировать Покровскому.

Калужское сидение.

В станице Калужской мы просидели целую неделю с 13 по 20 марта. Тоскливо и томительно было это сидение, однообразное, ничем не освеженное. Изредка заглянут в хату для ночлега корниловцы, которые ведут бой около Новодмитриевской. Вот заехали 3, не то латыша, не то эста, один из них капитан с отмороженным ухом. Внесли свежую струю. От них мы впервые узнали, что в Украину, заключившую мир с немцами, введены немецкие войска. Он-же рассказал о своем походе с Дона. По их словам, Ростов пришлось оставить, т. к. силы большевиков значительно превосходили добровольческую армию, да к тому же среди большевиков появились австрийские офицеры, которые в полной форме теперь расхаживают по городу. Передавали, как их радушно встречали донские станицы, что пощады большевистскому населению не давали и хутора большевиков сжигали, говорили об ужасных боях, выдержанных ими в Кубанской области, около Выселок, Усть-Лабы и т. д.

Корниловцы производят впечатление людей, закаленных в боях; видно, что они обтерпелись и ко всем превратностям походной жизни привыкли.

Вот гимназист VII класса Новочеркасской гимназии, казак. Весь он дышет гордостью и довольством. Участвует в походе не только телом, но и душой. Все хорошо и сомнений у здорового юноши никаких нет.

А снег все сыпет и сыпет. Ни солнца, ни клочка голубого неба в течение 6 дней. Снег, выпавши на лужи, размешивается проезжающей повозкой или верховой лошадью, образуя по улицам непролазную топь.

Добровольческую армию «засосало». И только удивляешься, как, в эту погоду, идет бой. Слышны выстрелы. Части Кубанской армии под руководством Покровского, сохраняющего командование до окончательной выработки соглашения Корнилова с Кубанским правительством о слиянии армии, дано было задание обойти большевиков с фланга, дабы не дать им возможности с Новодмитриевской уйти на Георгие-Афипскую. Части, отправившиеся для выполнения этой задачи, вернулись назад, т. к. встретили по дороге разлившуюся от дождей речку, переправляться через которую пехоте пришлось бы по горло в воде или вплавь Войска вернулись в Калужскую.

Наконец-то на 7-й день сидения показалось солнце, началось таяние и оседание снега, а вместе с тем и мы тронулись вперед... на Екатеринодар.

К Екатеринодару.

Несмотря на обаяние имени Корнилова — стратега и Корнилова — героя, и тогда уже среди кубанцев, знавших и о силах большевиков в области, и о настроении казачества и городского населения, преобладало мнение, что поход на Екатеринодар — дело рискованное, что при удаче занятия его, не имея обеспеченного тыла, армия снова попадет в кольцо большевиков. Но... с Корниловым никто спорить не мог. Армия тронулась вперед через Новодмитриевскую и Георгие-Афипскую к Кубани.

Классическая грязь.

Долго было бы рассказывать шаг за шагом и день за днем движение нашей армии. Если бы я стал передавать своему дневнику происшествия и впечатления всего похода, то пришлось бы занять внимание читателя на много страниц.

С выходом из Калужской мы все время были в полосе орудийного обстрела, который обычно заканчивался только вечером, у нас-же шутя говорили, что большевики соблюдают 8 ми часовой рабочий день.

Дождь и снег, мучившие нас до сих пор, сменились туманом, сплошным молочным пологом покрывавшим землю при облачном небе. Холодно и промозгло тяжело переправляться по бурливым речкам и ручьям. Некоторые переправы были ужасны. То видишь всадника, вскочившего смело в воду и перевернувшегося вместе с лошадью в глубокую яму. То при переправе двуколка опрокинулась в самой воде и, беспомощно, стоит по пояс в воде, в тулупе и поверх в халате, в синих очках, какой-то банковский чиновник, он же и кучер, привыкший до сего дня всю жизнь писать ряд цифр и щелкать на счетах.

Армия гонит большевиков, выбивает их из станиц Смоленской, Георгиевской, Новодмитриевской, где мы задерживаемся на несколько

дней. А там идет уже бой под Георгие-Афипской, в которой после очищения ее большевиками, мы и переходим первый раз полотно железной дороги. Так странно видеть рельсы, полотно дороги, железнодорожную станцию Почти месяц, как мы покинули культурные места. Сегодня 21 марта, но и культура то какая. На станции взорванные вагоны, исковерканная платформа, валяется железо, ящики, осколки снарядов и т. п.

Растет надежда на возвращение в Екатеринодар. Большевиков гонят в сторону Энема и Северской, опять близкие знакомые станции, а с ними кажется более достижима и мечта о возвращении в Екатеринодар. Но прежде еще надо добраться до Кубани, переправиться через нее. А эта дорога к Кубани, к аулу Панахес, поистине, чудовищная дорога. Грязь классическая. Не грязь, а реки грязи, грязевые залежи, в которых вязнут лошади по брюхо, повозки выше колес. Бедные раненые, которых, с соединением с Корниловым, насчитывают свыше 1500 человек. К холоду и тряске прибавляется мука — забрызгивание жидкой грязью сплошь всего человека.

Несчастные животные, лошади, надрывающиеся, чтобы вытащить тяжелое орудие, снарядный ящик из омутов грязи и зачастую сваливающееся тут же на дороге. Сколько умерших раненых, сколько брошенных лошадей, повозок...

Наконец выезжаем на более сухую дорогу, на берег реки Афипс, и яркое солнце вознаграждает за все переживания и мучения. Подъезжаем к аулу Панахес, где и остаемся до следующаго утра, когда и подходим к Кубани.

Переправа через Кубань.

Какое-то радостное настроение охватило нас на берегу Кубани. Там, за рекой многоводной, разлившейся Кубанью — наш Екатеринодар, где будет конец мытарствам, тяжести похода и опасностям. Армия забыла о горах. Соединение с Корниловской армией влило струю бодрости и энергии. Вера в Корнилова, признанного вождя, вселяет веру в успех похода на Екатеринодар. Радостному настроению способствовала и погода. Яркое солнце позолотило Кубань и полноводные плесы ее. Чувствуется, наконец, весна, на деревьях видна первая зелень.

Переправа идет одним паромом, почему-то не уничтоженным большевиками. Налаживается второй паром, отправились за поисками каната Переправляются медленно, по 20 повозок в час, а всех их свыше 2000. С соединением с Корниловым, обоз вытягивается в пути на 8—9 верст. Ведь Корнилов везет раненых с самого Ростова и ото всех боев похода через Дон и Кубань. Верховые переправляют лошадей вплавь, переезжая на легких байдах, за которыми плывут в поводу 2—3 лошади. Спокойствие переправы (слышны только отдаленные одиночные выстрелы, которыми обменивается наш ариергард с идущими по нашим пятам большевиками) еще более убеждает в осуществимости плана Корнилова,

овладеть Екатеринодаром. Всех охватывает нетерпение скорее перебраться на другой берег, но, в первую очередь после артиллерии и авангардов, перевозят раненых и мы сидим на берегу третий день, к концу которого вся армия благополучно переправляется — и ариергард, и обозы расквартировываются в станице Елизаветинской в то время, когда строевые части ведут уже бой за обладание Екатеринодаром.

Слухи.

Армия всегда жила слухами, подчас самыми невероятными, другого материала для суждения не было, за исключением редких сводок Штаба, да рассказов очевидцев, которые большей частью наблюдали то, чего не было.

Так, в армии еще до переправы распространился слух, что Ростов занят чехо-словаками, что чехо-словаки двумя корпусами идут на Екатеринодар. Это — их отдаленные орудийные выстрелы.

То распространится слух о расстреле того или другого екатеринодарца в городе большевиками, а через несколько дней обнаруживается, что екатеринодарец этот жив и здоров и идет с армией.

Сейчас особенно много слухов. Екатеринодар близко. Так хочется в него попасть. Доносящиеся выстрелы, возвращающиеся разведчики приносят самые разноречивые слухи: наши заняли кожевенные заводы и Черноморский вокзал... Бой идет на Сенной площади... Большевики окопались на Дубинке и Покровке и обстреливают центр города, где сосредоточены наши силы... Большевики эвакуируются и т. д. А между тем, день идет за днем в томительном ожидании, в бессильном беспокойстве за родных бойцов, ушедших на опасное дело, за родных и друзей, оставшихся в Екатеринодаре и подвергающихся тяжкой опасности во время бомбардировки города и еще более тяжкой, в случае неудачи этого рискованного дела, за которое выместят злобу большевики на тех, кого они в состоянии будут достать

Жестокое разочарование.

Напряженное ожидание усугубляется страшным, поразившем армию, как гром, известием о смерти вождя и героя Корнилова. Нанесен тяжкий удар не только армии, но и всей России. Говорят, что, назначенный ген. Алексеевым командующим армией ген. Деникин вполне заменит Корнилова, как опытный стратег, но не стало имени, которое одно делало чудеса и за которым могла пойти вся Россия. Так например, при начале осады Екатеринодара в армию стали вливаться казаки, мобилизацию которых поручил ген. Корнилов ген. Покровскому. Уже вступило в армию 800 челов. из станицы Елизаветинской, 500 чел. из Марьинской, 200 чел. — 300 чел. от Старотиторовской. Другие же жители станиц, куда направился для мобилизации Покровский, просили, чтобы приехал сам Корнилов, т. к. за ним все пойдут. А офицерство, а

черкесы—разве они не шли за именем Корнилова. Но надо мириться со всем, борьба продолжается, выстрелы не умолкают. 31 затребованные подкрепления от обоза, говорят о больших потерях наших, о неправильных сведениях контр-разведки, сообщившей, что большевиков в Екатеринодаре 20.000 человек: их гораздо больше. Слухи и слухи. Напряженное состояние. Надежда сменяется сомнением. И когда, наконец, обозу отдается распоряжение выстроиться на северо-восточной окраине станицы, откуда дорога идет на Екатеринодар, охватывает радостно трепещущая надежда, что Екатеринодар взят, что скоро увидишь своих, помоешься, освободишься от ужасных врагов паразитов и начнешь снова жить культурной жизнью, расставшись навсегда с непривычной тяжестью походной жизни.

Но, увы, радость скоро сменяется ужасом. Наша армия отступает от Екатеринодара, понеся громадные потери и расстреляв все снаряды. И великие стратеги совершают ошибки. Положение армии и тех, кто с нею, становится критическим. Расстаться с мечтой о родном городе больно до слез. Эпос похода переходит в трагедию похода. Армия должна отступать, уходить, без славного вождя, без снарядов, раздетая, без угла, неизвестно куда и неизвестно зачем. Наше настроение делается мрачным. Повсюду слышны резкие окрики, хлопание кнута и раздраженная ругань.

Поспешное отступление.

Я не потому, конечно, называю первую часть похода, до Екатеринодара, эпосом похода, что он был легче и безболезненнее второй части. Нет, и до штурма Екатеринодара строевые части вели серьезные, опасные бои, люди гибли на фронтах убитыми, ранеными и больными, умирали раненые за отсутствием перевязочных средств на повозках, замерзали в холодные ночи в дороге, и только трупы их довозили до стоянок. Были все тяготы холода и голода, усталости и изнеможения. Но все это до Екатеринодара освещалось надеждой на скорое избавление от страдания, жажды борьбы с врагом, веры в победу над ним под руководством признанного и почитаемого вождя Корнилова.

И вот, когда отпала всякая духовная поддержка обреченных на испытания людей, когда впереди темнота неизвестного будущего, когда раздетая армия ближайшей своей задачей должна была поставить — спастись из вражеского круга, преследующего ее по линиям железных дорог, которые предстояло переходить громадными обозами раненых, когда против Добрармии, почти лишенной снарядов, стали выступать броневые поезда, неуязвимые пулеметным, ружейным выстрелам,— тогда эпос похода перешел в трагическую борьбу, исход которой казался заранее предрешен, исход ее — гибель армии, окруженной неприятелем. Армия двигалась в Ейском отделе, но цель ее движения долго еще не была известна участникам похода и высказывались различные предположения — то обосноваться в Ейском отделе в надежде на отрезвление

казаков и пополнение армии ими, то двигаться по направлению Баталпашинского отдела, где и обосновать тыл. Говорили и о движении на Дон, но не решили, т. к. положение на Дону неизвестно. Так или иначе, Армия поспешно оступала от Екатеринодарского района и от станицы Елизаветинской, сделала безостановочный переход в 70 верст до станицы Дядьковской, переход, похожий на бегство с редкими дневками, отдыхами, с бросанием лишних частей обоза, орудий, не нужных за отсутствием снарядов под непрерывным обстрелом.

С тяжелым настроением от Елизаветинской через станицу и какой-то хутор армия пришла утром после двух ночных переходов к немецкой колонии, где и остановилась для дневки. Немецкие колонисты встретили нас недружелюбно. Колонисты давали есть и пить, затаив злобу в душе, недружелюбно поблескивая глазами. Колония, как и надо было ожидать, отличается от хуторов и станиц в значительной степени. Большие каменные дома, крупчатая мельница, колбасная и пивоваренный завод, чистые костюмы колонистов и зажиточность и деловитость их обихода. Чуть не с вступления наших в колонию, последняя подверглась орудийному обстрелу, достигшему к вечеру необыкновенной силы. Стреляли пачками из двух окружных хуторов, при чем шрапнели и гранаты разрывались на единственной улице колонии и в двух дворах, вплотную заколоченных повозками раненых и обозов. Надо еще удивляться, как мало вреда принес этот интенсивный огонь; несколько убитых лошадей и 2 — 3 человека раненых, один добит — ранен, — вот и все потери в самой колонии, хотя шрапнели рвались в самой гуще повозок и людей. В этой же колонии был более точно произведен учет наших потерь под Екатеринодаром, т. к. к ней подтянулись все ариергардные отставшие части и раненые. Тут и я убедился в потере моего любимца старшего сына подпоручика, пропавшего без вести при штурме за Екатеринодар. Пошел в окопы и не вернулся после боя.

Переход через железную дорогу.

Осыпаемая дождем снарядов, армия оставила колонию при холодном рвущем норд-осте. К рассвету следующего дня, 3-го апреля подошли к полотну Черноморской жел. дор. около станицы Медведовской. Уже при отходе из колонии в обозе совершенно определенно ходили слухи о том, что часть обоза может быть оторвана большевиками, что и послужило к созданию глухой паники среди обозных, из которых каждый хотел пробраться с повозкой, верхом или пешком в головную часть обоза, чтобы успеть проскользнуть через опасное полотно.

Я был до того утомлен переходом, что, забыв трусливого своего кучера и возможность быть оторванным от армии — сел внутри двуколки и на холоду норд оста заснул, вручив свою жизнь року.

Ночью авангарды выдержали бой с противником, стоявшем на пути с бронированным поездом. Подойдя на 300 шагов к поезду с

трехдюймовыми орудиями, Марков разбил поезд, проявив чудеса личной храбрости... Говорили, что когда его, приближающегося с горстью храбрецов к полотну, заметили большевики — он закричал «свои», «свои», чем и ввел в заблуждение врага, дав своим возможность вырваться на полотно.

Головные части обоза переходили дорогу под орудийным и пулеметным огнем, в середине обоза рвались шрапнели, и при всем том у Медведовки армия перешла путь благополучно, завладев добычей — снарядами, хлебом и т. д. Прошли, не останавливаясь, Медведовку и дошли до станицы Дядьковской, в 17 верстах от полотна, вне досягаемости большевистских выстрелов. Здесь остановка, заслуженный отдых спасшейся армии.

Сытые места.

От Дядьковской станицы армия двигалась сравнительно успешно до станицы Успенской через Бейсугскую, Журавскую, Ново-Владимирскую, Хоперскую и Ильинскую, которая, однако, подверглась значительному обстрелу большевиков, обстрелу, к которому мы уже привыкли. Характерной чертой этой части похода было насыщение армии хорошим белым хлебом, молочными продуктами, которые здесь были в изобилии. Станицы сытые. Амбары завалены зерном и подсолнухом, обилие скота и птицы. Хлеба девать некуда; готовы бы были продавать по 10 рублей за четверть, лишь бы раздобыть денег, да никто не покупает.

Удачно против ожидания перешли около станицы Ново-Владимирской полотно жел. дор. Большевики «проспали» нас и их броневик показался тогда только, когда мы уже были вне досягаемости его выстрелов. Конечно, перед переходом полотна были взорваны рельсы с обеих сторон перехода, чтобы не допустить близко большевиков. Настроение отряда после удачных переходов жел. дор. поднимается, воскресает надежда вырваться из большевистского окружения. В станице Успенской выясняется возможность движения на Дон, приехал делегат от донских станиц с просьбой защиты. С другой стороны выясняется, что Новочеркасск занят казаками, которые не то двигаются, не то заняли Ростов. Если эти данные получат подтверждение, то у армии будет новый и более солидный тыл, чем Баталпашинский отдел. Добровольцев с Дона особенно тянет на родину. Кубанцы же, особенно Правительство Рады, настаивает на освобождении Кубанской области от большевиков. Здесь особенно выявляется печальная роль Кубанского Правительства и особенно Рады, оставшихся в походе «не у дел», не сумевших отрезвить население от большевистского кошмара. Про Раду даже сложилась поговорка: «Рада сама себе не рада». Если еще пребывание Правительства в армии оправдывалось необходимостью, после изгнания большевиков, восстановить временно власть в области до новых выборов, то роль законодательной Рады в обозе армии была совсем непонятна. Законодательствовать

под выстрелами, конечно, не приходилось и сам собою напрашивался вопрос, почему же эти здоровые, упитанные люди не вошли в состав строевых частей, защищать родную Кубань, а ездят в кухнях, составляя обузу и без того большого обоза, нося, для чего-то, за спиною ружья и не принимая участия в боях. Надо быть искренним и хоть нажить себе новых врагов, необходимо отметить, что роль членов Рады — иногородних господ Соколовых, Сверчковых и казаков социалистов вроде г. Белого, когда-то гремевших с трибуны — корниловцев, была не только непонятна, но, чтобы сказать мягче, двусмысленна. Невелика твердость убеждений, когда решаются прятаться за спину тех, кого вчера еще поносили и разносили на все лады и работе кого ставили палки в колеса.

В Успенской же положено было начало формирования г. Покровским Кубанского казачьего войска. Почему-то в этом не принял энергичного участия тот, кто должен бы стоять впереди казачьего войска — войсковой атаман.

Штаб армии, очевидно, не очень надеялся на Покровского, т. к. в той же Успенской, дав поручение произвести разведку о настроении окружающих Армавир казачьих станиц для мобилизации казаков, дал в его распоряжение для ответственного поручения 2—3 сотни конницы, с каковыми силами, конечно, нельзя было пробиться через железную дорогу. Результатом такого странного поручения было появление в соседней с Успенской станице Расшеватке большевиков, преследовавших слабый отряд. Вслед за этим начался обстрел станицы Успенской, который принудил армию 16 апреля, после четырехдневного стояния, покинуть Успенскую. В этой же Успенской пришлось пережить горькое чувство тоски по иным дням жизни, при виде вербы и дрожащих огоньков зажженных восковых свечей.

Последняя преграда.

Поход на Дон был решен. Нам оставалось только перейти последнее препятствие — жел. дор. линия Батайск—Торговая и там мы уже — у донцов, начавших освобождаться от большевиков. Мы там — почти в безопасности.

Перед отъездом в нашей походной типографии произошло событие: появился Мих. Влад. Родзянко и Борис Алекс. Суворин — осматривать наши технические средства, т. к. с разрешения командующего Деникина предположено издавать полевой листок. В однообразную, одностороннюю жизнь вносится таким образом новая струя. Впоследствии мы выпустили два № листка, но цветку этому не удалось расцвести, т. к. в отряде Дроздовского в Ростове нашу идею перехватили и стали издавать «Добровольческий Вестник» при лучших технических условиях. Обиженный Суворин, который командующим был назначен редактором листка, уехал в Новочеркасск, где и стал издавать свою газету «Вечернее Время» — продолжение Петроградской.

В тучах пыли, носимой ветром прямо нам в лицо и преследующей нас уже целую неделю, мы направились с заходом солнца к полотну дороги под аккомпанемент выстрелов, раздавшихся с Расшеватки. Этот переезд оказался жестоким и рискованным. Только чудом каким-то армии удалось проскочить без больших потерь. Переезд совершался все время под обстрелом большевистского броневика, при чем снаряды — гранаты и шрапнели разрывались в самом обозе, раня и убивая людей и лошадей. 8-ми верстная змея обоза неслась вскачь через железно-дорожный переезд, на котором два добровольца, нагайками подгоняли лошадей отстающих повозок, чтобы не прерывалась линия обоза. Растерявшиеся обозные бросали и теряли вещи — самовары, чемоданы, сумки. Там и тут валялись брошенные линейки и повозки. А шрапнели в туче пыли, служившей мишенью неприятелю, рвались и рвались, внося панику в изнуренные обозы и ариергарды. За полотном сейчас же открылась балка, переезд через которую возможен был только в одиночку по узкому мостику. Перебравшись через полотно, повозки сгрудились около мостика, запруживая проезд хвосту обоза, которому грозило быть отрезанным. Вскоре, однако, какой-то смельчак решился взять левее, прямо по болоту, заполнявшему балку, и завяз по ступицу. Следующий, взяв еще левее вырвался за балку, за ним тронулся и я со своей повозкой, а за мной и другие. Началось движение в две колонны, за балкой понеслись по вспаханному полю, взмыливая лошадей, в три, четыре, пять колонн, скорее же в полном паническом беспорядке. Разрывы стали врываться в ряды обоза реже и реже. Пострадало по слухам до 9 человек, из коих 2 убито осколками снаряда. Больше всего пострадали тяжело раненые, т. к. повозки неслись вскачь, сталкивались и, конечно, не у одного раненого должны были вновь вскрыться раны. Эти ужасные стоны, которые в морозные, ветренные ночи неслись из повозок санитарного обоза — кто раз их слышал, никогда не забудет. Сколько погибло молодых жизней, только потому, что не было дано во время ухода, не было сделано перевязок или потому, что в тряске перевозок не могли заживиться раны. Бывали случаи, что выехав в ночном перепуге, раненого привозили на следующую стоянку мертвым от замерзания.

Тяжела их доля и перед их муками бледнеют тяготы, пережитые людьми. Наконец, армия вышла в селение «Горская Балка», где, к удивлению, головы были встречены ружейными выстрелами горсти большевиков. Этих безумцев захватили в плен и большинство расстреляли. Трупы расстрелянных, раздетые добровольцами валялись на площади, когда мы въезжали в селение Ставропольской губ. Лежанку. Мне до сих пор не пришлось ни с кем говорить о расстрелянных. Но, конечно, мы почти в каждой станице, где остановился обоз, несколько дней — расстреливали обличенных большевиков или вешали их комиссаров. При расстреле я не участвовал, а виселицы с болтающимися трупами до сих пор стоят перед моими глазами.

На Дон.

19 апреля армия прибыла в Лопанку, где и предположено было, что проведем Пасху, но почти с самого нашего в'езда, начался обстрел станицы и завязался арьергардный бой. Настроение в армии приподнятое; с одной стороны последние дни страстной недели вызывают особенно интенсивные чувства и воспоминания о семьях, о доме, с другой близость трудного тыла — Дон, вселяет надежду на возможность основательного отдыха и усиление и подкрепление армии бойцами, бежавшими из России на Дон, а вместе с тем и на начало новой, более широкой работы армии не только по борьбе с большевизмом на Кубани и на Дону, но и по устроению разрушенной Родины.

Разговоры и чаяния армии тянутся к Новочеркасску, к Ростову, которые по слухам эвакуируются большевиками и занимаются немцами. Появляется новый интерес в жизни армии, обсуждаются на все лады отношение к немцам, отношение последних к большевикам и добровольческой армии. Прояснившееся небо и яркая сочная зелень манят к спокойному отдыху. А впереди вырисовываются все новые и новые преграды и превратности. Под наплывом таких мыслей, в четверг на страстной неделе, зашел в церковь послушать чтение 12 евангелий. Каково же было мое изумление, когда вблизи священника, читавшего евангелие, я увидел там знакомую фигуру, напоминающую нахохлившегося петуха—и. об. председателя гор. Думы прис. пов. Вальберга. Меня поразило это явление и я до сих пор ломаю себе голову о его значениях и причинах. Или это благодарственное моление за избавление от большевизма, который, кстати, до некоторой степени (по крайней мере по деятельности в думе г. Вальберга) был уже не так антипатичен г. Вальбергу, или это аванс в сторону «кадетов» на случай могущих возникнуть сомнений относительно искренности поведения г. Вальберга — кто его знает, но во всяком случае в балагане русской жизни были и будут переверты, вроде г. Адамовича бывш. гор. головы, или г. Соколова — члена Рады, прячущихся за спинами своих ярых политических врагов, но такого сверх-переверта как г. Вальберг — я еще не видал. Мое настроение задумчивого созерцания в церкви, пыла молящихся и яркого воскового света, испортилось и я ушел «домой», т.-е. в хату стоянки, как будто проглотив муху, нечаянно залетевшую мне в рот.

Скоро начался обстрел станицы более интенсивный, и в страстную субботу мы выехали под пение шрапнели в Донскую станицу Егорлык, где и встретили Пасху.

Набег.

Приездом в Егорлык, можно было бы закончить мой очерк похода с Кубани на Дон, т. к. эта станица «Гуляй Борисовка» до Мечетинской стала на полтора месяца главным местопребыванием армии. Штаб-квартира была установлена в станице Мечетинской, в которую

и двинулись некоторые части армии из Егорлыка, в том числе и обоз раненых для эвакуации в новочеркасские лазареты.

Мне же пришлось прежде, чем попасть в станицу Мечетинскую, со своей типографией вслед за Кубанским правительством, в отряде войсковых частей ген. Маркова и ген. Эрделли проноситься еще с неделю по Кубанским станицам под несмолкаемым завыванием шрапнели и грохотом выстрелов.

Часть армии, узнав, что Ростов эвакуирован большевиками и что они из Батайска вывозят награбленные ценности в Царицын, была отправлена в набег к станции жел. дор. Сосыке, Екатерининскую и др. дабы перехватить ограбленное и пополнить недостаток в армии снарядов, патронов, продовольствия и амуниции. Надо было уйти. Станция Сосыка дала сама и снаряжение и обмундирование, но наше мотание с боевыми частями было бесполезно.

Предположение Кубанского правительства, не желавшего устраиваться надолго на Дону, что рекогносцировка установит полное очищение большевиками (неразборчиво) отдела и определит возможность обосноваться армии здесь, в каком нибудь крупном пункте, вроде станицы Успенской — не оправдалось. Большевики (неразборчиво) еще (неразборчиво) по линии жел. дор. и предстояла еще долгая подготовка для возвращения на Кубань, которую стали (неразборчиво) большевиков (неразборчиво) часть которых, однако, еще надолго [illegible] ковала армию к Дону.

Конец.

Измучившись до последнего предела, в воинском набеге и упус[illegible] свой обоз, две двуколки с походной типографией уже самостоятельно двинулись от Егорлыка до ст. Мечетинской, где и расположили [illegible] армии, с Кубани на Дон. Армия стала подкармливаться. Здесь [illegible] впервые была более или менее правильно организованная интендантская часть и началось планомерное довольствие войск фуражем и провиантом, т. к. во время похода, при быстрой смене опасностей, зачастую добровольцам приходилось самостоятельно добывать фураж и провиант за свои деньги или за свой страх, при чем каждый должен был помнить заповедь «не зевай», иначе бы прозевал и лошадь и сам остался голодным. Не стану описывать жизнь в скучной станице Мечетинской, в которой по некоторым обстоятельствам мне пришлось прожить весь октябрь месяц. Скажу одно — через неделю я, видимо, отдохнул, но вновь совершить такой же поход я не хотел бы: такое моральное утомление я почувствовал от новых сильных впечатлений, пережитых в походе.

От станицы Мечетинской ехали по Донским степям на подводе к реке Дону. Яркий ковер степи пестрел причудливым рисунком разных колеров цветов.— Я так закончил свое участие в походе строками, невольно вылившимися по приезде на Дон у меня из под пера, ими же кончаю свой очерк.

Рындин.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)

Цена — 1 рубль зол.

СКЛАД ИЗДАНИЙ
Краснодар, Красная 29/30.